УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
27 декабря 2017 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 5 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. По смыслу закона, если статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой квалифицировано преступление, предусматривает возможность назначения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

По приговору суда (оставленному без изменения в апелляционном порядке) К. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 8 годам лишения свободы со штрафом в размере 300 тыс. руб., с ограничением свободы на срок 2 года, в течение которого запрещено изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области, и обязан являться 3 раза в месяц в специализированный государственный орган для регистрации, с отбыванием лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

В надзорной жалобе осужденный просил о пересмотре судебных решений в части назначения ему дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы, поскольку их применение не мотивировано в приговоре.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе, изменил судебные решения в отношении осужденного по следующим основаниям.

По приговору суда от 11 июня 2013 г., который по итогам рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке оставлен без изменения, К. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 8 годам лишения свободы со штрафом в размере 300 тыс. руб. и с ограничением свободы на срок 2 года, с установлением указанных в приговоре ограничений.

Санкцией ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) предусмотрены в качестве дополнительных наказаний к лишению свободы штраф в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет и ограничение свободы на срок до двух лет, которые могут быть назначены по усмотрению суда.

По смыслу закона, если статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой квалифицировано преступление, предусматривает возможность назначения дополнительного наказания по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания его применения с приведением соответствующих мотивов.

В силу требований, предусмотренных п. 4 ст. 307 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия.

Между тем суд, назначив К. по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к лишению свободы дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы, принятое решение в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора не мотивировал. Следовательно, приговор суда в этой части не может быть признан законным и обоснованным.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и апелляционное определение, исключил назначение К. по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) дополнительных наказаний в виде штрафа в размере 300 тыс. руб. и ограничения свободы на срок 2 года. Эти же судебные решения в части осуждения К. по ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) к 8 годам лишения свободы оставил без изменения.

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 143-П17

2. При назначении наказания в виде ограничения свободы в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны конкретные виды ограничений, предусмотренные ст. 53 УК РФ.

По приговору суда Ю. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы сроком на 11 лет с ограничением свободы на 1 год.

В надзорной жалобе осужденный просил исключить из приговора указание о назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы, поскольку суд в нарушение ст. 53 УК РФ не установил никаких ограничений, указав лишь срок.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в части назначенного Ю. наказания по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть, в частности, указаны вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным; решение о дополнительных видах наказания в соответствии со ст. 45 УК РФ; ограничения, которые устанавливаются для осужденного к наказанию в виде ограничения свободы.

Наказание в виде ограничения свободы регламентировано ст. 53 УК РФ, в соответствии с положениями которой ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному ограничений и возложении на него определенных обязанностей и назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой и средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

По данному делу по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ суд назначил осужденному дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год.

Однако вопреки требованиям ст. 53 УК РФ суд не возложил на осужденного обязанностей и не установил конкретных ограничений. Указанное нарушение уголовного закона при назначении наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и кассационное определение, исключил назначение по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы сроком на 1 год.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации №144-П17

3. В силу положений ч. 3 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство) не может превышать 10 лет лишения свободы.

По приговору суда Ч. помимо прочего осужден по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ за покушение на убийство А., П. и М. к 11 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч.2 ст. 105 УК РФ за покушение на убийство К. и других к 10 годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст.69 УК РФ по совокупности преступлений к 16 годам лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указанный приговор изменила: действия Ч., квалифицированные по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство А. и других) и по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство К. и других), квалифицировала по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по которой назначила 11 лет лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, назначила 15 лет 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. руб.

В надзорной жалобе осужденный просил о смягчении ему наказания. В обоснование указывал, что судом были установлены смягчающие наказание обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, при этом отягчающих наказание обстоятельств не установлено. Следовательно, на момент рассмотрения уголовного дела в кассационном порядке подлежал применению в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ новый уголовный закон (ч. 1 ст. 62 УК РФ в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ), улучшающий его положение, этого не учел суд кассационной инстанции. Таким образом, имеются основания для смягчения осужденному наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ).

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям.

Как усматривается из приговора, суд первой инстанции при назначении Ч. наказания признал смягчающими обстоятельствами в том числе явку с повинной, его активное способствование раскрытию преступлений и изобличению других соучастников преступлений, то есть обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. При этом обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Согласно ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, действовавшей на момент совершения преступления) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных

пунктами «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти требования закона при постановлении приговора были соблюдены.

Кассационная инстанция, признав, что при квалификации содеянного по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство А. и других) и по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (по факту покушения на убийство К. и других) неправильно применен уголовный закон, квалифицировала действия осужденного по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по которой назначила ему 11 лет лишения свободы.

Между тем на момент рассмотрения уголовного дела в кассационном порядке ст. 62 УК РФ действовала в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

При назначении наказания за неоконченное преступление указанные сроки или размеры наказания исчисляются от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, которое может быть назначено с учетом правил чч.2 и 3 ст. 66 УК РФ.

Следовательно, с учетом требований ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ), которая в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ подлежала применению судом кассационной инстанции, Ч. по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ не может быть назначено наказание, превышающее 10 лет лишения свободы.

Таким образом, судом кассационной инстанции при назначении Ч. наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ допущено существенное нарушение уголовного закона.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и кассационное определение и смягчил Ч. наказание по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 9 лет 6 месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, назначил Ч. 15 лет лишения свободы со штрафом в размере 100 тыс. руб.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации №169-П17

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров по требованиям о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения

4. Собственник жилого дома, в непосредственной близости от которого ведутся строительные работы, вправе требовать обеспечения застройщиком безопасного производства работ.

Ц. обратился в суд с иском к К. о возмещении ущерба, компенсации морального вреда и возложении на ответчика обязанности совершить определенные действия, указав на то, что ответчик в процессе возведения многоэтажного здания в непосредственной близости от жилого дома истца нарушает порядок осуществления строительства, что причиняет истцу и членам его семьи имущественный ущерб, а также создает угрозу их жизни и здоровью. В связи с этим Ц. просил суд обязать ответчика привести в соответствие с установленными требованиями ограждение всей территории строительной площадки, установив специальный защитный козырек, а также оградительную сетку в целях избежания попадания строительного мусора и бетонного раствора со строящегося объекта на проезд к дому, в котором проживает Ц., и придомовую территорию.

Кроме того, истец указал, что вследствие допущения ответчиком при ведении строительства нарушений в части устройства защитных ограждений строительной площадки и соблюдения техники безопасности причинен ущерб принадлежащим ему транспортным средствам, который подлежит возмещению.

Разрешая спор и частично удовлетворяя требования Ц., суд с учетом заключения судебной автотехнической экспертизы установил факт падения со строящегося объекта капель строительного раствора, причинивших повреждения лакокрасочному покрытию автомобилей истца, и признал доказанным причинение вреда имуществу истца по вине ответчика. Отказывая в удовлетворении требований Ц. о возложении на К. как на застройщика многоэтажного здания обязанности привести ограждение строительных конструкций в соответствие с требованиями нормативных документов, обеспечить безопасность прохода к дому вдоль стройки и пользования придомовой территорией, суд пришел к выводу об отсутствии у Ц. субъективного права заявлять соответствующие требования, поскольку посчитал, что они направлены на защиту прав неопределенного круга лиц и конкретного муниципального образования, выступать от имени которых истец в силу действующего законодательства не вправе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно указав на отсутствие в материалах дела данных

о том, что строительство ведется ответчиком с нарушением строительных и градостроительных норм и правил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с вынесенными судебными постановлениями в той части, в которой в удовлетворении исковых требований заявителя было отказано, не согласилась по следующим основаниям.

Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46). Право на судебную защиту является непосредственно действующим, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 17, ст. 18).

Исходя из принципа диспозитивности гражданского судопроизводства заинтересованное лицо по своему усмотрению выбирает формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом. В силу положений ч. 1 ст. 3 и ч. 1 ст. 4 ГПК РФ условием реализации этих прав является указание в исковом заявлении на то, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца.

Статья 1 (п. 1) ГК РФ к числу основных начал гражданского законодательства относит, в частности, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, а абзац третий ст. 12 ГК РФ устанавливает такой способ защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Таким образом, действующее законодательство прямо предусматривает, что заявление требования о пресечении действий, нарушающих право, может быть использовано конкретным субъектом в качестве способа защиты его нарушенного права.

В связи с этим вывод суда о том, что требования истца о возложении обязанности на ответчика привести в соответствие с установленными требованиями ограждение всей территории строительной площадки, установив специальный защитный козырек, а также оградительную сетку, направлены на защиту прав неопределенного круга лиц и муниципального образования, а не на защиту прав заявителя, является ошибочным.

В силу ч. 6 ст. 52 Градостроительного кодекса Российской Федерации лицо, осуществляющее строительство, обязано обеспечивать безопасность работ для третьих лиц и окружающей среды.

Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» безопасность зданий и сооружений, а также связанных со зданиями и

сооружениями процессов проектирования (включая изыскания), строительства, монтажа, наладки, эксплуатации и утилизации (сноса) обеспечивается посредством установления соответствующих требованиям безопасности проектных значений параметров зданий и сооружений и качественных характеристик в течение всего жизненного цикла здания или сооружения, реализации указанных значений и характеристик в процессе строительства и поддержания состояния таких параметров и характеристик на требуемом уровне в процессе эксплуатации, консервации и сноса.

В ст. 35 названного закона установлено, что строительство, реконструкция, капитальный и текущий ремонт здания или сооружения, консервация объекта, строительство которого не завершено, должны осуществляться таким образом, чтобы негативное воздействие на окружающую среду было минимальным и не возникала угроза для жизни и здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества, жизни и здоровья животных и растений.

Статья 304 ГК РФ предусматривает, что собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения, предоставляя собственнику защиту от действий, не связанных с лишением владения, в том числе от действий собственника (владельца) соседнего земельного участка.

Из содержания приведенных выше норм Градостроительного кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности здания и сооружений» в их системной взаимосвязи с положениями ст. 304 ГК РФ следует, что К., занимающийся строительными работами на расположенном в непосредственной близости от жилого дома истца земельном участке, должен обеспечить такое производство работ, которое было бы безопасным для истца и членов его семьи, а Ц., в свою очередь, обладает правом требовать от ответчика исполнения соответствующей обязанности.

Как указано в п. 45 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума № 10/22), применяя ст. 304 ГК РФ, судам необходимо учитывать, что в силу ст. 304, 305 ГК РФ иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, подлежит удовлетворению в случае, если истец докажет, что он является собственником или лицом, владеющим имуществом по основанию, предусмотренному законом или договором, и что действиями ответчика, не связанными с лишением владения, нарушается его право собственности или законное владение. Иск об устранении нарушений права, не связанных

с лишением владения, подлежит удовлетворению независимо от того, на своем или чужом земельном участке либо ином объекте недвижимости ответчик совершает действия (бездействие), нарушающие право истца.

В соответствии с п. 46 постановления Пленума № 10/22 при рассмотрении исков об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, путем возведения ответчиком здания, строения, сооружения суд устанавливает факт соблюдения градостроительных и строительных норм и правил при строительстве соответствующего объекта. Несоблюдение, в том числе незначительное, градостроительных и строительных норм и правил при строительстве может являться основанием для удовлетворения заявленного иска, если при этом нарушается право собственности или законное владение истца.

В силу п. 47 постановления Пленума № 10/22, удовлетворяя иск об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, суд вправе как запретить ответчику совершать определенные действия, так и обязать ответчика устранить последствия нарушения права истца.

Согласно п. 1 ст. 1065 ГК РФ опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность.

С учетом изложенного обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел о пресечении действий, нарушающих право, является установление факта нарушения ответчиком права, принадлежащего истцу, либо угрозы такого нарушения.

Как следует из материалов дела, Ц., обращаясь в суд с иском о возложении на К. обязанности устранить нарушения порядка осуществления строительства многоэтажного здания, указывал на то, что эти нарушения не только сопряжены с причинением вреда его имуществу, но и ставят под угрозу жизнь и здоровье заявителя и членов его семьи.

При рассмотрении дела суд установил факт падения капель раствора со строящегося здания на автомобили истца, причинившего повреждения их лакокрасочному покрытию, то есть факт нарушения имущественных прав истца в результате производства строительных работ, однако указал, что опасения истца за свою жизнь и жизнь членов его семьи безосновательны, поскольку опасность падения тяжелого предмета за пределы строительной площадки отсутствует.

Между тем судом не было учтено следующее.

В ходе судебных заседаний Ц. указывал, что строящееся здание находится в непосредственной близости от его домовладения. Ширина проезда между его домом и строящимся объектом составляет 6 метров.

Допрошенный в судебном заседании свидетель пояснил, что на проезде, разделяющем земельные участки истца и ответчика, валяются куски кирпича. Другой свидетель в судебном заседании указал, что видел, как при сильном ветре кусок профнастила отлетел от строительного забора ответчика и упал на автомобиль, принадлежащий истцу.

Согласно ответу на обращение Ц., данному департаментом по надзору в строительной сфере, специалистом департамента в период с 22 по 30 декабря 2015 г. проводилась плановая проверка строящегося здания и выявлены в том числе нарушения в части устройства защитных ограждений строительной площадки и лестничных маршей, а также установки информационного щита при въезде на строительную площадку. При очередной проверке с 10 февраля по 10 марта 2016 г. выявлены нарушения требований проектной документации, утвержденной в установленном порядке, требований технических регламентов, в том числе техники безопасности (допущены нарушения при устройстве монолитных перемычек и внутренних стен и перегородок, ограждения строительной площадки выполнено без защитных экранов, козырек выполнен не по всему периметру, отсутствуют защитные ограждения перепадов высот более 1,3 метра, отсутствует информационный щит). Впоследствии при проведении внеплановой проверки в период с 12 по 29 апреля 2016 г. специалистом департамента установлено, что строительные работы возобновлены, ранее выявленные нарушения не устранены. Отмечалось также, что срок действия разрешения на строительство истек. С 24 июля по 1 июля 2016 г. при очередной проверке выявлено продолжение незаконного строительства, нарушения не устранены.

Однако эти обстоятельства были оставлены без внимания и оценки судебных инстанций.

Определение № 18-КГ17-49

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

5. Несоблюдение компетентными органами процедуры изъятия жилого помещения, установленной ст. 32 ЖК РФ, не препятствует собственнику данного жилого помещения требовать в связи с изъятием выплаты возмещения.

М. обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования о взыскании денежной компенсации в счет возмещения за жилое помещение.

В обоснование исковых требований М. указала, что является собственником 1/10 доли в праве общей долевой собственности на жилое помещение – квартиру, расположенную в многоквартирном доме. Заключением межведомственной комиссии указанный жилой дом признан аварийным и непригодным для проживания, после чего снесен. Поскольку компенсация за жилое помещение ей не была предоставлена, просила взыскать с ответчика денежную компенсацию за 1/10 доли в праве собственности на указанную квартиру в размере 690 000 руб., а также

возмещение расходов на регистрацию права собственности на другое жилое помещение в размере 2000 руб., на оплату услуг по подбору жилого помещения в размере 50 000 руб., расходы на проведение оценки в сумме 2000 руб.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные исковые требования в полном объеме, суд первой инстанции указал на то, что жилой дом, в котором находилось принадлежащее истцу жилое помещение, признан аварийным и подлежащим сносу, в связи с чем истец имеет право на получение выкупной стоимости жилого помещения. То обстоятельство, что администрация муниципального образования снесла дом, то есть осуществила действия по реализации властных полномочий, не разрешив вопрос о выплате возмещения собственникам жилых помещений в установленном порядке, без соблюдения процедуры, установленной ст. 32 ЖК РФ, не является основанием для освобождения ответчика от выплаты возмещения за жилое помещение.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что правовым последствием признания дома аварийным и подлежащим сносу для собственника жилого помещения является выплата ему выкупной цены изымаемого жилого помещения, порядок и процедура которой определены в ст. 32 ЖК РФ, предусматривающей предъявление собственнику требования о сносе и реконструкции названного жилого дома.

Поскольку требование о сносе или реконструкции признанного аварийным жилого дома собственникам расположенных в нем жилых помещений не направлялось, решение об изъятии земельного участка не принималось, судебная коллегия пришла к выводу о том, что у администрации муниципального образования отсутствовала законная возможность осуществить возмездное изъятие принадлежащего М. жилого помещения в аварийном жилом доме, а также ее доли в праве собственности на земельный участок, с учетом которой определена выкупная стоимость.

При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что М. не лишена возможности осуществить защиту своих прав собственника жилого помещения в признанном аварийном многоквартирном жилом доме путем понуждения администрации муниципального образования к осуществлению регламентированной ст. 32 ЖК РФ процедуры изъятия земельного участка и принадлежащего ей жилого помещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ч. 8 ст. 32 ЖК РФ предоставление собственнику взамен изымаемого жилого помещения другого жилого помещения допускается

только по соглашению с собственником жилого помещения с зачетом стоимости предоставляемого жилого помещения в выкупную цену.

Таким образом, жилое помещение может быть изъято у собственника либо путем выкупа, либо по соглашению с собственником ему может быть предоставлено другое жилое помещение с зачетом его стоимости в выкупную цену.

В силу ч. 9 ст. 32 ЖК РФ, если собственник жилого помещения не согласен с решением об изъятии жилого помещения либо с ним не достигнуто соглашение о выкупной цене жилого помещения или других условиях его выкупа, орган государственной власти или орган местного самоуправления, принявшие такое решение, могут предъявить в суд иск о выкупе жилого помещения.

В соответствии с п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» судам следует учитывать, что в силу ч. 10 ст. 32 ЖК РФ признание в установленном порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является, по общему правилу, основанием для предъявления органом, принявшим такое решение, к собственникам жилых помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок за счет их собственных средств.

В том случае, если собственники жилых помещений в предоставленный им срок не осуществили снос или реконструкцию многоквартирного дома, органом местного самоуправления принимается решение об изъятии земельного участка, на котором расположен указанный аварийный дом, для муниципальных нужд (чтобы на территории муниципального образования не было жилого дома, не позволяющего обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан) и соответственно об изъятии каждого жилого помещения в доме путем выкупа, за исключением жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальному образованию. К порядку выкупа жилых помещений в аварийном многоквартирном доме в этом случае согласно ч. 10 ст. 32 ЖК РФ применяются нормы чч. 1–3, 5–9 ст. 32 ЖК РФ. При этом положения ч. 4 ст. 32 ЖК РФ о предварительном уведомлении собственника об изъятии принадлежащего ему жилого помещения применению не подлежат.

Как усматривается из материалов дела, ответчиком процедура изъятия жилого помещения для муниципальных нужд, установленная ст. 32 ЖК РФ, нарушена, в связи со сносом жилого дома возможность соблюдения такой процедуры утрачена.

На момент рассмотрения спора принадлежащее истцу на праве собственности жилое помещение в результате распорядительных действий

ответчика было фактически изъято из ее владения без предоставления равноценного возмещения.

Между тем в соответствии со ст. 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Несоблюдение органом местного самоуправления установленной законом процедуры, что имело место по данному делу, не должно умалять права истца и препятствовать их восстановлению.

С учетом изложенных выше норм права Судебная коллегия признала необоснованным вывод суда апелляционной инстанции о том, что М. не лишена возможности осуществить защиту своих прав собственника жилого помещения в аварийном многоквартирном жилом доме путем понуждения администрации муниципального образования к осуществлению регламентированной ст. 32 ЖК РФ процедуры изъятия земельного участка и принадлежащего ей жилого помещения.

Определение № 1-КГ17-6

6. Цена находящегося в государственной собственности земельного участка, выкупаемого собственником расположенных на нем строений, определяется исходя из кадастровой стоимости этого участка на момент обращения с заявлением о выкупе в уполномоченный орган.

К. обратился в суд с иском к департаменту имущественных и земельных отношений администрации области об урегулировании разногласий, возникших при заключении договора купли-продажи земельного участка.

Судом по делу установлено, что К. является арендатором земельного участка, который поставлен на кадастровый учет.

На арендуемом земельном участке располагаются принадлежащие К. на праве собственности объекты недвижимости – нежилые здания.

Решением суда от 6 февраля 2015 г. кадастровая стоимость арендуемого К. земельного участка установлена в размере 6 549 422 руб.

5 октября 2015 г. К. обратился в департамент с заявлением о предоставлении в собственность арендуемого им земельного участка.

24 декабря 2015 г. департамент направил К. проект договора купли-продажи земельного участка от 11 декабря 2015 г., проект дополнительного соглашения о расторжении договора аренды земельного участка от 18 ноября 2004 г., заявителю предложено произвести оплату согласно п. 2.2 договора в размере 2 026 822 руб. 29 коп. в течение 7 рабочих дней с даты получения договора и в 30-дневный срок со дня

получения уведомления подписать проект договора купли-продажи, проект дополнительного соглашения и направить в департамент.

Не согласившись с расчетом цены выкупа земельного участка исходя из размера кадастровой стоимости 16 214 578 руб. 32 коп., 25 декабря 2015 г. К. обратился в департамент с заявлением с просьбой внести изменения в проект договора купли-продажи находящегося в государственной собственности земельного участка от 11 декабря 2015 г. в части расчета выкупной стоимости указанного участка, поскольку на момент обращения его с заявлением в государственном кадастре недвижимости содержались сведения о кадастровой стоимости земельного участка в размере 6 549 422 руб., информация о кадастровой стоимости земельного участка в размере 16 214 578 руб. 32 коп. являлась неактуальной и в ГКН не содержалась.

16 февраля 2016 г. департамент проинформировал о рассмотрении указанного обращения по вопросу перерасчета выкупной стоимости земельного участка и сообщил, что с 1 января 2016 г. кадастровая стоимость земельного участка установлена в размере 12 581 583 руб. 8 коп., в связи с чем направил истцу проект договора купли-продажи земельного участка от 4 февраля 2016 г., проект дополнительного соглашения о расторжении договора аренды земельного участка от 18 ноября 2004 г., К. предложено произвести оплату согласно п. 2.2 договора в размере 1 572 697 руб. 89 коп. в течение 7 рабочих дней с даты получения договора и в 30-дневный срок со дня получения уведомления подписать проект договора купли-продажи, проект дополнительного соглашения и направить в департамент.

Не согласившись с расчетом цены выкупа земельного участка и выкупной ценой, К. 25 февраля 2016 г. сопроводительным письмом направил в департамент проект договора купли-продажи находящегося в государственной собственности земельного участка от 4 февраля 2016 г. вместе с протоколом разногласий к проекту договора от 24 февраля 2016 г. и протоколом согласования разногласий от 24 февраля 2016 г.

29 апреля 2016 г. К. получен ответ от 24 марта 2016 г. об отклонении протокола разногласий, так как на момент принятия решения о заключении договора купли-продажи земельного участка кадастровая стоимость земельного участка составляла 12 581 583 руб. 8 коп.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм действующего законодательства.

Согласно п. 5 ст. 39^{20} Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ, Кодекс) для приобретения права собственности на земельный участок все собственники здания, сооружения или помещений в них, за исключением лиц, которые пользуются земельным участком на

условиях сервитута для прокладки, эксплуатации, капитального или текущего ремонта коммунальных, инженерных, электрических и других линий, сетей или имеют право на заключение соглашения об установлении сервитута в указанных целях, совместно обращаются в уполномоченный орган.

Из положений п. 5 ст. 39^{17} Кодекса следует, что в срок не более чем 30 дней со дня поступления заявления о предоставлении земельного участка в собственность уполномоченный орган рассматривает поступившее заявление, проверяет наличие или отсутствие оснований для отказа в предоставлении земельного участка, предусмотренных ст. 39 ЗК РФ, и при отсутствии таких оснований, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ, осуществляет подготовку проекта договора купли-продажи в трех экземплярах и их подписание, а также направляет проекты указанных договоров для подписания заявителю либо принимает решение о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно и направляет принятое решение заявителю.

Таким образом, обязанность заключить с собственником расположенных на земельном участке строений договор купли-продажи этого участка, по общему правилу, возникает у уполномоченного органа с момента обращения такого собственника с соответствующим заявлением.

Как предусмотрено п. 4 ст. 421 ГК РФ, условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

Согласно п. 2 ст. 39^{4} ЗК РФ при заключении без проведения торгов договора купли-продажи земельного участка, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации или государственная собственность на который не разграничена, цена такого земельного участка определяется в порядке, установленном органом государственной власти субъекта Российской Федерации, если иное не установлено федеральными законами.

Цена названного земельного участка не может превышать его кадастровую стоимость или иной размер цены земельного участка, если он установлен федеральным законом (п. 3 ст. 39^{4} Кодекса).

Статьей 24^{20} Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» предусмотрено, что, по общему правилу, сведения о кадастровой стоимости используются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с даты их внесения в государственный кадастр недвижимости.

Следовательно, цена находящегося в государственной собственности земельного участка, выкупаемого собственником расположенных на таком участке строений, определяется исходя из кадастровой стоимости этого

участка на момент обращения собственника расположенных на нем строений в уполномоченный орган с соответствующим заявлением.

Это не было учтено судами первой и апелляционной инстанций, указавшими, что выкупная цена земельного участка подлежит определению исходя из его кадастровой стоимости на момент принятия.

Определение № 14-КГ17-12

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

7. Право на индексацию взысканной решением суда денежной суммы за период до исполнения обязательства должника третьим лицом и последующего перехода к этому лицу права требования к должнику принадлежит первоначальному кредитору, если исполнение произведено третьим лицом без учета индексации присужденной денежной суммы.

Вступившим в законную силу решением суда от 5 июня 2012 г. в пользу общества-1 с общества-2 и Т. солидарно взыскана задолженность по договору поставки от 20 сентября 2010 г., в том числе сумма основного долга, проценты за пользование коммерческим кредитом, проценты за пользование коммерческим кредитом, начисленные по ставке 0,1% за каждый день пользования кредитом, расходы на оплату государственной пошлины.

Определением суда от 17 июня 2015 г. произведена замена взыскателя (общество-1) на К. на основании заключенного между ними договора уступки права (требований).

Судом установлено, что 11 ноября 2015 г. общество-3 исполнило обязательства Т.

Отказывая в удовлетворении заявления К. об индексации взысканной решением суда денежной суммы за период с момента вынесения решения до его исполнения обществом-3, суд первой инстанции сослался на то, что предложенное обществом-3 исполнение принято кредитором К., в связи с чем на основании ст. 313 и 387 ГК РФ с момента исполнения обязательства к обществу-3 перешли все права кредитора по этому обязательству, что является основанием для замены в соответствии с ч. 1 ст. 44 ГПК РФ взыскателя К. на общество-3 в полном объеме, включая индексацию присужденной суммы за весь период неисполнения решения суда.

Суд апелляционной инстанции с такими выводами суда первой инстанции согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ при просрочке должником исполнения денежного обязательства кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом и в том случае, если должник не возлагал на это лицо исполнение обязательства.

Согласно п. 5 данной статьи закона к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству в соответствии со ст. 387 названного кодекса. Если права кредитора по обязательству перешли к третьему лицу в части, они не могут быть использованы им в ущерб кредитору, в частности, такие права не имеют преимуществ при их удовлетворении за счет обеспечивающего обязательства или при недостаточности у должника средств для удовлетворения требования в полном объеме.

По смыслу приведенных выше норм права кредитора переходят к третьему лицу в названном выше случае в том объеме, в каком это лицо произвело исполнение за должника.

Из установленных судом обстоятельств следует, что на момент исполнения обществом-З обязательства должников кредитором являлся К.

Решение суда о взыскании суммы долга и процентов по договору принято 5 июня 2012 г., а исполнение произведено обществом-З 10 ноября 2015 г.

Того обстоятельства, что исполнение решения суда о взыскании денежной суммы произведено обществом-З с учетом ее индексации, судом не установлено.

Напротив, из приложенного к заявлению общества-З расчета следует, что уплаченная этим обществом К. денежная сумма включает в себя только взысканные решением суда основной долг, проценты на определенную этим решением дату, сумму возмещения расходов на уплату государственной пошлины, а также проценты по договору за последующий период по день фактической уплаты долга. Индексация присужденной решением суда денежной суммы за период неисполнения этого решения в расчет не включена.

При таких обстоятельствах выводы суда первой инстанции об объеме требований, перешедших к исполнившему обязательство третьему лицу, сделаны без учета положений п. 5 ст. 313 ГК РФ.

Определение № 5-КГ17-13

8. Неисполнение покупателем обязанности по оплате переданного ему продавцом товара относится к существенным нарушениям условий договора купли-продажи.

Д. обратилась в суд с иском к П. о расторжении договора купли-продажи и возврате недвижимого имущества.

В обоснование заявленных требований истица указала, что заключила с ответчиком договор купли-продажи принадлежащих ей земельного участка и жилого дома.

Переход к ответчику права собственности на эти объекты недвижимости был в установленном законом порядке зарегистрирован в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, однако ответчик свои обязательства по оплате земельного участка и жилого дома не исполнил, тем самым существенно нарушив условия договора купли-продажи.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что в результате длительного неисполнения ответчиком обязательств по оплате приобретенных у истицы объектов недвижимости Д. в значительной степени лишилась того, на что она была вправе рассчитывать при заключении договора. Суд указал, что такое нарушение условий договора со стороны ответчика является существенным и порождает у истицы право требовать расторжения договора купли-продажи и возврата переданного ответчику имущества.

Проверяя законность принятого судом первой инстанции решения, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о принятии по делу нового решения об отказе в удовлетворении исковых требований. При этом суд согласился с позицией истицы о том, что ответчик не выполнил свои обязанности по оплате приобретенного имущества, однако пришел к выводу, что такое нарушение договора не является существенным и каких-либо доказательств, подтверждающих именно такой характер нарушения договора, истицей не представлено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данный вывод противоречащим положениям п. 2 ст. 450 ГК РФ, согласно которому существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

Определяя существенность нарушения, допущенного покупателем, суд апелляционной инстанции должен был исходить из установленного им обстоятельства о том, что продавец не получил вообще никакой денежной суммы за проданное имущество, а потому с очевидностью лишился того, на что вправе был рассчитывать при заключении договора.

Кроме того, суд апелляционной инстанции со ссылкой на п. 3 ст. 486 ГК РФ указал, что неисполнение обязанности по оплате проданного товара не влечет возникновения у продавца права на расторжение договора купли-продажи, а порождает у него лишь право требовать оплаты товара и уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами.

Такой вывод основан на неправильном толковании п. 3 ст. 486 ГК РФ, предусматривающего, что, если покупатель своевременно не оплачивает переданный в соответствии с договором купли-продажи товар,

продавец вправе потребовать оплаты товара и уплаты процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ.

Из буквального толкования текста правовой нормы не следует, что в случае несвоевременной оплаты покупателем переданного в соответствии с договором купли-продажи товара продавец не имеет права требовать расторжения такого договора на основании подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Судом апелляционной инстанции также неправильно применены разъяснения, содержащиеся в п. 65 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

Согласно абзацу четвертому указанного пункта в силу п. 4 ст. 453 ГК РФ стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон. Вместе с тем согласно ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством. Поэтому в случае расторжения договора продавец, не получивший оплаты по нему, вправе требовать возврата переданного покупателю имущества на основании ст. 1102 и 1104 указанного кодекса.

Определение № 78-КГ17-21

Разрешение споров, связанных с защитой прав потребителей

9. Определение страховых рисков по договору страхования жизни и здоровья гражданина-потребителя и предоставление страхователю необходимой информации о страховой услуге – обязанность страховщика, на котором лежит бремя доказывания надлежащего исполнения этой обязанности.

Х. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании суммы страхового возмещения и компенсации морального вреда.

В обоснование требований истец указал, что между ним и ответчиком заключен договор страхования от несчастных случаев. К страховым рискам отнесено в том числе наступление инвалидности в результате несчастного случая. В период действия договора истцу была установлена I группа инвалидности. Х. обратился в страховую компанию с заявлением о выплате страхового возмещения, приложив все необходимые документы, однако ответчик в выплате отказал, сославшись на отсутствие страхового случая, так как инвалидность установлена истцу в результате заболевания, а не несчастного случая.

Х. счел данный отказ незаконным и нарушающим его права, в связи с чем просил взыскать в его пользу сумму страхового возмещения в размере 1 000 000 руб. и 300 000 руб. в счет компенсации морального вреда.

Как установлено судом, указанный договор страхования заключен между сторонами на основании утвержденных страховщиком Общих правил страхования от несчастных случаев и болезней (далее также – Правила). В качестве страховых рисков по указанному договору определены: временная утрата трудоспособности (здоровья) в результате несчастного случая; травма в результате несчастного случая; инвалидность в результате несчастного случая; смерть в результате несчастного случая; госпитализация в результате несчастного случая; операция в результате несчастного случая.

В период действия договора Х. установлена I группа инвалидности вследствие ишемического инсульта.

Отказ в выплате страхового возмещения страховая компания обосновала тем, что инвалидность Х. установлена в результате общего заболевания, а потому согласно условиям договора страхования данное событие не является страховым случаем.

Исследовав и оценив доказательства, а также дав толкование условиям договора, суд первой инстанции, с которым согласился и суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о том, что в связи с установлением Х. I группы инвалидности наступил предусмотренный договором страхования страховой случай, а страховая компания неправомерно отказала истцу в выплате страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, оставляя названные судебные акты без изменения, исходила из следующего.

Согласно ст. 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон об организации страхового дела) страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления (п. 1).

Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам (п. 2).

Согласно ст. 10 Закона Российской Федерации 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о

товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Как разъяснено в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных ему недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), суду следует исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках, имея в виду, что в силу Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Судом по делу установлено, что при заключении договора страхования были заполнены и подписаны заявление на страхование от несчастного случая, а также карточка сведений о лице, подлежащем страхованию. Страхователю выдан полис с указанием на ознакомление с Правилами страхования и получение этих правил застрахованным.

При этом как в заявлении, так и в полисе отсутствует указание на какое-либо различие между наступлением инвалидности от несчастного случая и от заболевания, равно как и то, что инвалидность вследствие болезни исключается из числа страховых случаев по договору.

Доказательств, свидетельствующих о том, что истцу разъяснялось, что инвалидность по болезни не будет являться страховым случаем, а также о наличии возможности заключить договор с дополнительным условием страхования от инвалидности вследствие болезни, суду не представлено.

Из содержания заявления и полиса усматривается, что указанные документы заполнены печатным способом, включая отметки – значок «V» – о том или ином выборе условий страхования. При этом варианта страхования на предмет инвалидности по болезни не имеется.

При таких обстоятельствах суд, оценив волеизъявление сторон при заключении договора страхования с учетом отсутствия у потребителя специальных познаний, пришел к выводу о том, что наступившая у истца инвалидность относится к страховым случаям, на предмет которых заключался договор страхования.

Доводы заявителя о том, что договор страхования заключен на основании Общих правил страхования от несчастных случаев и болезней, сами по себе не опровергают вывода судов.

Так, п. 1.12.1 Правил предусмотрено, что несчастный случай – фактически происшедшее извне, возникшее внезапно, непредвиденно, помимо воли застрахованного событие, произошедшее в период действия договора страхования, в том числе: взрыв, утопление, действие электрического тока, удар молнии, нападение злоумышленников или животных, падение какого-либо предмета на застрахованного, падение самого застрахованного, удушение, отравление вредными веществами, наезд средств транспорта или их авария, резкое физическое перенапряжение конечностей или позвоночника, в результате чего происходит вывих сустава, частичный или полный разрыв мускулов, сухожилий, связок или сосудов. Если это прямо предусмотрено договором страхования, к несчастным случаям относятся также неправильные медицинские манипуляции.

В п. 1.12.2 Правил указано, что заболевание (болезнь) – заболевание, впервые выявленное (диагностированное) в период действия договора страхования либо, если это предусмотрено договором страхования, заявленное страхователем (застрахованным) и принятое страховщиком на страхование.

Таким образом, перечень указанных в Правилах несчастных случаев является не исчерпывающим, а определение в п. 1.12.2 заболевания (болезни) уточняет только период его выявления.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Между тем в возражениях на иск и в кассационной жалобе ответчиком не представлено обоснования того, что инсульт, вызванный внешними факторами, произошедший внезапно, непредвиденно и помимо воли застрахованного, не является предусмотренным договором страховым случаем.

Как видно из материалов дела, программы по страхованию от несчастных случаев и болезней, включая программу страхования, по которой был застрахован истец, не предусматривают каких-либо различий в страховых рисках инвалидности от несчастного случая и от болезни, в том числе и в тарифах. Каких-либо сведений о программах,

предусматривающих страхование лишь от болезни или от болезни в дополнение к несчастному случаю, не имеется.

Решение суда основано на оценке обстоятельств дела и толковании условий договора.

Доводы кассационной жалобы страховой компании, основанные на несогласии с оценкой обстоятельств дела и с толкованием судом условий договора, сами по себе не могут служить основанием для кассационного пересмотра состоявшихся по делу судебных постановлений.

В соответствии с ч. 2 ст. 390 ГПК РФ при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими дело, в пределах доводов кассационных жалобы, представления.

Суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими.

Кроме того, из материалов дела следует, что решение суда исполнено, денежные средства истцу – инвалиду I группы – выплачены, являются его собственностью.

В соответствии с принципом правовой определенности не допускается пересмотр окончательного решения суда исключительно в целях проведения повторного слушания по делу и постановления нового решения, а в соответствии с принципом уважения собственности не допускается произвольное лишение полученного по решению суда имущества.

Определение № 18-КГ17-27

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

10. В случае прекращения семейных отношений бывшие члены семьи собственника жилого помещения утрачивают право пользования этим жилым помещением, если соглашением между ними не установлено иное.

Суд может рассмотреть вопрос о возможности сохранения за таким лицом права пользования жилым помещением на определенный срок на основании ч. 4 ст. 31 ЖК РФ.

Ш.С., действуя также в интересах несовершеннолетнего Ш.В., обратилась в суд с иском к Ш.А. о признании утратившим право пользования жилым помещением, снятии с регистрационного учета, выселении, возложении обязанности передать ключи.

В обоснование исковых требований Ш.С. указала, что состояла в браке с ответчиком. По условиям брачного договора Ш.С. на праве собственности принадлежит жилой дом. Ответчик зарегистрирован и продолжает проживать в спорном жилом доме, при этом создает невыносимые условия для проживания ей и ребенку. Соглашения о порядке проживания, пользования жилым домом между сторонами не достигнуто, ответчик, перестав быть членом ее семьи, утратил основания для проживания.

Судом установлено, что с 2003 года Ш.А. и Ш.С. состояли в браке, который расторгнут в 2015 году, от брака имеют несовершеннолетнего сына Ш.В.

В 2003 году между К. и Ш.С. заключен договор купли-продажи земельного участка с жилым домом. Данная сделка совершена с согласия Ш.А., право собственности зарегистрировано за Ш.С.

В спорном жилом доме проведена реконструкция за счет взятых супругами Ш.С. и Ш.А. в апреле 2008 года кредитных средств, задолженность по кредиту оплачивается ими совместно, окончание срока выплаты по кредиту – 2028 год. В этом доме проживают и имеют регистрацию Ш.С., Ш.А., их несовершеннолетний сын Ш.В.

В 2011 году между Ш.С. и Ш.А. заключен брачный договор, удостоверенный нотариусом, в соответствии с условиями которого по взаимному согласию сторон на все нажитое супругами во время брака имущество, в том числе и имущество, приобретенное до заключения данного договора, устанавливается правовой режим раздельной (индивидуальной) собственности каждого из супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака (п. 1.1). В случае расторжения брака супругами по взаимному согласию на все нажитое во время брака имущество сохраняется правовой режим раздельной собственности супругов, действующий в отношении соответствующего имущества в период брака, если этим договором не предусмотрено иное (п. 1.2). Доли в имуществе и (или) доходах коммерческих организаций, доли в уставных капиталах, а также любые имущественные права на приобретенные в период брака объекты недвижимого имущества (земельные участки, здания, сооружения, жилые и нежилые помещения (доли в праве собственности), движимого имущества, в том числе автомобили, мотоциклы, яхты и иное, права по договорам инвестиционной деятельности и иное имущество являются во время брака и в случае его расторжения собственностью того из супругов, на имя которого они приобретены, оформлены, зарегистрированы.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, судебные инстанции пришли к выводу о том, что с учетом конкретных обстоятельств дела при отсутствии у Ш.А. каких-либо прав на другое жилое помещение

достаточных оснований для признания ответчика утратившим право пользования спорным жилым помещением не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав, в частности, следующее.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», по общему правилу, в соответствии с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением собственника с бывшим членом его семьи. Это означает, что бывшие члены семьи собственника утрачивают право пользования жилым помещением и должны освободить его (ч. 1 ст. 35 ЖК РФ). В противном случае собственник жилого помещения вправе требовать их выселения в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения.

По смыслу чч. 1 и 4 ст. 31 ЖК РФ к бывшим членам семьи собственника жилого помещения относятся лица, с которыми у собственника прекращены семейные отношения. Под прекращением семейных отношений между супругами следует понимать расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в суде, признание брака недействительным.

Таким образом, юридически значимыми обстоятельствами для разрешения данного спора являлись обстоятельства, свидетельствующие о том, что семейные отношения между Ш.С. и Ш.А. прекращены, ответчик является бывшим членом семьи собственника жилого помещения, в силу закона после прекращения брака право пользования спорным жилым помещением за ним не сохраняется, соглашения между собственником спорной квартиры и Ш.А. о праве пользования спорной квартирой не имеется. Приобретение спорного имущества на совместные денежные средства, мотивы заключения брачного договора правового значения для разрешения возникшего спора не имеют.

Судами также не принято во внимание, что при рассмотрении иска собственника жилого помещения к бывшему члену семьи о прекращении пользования жилым помещением и выселении в целях обеспечения баланса интересов сторон спорного правоотношения суд, исходя из положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, может решить вопрос о возможности сохранения за бывшим членом семьи права пользования жилым помещением на определенный срок.

Определение № 85-КГ17-19

11. Лица, вселенные в квартиру в качестве членов семьи собственника, не имеют права на внеочередное обеспечение жилым помещением в связи с признанием многоквартирного дома, в котором данная квартира расположена, аварийным.

Г., действующая в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери, обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования о предоставлении во внеочередном порядке благоустроенного жилого помещения. В обоснование иска Г. указала, что вместе с несовершеннолетней дочерью проживала и была зарегистрирована в квартире, принадлежащей на праве собственности ее матери Г.Ф. В результате произошедшего пожара указанный дом фактически был уничтожен. Заключением межведомственной комиссии многоквартирный дом признан аварийным и подлежащим сносу. Поскольку она признана малоимущей и в составе семьи из двух человек, включая несовершеннолетнюю Г.Н., поставлена на учет граждан, нуждающихся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, полагает, что на ответчика должна быть возложена обязанность предоставить ей с учетом дочери во внеочередном порядке благоустроенное жилое помещение площадью не менее нормы предоставления.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что поскольку Г. не является нанимателем жилого помещения муниципального жилищного фонда либо собственником жилого помещения, то в силу положений ст. 32, 49, 57, 85 и 86 ЖК РФ, а также Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» правом на обеспечение благоустроенным жилым помещением во внеочередном порядке не обладает.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что, поскольку единственное для проживания истца жилое помещение в установленном законом порядке признано непригодным для проживания и решением органа местного самоуправления определено к сносу, а истец признана малоимущей и принята на учет в качестве лица, нуждающегося в жилом помещении (отдельно от собственника жилого помещения, подлежащего сносу), у органов местного самоуправления в силу ст. 57 ЖК РФ возникла обязанность по предоставлению истцу благоустроенного жилого помещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с нарушением норм материального права.

Жилищные права собственника жилого помещения в доме, признанном в установленном порядке аварийным и подлежащим сносу, обеспечиваются в порядке, предусмотренном ст. 32 ЖК РФ.

Согласно ч. 10 ст. 32 ЖК РФ признание в установленном Правительством Российской Федерации порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является основанием предъявления органом, принявшим решение о признании такого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, к собственникам помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок. В случае, если данные собственники в установленный срок не осуществили снос или реконструкцию указанного дома, земельный участок, на котором расположен указанный дом, подлежит изъятию для муниципальных нужд и, соответственно, подлежит изъятию каждое жилое помещение в указанном доме, за исключением жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальному образованию, в порядке, предусмотренном чч. 1–3, 5–9 данной статьи.

В соответствии с ч. 1 ст. 32 ЖК РФ жилое помещение может быть изъято у собственника путем выкупа в связи с изъятием соответствующего земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Выкуп части жилого помещения допускается не иначе как с согласия собственника.

По соглашению с собственником жилого помещения ему может быть предоставлено взамен изымаемого жилого помещения другое жилое помещение с зачетом его стоимости при определении размера возмещения за изымаемое жилое помещение (ч. 8 ст. 32 ЖК РФ).

Вместе с тем, если жилой дом, признанный аварийным и подлежащим сносу, включен в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, то собственник жилого помещения в таком доме в силу п. 3 ст. 2, ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» имеет право на предоставление другого жилого помещения либо его выкуп.

Судом по делу установлено, что жилое помещение, принадлежащее матери истца на праве собственности, находится в доме, признанном непригодным для проживания и подлежащим сносу, который не включен в адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда; истец, а также ее несовершеннолетняя дочь, вселены в указанное жилое помещение его собственником и проживали в нем в качестве членов семьи последнего, а потому исходя из содержания приведенных выше норм Г. права на внеочередное предоставление жилого помещения в связи с признанием жилого дома аварийным, в котором ее матери принадлежит на праве собственности жилое помещение, не имеет, а правом на получение возмещения за жилое помещение в соответствии с

требованиями ст. 32 ЖК РФ обладает только собственник жилого помещения, то есть мать Г.

При указанных обстоятельствах у суда апелляционной инстанции отсутствовали правовые основания для отмены решения суда первой инстанции и вынесения нового решения об удовлетворении исковых требований.

Определение № 25-КГ16-13

Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями

12. Факт смерти военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы подтверждается в том числе справкой установленной формы, составленной уполномоченным должностным лицом о том, что в момент смерти военнослужащий находился на территории воинской части в связи со служебной необходимостью.

Заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы требуется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Л.Е. и Л.А. обратились 21 марта 2016 г. в суд с иском к открытому акционерному обществу «Страховое общество газовой промышленности» (далее – страховщик) о признании права на получение единовременного пособия и взыскании единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее – Федеральный закон № 306-ФЗ), компенсации морального вреда.

Судом установлено и следует из материалов дела, что Л.Е. являлась супругой, а Л.А., 1993 года рождения, – сыном военнослужащего – полковника Л.С., проходившего военную службу в войсковой части в должности начальника центра управления – заместителя начальника штаба по боевому управлению и умершего 25 декабря 2014 г.

По результатам проведенного служебного разбирательства по факту смерти Л.С. заместителем начальника штаба войсковой части составлен рапорт от 28 декабря 2014 г., а заместителем начальника центра управления войсковой части – рапорт от 27 мая 2015 г. о том, что в соответствии с должностными и специальными обязанностями начальник центра управления Л.С. получил сигнал оповещения, отданный от имени командира войсковой части, о введении степени боевой готовности, приступил к выполнению приказа, был обязан экипироваться, прибыть на службу. При выполнении приказа, исполняя свои обязанности начальника центра управления, Л.С. умер.

25 декабря 2014 г. полковник Л.С. находился по месту прохождения военной службы в войсковой части (справка начальника штаба войсковой части от 30 декабря 2015 г.).

Согласно выписке из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения по личному составу от 31 января 2015 г. полковник Л.С. в соответствии с п. 7 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ) и ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации № 1237, исключен с 26 декабря 2014 г. из списков личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в связи со смертью 25 декабря 2014 г. В этом же документе указано, что смерть Л.С. наступила в период прохождения им военной службы, связана с исполнением обязанностей военной службы.

По факту смерти Л.С. командиром войсковой части выдана справка от 10 марта 2015 г. установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

По заключению военно-врачебной комиссии филиала главного центра военно-врачебной экспертизы Министерства обороны Российской Федерации от 26 марта 2015 г. заболевание полковника Л.С. «острая левожелудочковая недостаточность, вследствие повторного субэндокардиального инфаркта миокарда передней стенки левого желудочка», приведшее к его смерти, получено в период военной службы.

17 марта 2015 г. Л.Е. и Л.А. обратились в военный комиссариат с заявлениями о выплате единовременного пособия в связи со смертью Л.С., наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

Выплату единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, по соглашению от 16 января 2015 г., заключенному между Министерством обороны Российской Федерации и страховщиком, осуществляет последний.

Для решения вопроса о выплате единовременного пособия членам семьи умершего при исполнении обязанностей военной службы Л.С. (жене Л.Е., сыну Л.А. – курсанту 2 курса высшего военно-учебного заведения очной формы обучения и отцу Л.И.) начальник отдела военного комиссариата направил их заявления о выплате единовременного пособия с приложенными документами страховщику.

Страховщик направил командиру войсковой части запрос о представлении дополнительных документов для принятия решения о выплате единовременного пособия в равных долях членам семьи военнослужащего полковника Л.С.

Командиром войсковой части повторно выдана справка установленной формы о том, что смерть Л.С. наступила в период

прохождения военной службы при исполнении обязанностей военной службы от острой коронарной недостаточности сердца.

Единовременное пособие страховщиком Л.Е. и Л.А. выплачено не было.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции, исходя из положений Федерального закона № 306-ФЗ, Федерального закона № 53-ФЗ с учетом установленных по делу обстоятельств, пришел к выводу о том, что смерть полковника Л.С. наступила от острой коронарной недостаточности сердца на территории войсковой части при исполнении им обязанностей военной службы, в связи с чем удовлетворил исковые требования о признании за членами семьи умершего Л.С. права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, и взыскании со страховщика в пользу истцов единовременного пособия в равных долях в размере 2 110 000 руб.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения иска Л.Е. и Л.А. о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании с ответчика этого пособия в их пользу и принимая в этой части новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, исходил из того, что у членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего право на получение единовременного пособия возникает только при наличии причинно-следственной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы, в то время как согласно заключению военно-врачебной комиссии заболевание, приведшее к смерти полковника Л.С., получено им в период военной службы. Ввиду отсутствия доказательств того, что заболевание Л.С., приведшее к его смерти, является заболеванием, полученным им при исполнении обязанностей военной службы, суд апелляционной инстанции не признал за истцами права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона о денежном довольствии военнослужащих.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо его смерти, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных им при исполнении

обязанностей военной службы (далее – военная травма), до истечения одного года со дня увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных сборов), членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего или гражданина, проходившего военные сборы, выплачивается в равных долях единовременное пособие в размере 3 000 000 руб.

Согласно п. 1 ч. 11 ст. 3 указанного федерального закона членами семьи военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы, имеющими право на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 данной статьи, и ежемесячной денежной компенсации, установленной чч. 9 и 10 данной статьи, независимо от нахождения на иждивении погибшего (умершего) кормильца или трудоспособности считаются в том числе супруга (супруг), состоящая (состоящий) на день гибели (смерти) военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы в зарегистрированном браке с ним; дети, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, – до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет.

Из содержания ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ следует, что гибель (смерть) военнослужащего признается основанием для выплаты членам его семьи единовременного пособия в двух имеющих самостоятельное значение случаях: если она наступила при исполнении им обязанностей военной службы либо вследствие военной травмы до истечения одного года со дня увольнения с военной службы.

Пунктом 1 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ определен перечень случаев, когда военнослужащий признается исполняющим обязанности военной службы.

Так, в соответствии с подп. «б», «д», «е» данного пункта военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы в случаях: исполнения должностных обязанностей; выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); нахождения на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью.

В п. 2 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ приводится исчерпывающий перечень случаев, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей воинской службы. К ним отнесены случаи: а) самовольного нахождения вне расположения воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы, за исключением случаев, предусмотренных подп. «л», «м», «н», «о», «п» и «р» (нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного; безвестного отсутствия – до признания

военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности; оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; совершения иных действий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества и государства); б) добровольного приведения себя в состояние опьянения; в) совершения им деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным.

В п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» разъяснено, что исходя из положений чч. 8 и 9 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо смерти, наступившей вследствие военной травмы, членам его семьи выплачиваются установленные этим законом пособия и компенсации. Разрешая споры, связанные с предоставлением членам семьи указанных лиц социальных гарантий и компенсаций, судам следует проверять, наступила ли гибель (смерть) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении ими обязанностей военной службы, принимая во внимание то, что при обстоятельствах, перечисленных в п. 2 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (например, совершение ими деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным), военнослужащие или граждане, призванные на военные сборы, не признаются погибшими (умершими), получившими увечье или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

Приказом Министерства обороны Российской Федерации от 6 мая 2012 г. № 1100 утвержден Порядок выплаты в Министерстве обороны Российской Федерации единовременных пособий, предусмотренных чч. 8 и 12 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ (далее также – Порядок выплаты единовременных пособий, Порядок).

Единовременные пособия военнослужащим или членам семей погибших (умерших) военнослужащих выплачиваются в установленных законодательством Российской Федерации случаях за счет средств Министерства обороны Российской Федерации организацией, с которой заключено соглашение об осуществлении выплат единовременных пособий военнослужащим и членам семей погибших (умерших) военнослужащих (п. 2 Порядка выплаты единовременных пособий).

Выплата единовременных пособий производится организацией на основании документов, подтверждающих наступление у военнослужащих или членов семей погибших (умерших) военнослужащих права на соответствующие выплаты (п. 3 Порядка).

Пункт 8 Порядка выплаты единовременных пособий содержит положения, аналогичные положениям п. 1 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ, определяющим случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы.

Пункт 9 Порядка аналогичен по содержанию п. 2 Федерального закона № 53-ФЗ, предусматривающему случаи, когда военнослужащий не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

В п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий перечислены необходимые документы, которые воинские части (военные комиссариаты, отделы военных комиссариатов) оформляют и направляют в страховую организацию для принятия решения о выплате единовременного пособия членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего.

В числе этих документов в подп. «б» п. 12 Порядка указана справка согласно приложению № 2 к Порядку. Из содержания формы данной справки следует, что в ней должностным лицом воинской части (военного комиссариата, отдела военного комиссариата) указываются обстоятельства гибели (смерти) военнослужащего: вследствие увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания, полученных им при исполнении обязанностей («военная травма»); при исполнении обязанностей военной службы, при обстоятельствах, указанных в соответствии с рапортом по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалами административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенными судебными решениями.

В подп. «д» п. 12 Порядка выплаты единовременных пособий в числе документов, требуемых для принятия решения о выплате единовременного пособия, также названо заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы в формулировке «военная травма». При этом в примечании к подп. «д» поясняется, что данное заключение военно-врачебной комиссии представляется в случае гибели (смерти) военнослужащего, наступившей при обстоятельствах, не указанных в п. 8 данного Порядка (в п. 8 Порядка предусмотрены случаи, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы).

Таким образом, из приведенных положений нормативных правовых актов следует, что для решения вопроса о выплате членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего единовременного пособия в связи с его гибелью (смертью) при исполнении обязанностей военной

службы доказательствами, подтверждающими гибель (смерть) военнослужащего при исполнении им обязанностей военной службы, являются соответствующие документы, в том числе справка установленной формы, составленная уполномоченным должностным лицом на основании рапорта по факту гибели (смерти) военнослужащего или материалов административного расследования, расследования, проводимого органами дознания (следствия), вынесенных судебных решений, о том, что военнослужащий погиб (умер) при исполнении обязанностей военной службы, а заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи заболевания, приведшего к смерти военнослужащего, с исполнением им обязанностей военной службы представляется для подтверждения смерти военнослужащего вследствие военной травмы.

Ввиду изложенного вывод суда апелляционной инстанции о том, что у истцов – членов семьи умершего военнослужащего полковника Л.С. – не имеется права на получение единовременного пособия, поскольку отсутствуют доказательства причинно-следственной связи смерти Л.С. с исполнением им обязанностей военной службы (заключение военно-врачебной комиссии о причинно-следственной связи заболевания Л.С., приведшего его к смерти, с исполнением им обязанностей военной службы), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным.

Судом апелляционной инстанции, в отличие от суда первой инстанции, не учтено, что в данном деле основанием исковых требований Л.Е. и Л.А. о признании права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, и взыскании этого пособия со страховщика в их пользу была названа смерть военнослужащего полковника Л.С. при исполнении им обязанностей военной службы, а не вследствие военной травмы, в результате чего судом апелляционной инстанции неправильно определены правоотношения сторон и, соответственно, обстоятельства, имеющие значение для дела.

Между тем в материалах дела имеются документы, которые были приняты судом первой инстанции в качестве допустимых доказательств, подтверждающих смерть полковника Л.С. при исполнении обязанностей военной службы, а именно: выписка из приказа командующего ракетными войсками стратегического назначения от 31 января 2015 г., справки командира войсковой части, составленные по форме согласно Приложению № 2 к Порядку выплаты единовременных пособий, и рапорт по результатам проведенного разбирательства по факту смерти Л.С. от 27 мая 2015 г.

Кроме того, обстоятельств, предусмотренных п. 2 ст. 37 Федерального закона № 53-ФЗ, исключающих возможность признания Л.С. умершим при исполнении им обязанностей военной службы, судом апелляционной инстанции установлено не было, тогда как суд первой инстанции с учетом положений п. 1 ст. 37 данного федерального закона и

представленных истцами доказательств в обоснование заявленных требований пришел к выводу о том, что смерть военнослужащего полковника Л.С., произошедшая на территории войсковой части при выполнении приказа, отданного командиром (выполнение запланированного тренировочного мероприятия), следует признать наступившей при исполнении обязанностей военной службы.

В связи с этим Судебная коллегия признала ошибочной и ссылку суда апелляционной инстанции в обоснование своего вывода об отказе в удовлетворении исковых требований истцов о признании за ними права на единовременное пособие и взыскании данной выплаты в их пользу на положения ст. 61 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и пп. 91 и 94 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, так как названные нормы определяют лишь цели военно-врачебной экспертизы и формулировки для заключений военно-врачебной комиссии о причинной связи увечий, заболеваний, полученных военнослужащими.

Неправильное применение судом апелляционной инстанции норм материального права привело к незаконному лишению Л.Е. и Л.А. права на получение единовременного пособия в порядке ч. 8 ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ.

Определение № 51-КГ17-4

Процессуальные вопросы

13. Требования налогового органа о взыскании с наследника гражданина-налогоплательщика задолженности по транспортному налогу подлежат рассмотрению судом в порядке гражданского судопроизводства, поскольку переход данной обязанности к наследникам не является безусловным и требует соблюдения порядка, установленного гражданским законодательством.

Налоговый орган обратился в суд с иском к Г.Г. о взыскании задолженности по транспортному налогу.

В обоснование иска указано, что в 2011 году за Г.Э. было зарегистрировано транспортное средство, в связи с чем с указанного периода Г.Э. являлась плательщиком транспортного налога. В 2012 году Г.Э. умерла. Поскольку при жизни налогоплательщика образовалась задолженность по налогу в размере 1800 руб., а Г.Г. является наследником Г.Э., принявшим наследство, к нему перешла обязанность по уплате транспортного налога в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Определением судьи первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в принятии искового заявления отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в связи с тем, что заявление налогового органа не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям, в том числе административные дела о взыскании денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций с физических лиц.

В силу ч. 1 ст. 286 КАС РФ органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, другие органы, наделенные в соответствии с федеральным законом функциями контроля за уплатой обязательных платежей (далее – контрольные органы), вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением о взыскании с физических лиц денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций, если у этих лиц имеется задолженность по обязательным платежам, требование контрольного органа об уплате взыскиваемой денежной суммы не исполнено в добровольном порядке или пропущен указанный в таком требовании срок уплаты денежной суммы и федеральным законом не предусмотрен иной порядок взыскания обязательных платежей и санкций.

По данному делу налоговый орган в порядке гражданского судопроизводства обратился в суд с требованием о взыскании с наследника задолженности по транспортному налогу, обязанность по

уплате которого лежала на умершем гражданине-налогоплательщике, в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате налога или сбора возникает, изменяется и прекращается при наличии оснований, установленных названным кодексом или иным актом законодательства о налогах и сборах. Обязанность по уплате конкретного налога или сбора возлагается на налогоплательщика и плательщика сбора с момента возникновения установленных законодательством о налогах и сборах обстоятельств, предусматривающих уплату данного налога или сбора.

В силу п. 3 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате налога и (или) сбора прекращается со смертью физического лица – налогоплательщика или с объявлением его умершим в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации. Задолженность по налогам, указанным в п. 3 ст. 14 (транспортный налог) и ст. 15 НК РФ, умершего лица либо лица, объявленного умершим, погашается наследниками в пределах стоимости наследственного имущества в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя.

Как предусмотрено ст. 1112 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Таким образом, установленная налоговым законодательством возможность погашения наследниками умершего лица его налоговой задолженности не влечет за собой безусловного перехода данной обязанности к наследникам и требует соблюдения порядка, установленного гражданским законодательством.

Согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Из приведенных выше норм права следует, что для возложения на наследника умершего лица обязанности исполнить его налоговые обязательства в порядке универсального правопреемства необходимо установить наличие обстоятельств, связанных с наследованием имущества. К таким обстоятельствам, имеющим значение для правильного разрешения спора, в частности, относятся: факт открытия наследства, состав наследства, круг наследников, принятие наследниками наследственного имущества, его стоимость. Данный спор, возникший из гражданских правоотношений, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Определение № 75-КГ16-15

14. Отсутствие в материалах дела доказательств того, что копия определения суда о принятии искового заявления к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства ответчиком получена является основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств.

З. обратился в суд с иском к администрации городского поселения о признании права собственности на самовольную постройку.

Дело рассмотрено в порядке упрощенного производства по правилам гл. 21^1 ГПК РФ.

Суд первой инстанции, разрешая дело и отказывая в удовлетворении исковых требований З., исходил из того, что в нарушение ст. 56 ГПК РФ истец не доказал всех обстоятельств, необходимых для разрешения спора, в том числе наличия у него вещных прав на земельный участок, на котором возведена самовольная постройка, не представил доказательств того, что самовольная постройка соответствует параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилам землепользования и застройки, не доказал возможность сохранения постройки ввиду отсутствия нарушений прав и охраняемых законом интересов других лиц и отсутствия угрозы жизни и здоровью граждан.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменения, суд апелляционной инстанции, рассматривая апелляционные жалобы истца и ответчика, признавшего исковые требования, дополнительно сослался на то, что между сторонами отсутствует гражданско-правовой спор, а потому не имеется оснований признавать нарушенными права и охраняемые законом интересы истца со стороны ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала данные выводы не соответствующими требованиям закона по следующим основаниям.

Судом установлено, что З. подал исковое заявление о признании права собственности на самовольно возведенное строение – гараж, построенный в 1994 году во дворе дома.

З. изготовил технический паспорт строения и получил справку начальника отдела архитектуры и градостроительства администрации муниципального образования о том, что разрешение на строительство гаража не выдавалось, поскольку его выдача не требовалась; гараж находится в зоне среднеэтажной жилой застройки (Ж-5), относится к условно разрешенному виду использования земельного участка и не препятствует обслуживанию инженерных сетей.

Определением судьи от 25 июля 2016 г. исковое заявление З. принято к рассмотрению в порядке упрощенного производства, поскольку цена имущества определена истцом в размере 60 759, 00 руб.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 232^2 ГПК РФ в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает ста тысяч рублей.

Однако каких-либо доказательств, подтверждающих кадастровую или рыночную стоимость имущества, истцом при подаче искового заявления представлено не было.

Допущенные нарушения были оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Кроме того, судебными инстанциями не было учтено следующее.

Лица, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства, считаются получившими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, если ко дню принятия решения суд располагает доказательствами вручения им соответствующих копий, направленных заказным письмом с уведомлением о вручении (ч. 1 ст. 113 ГПК РФ), а также в случаях, указанных в чч. 2 и 4 ст. 116 ГПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе.

Доказательства получения администрацией городского поселения (ответчик по делу) копии определения суда о принятии искового заявления к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства в материалах дела отсутствуют.

Между тем, если ко дню принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, соответствующая информация в суд не поступила либо поступила, но с очевидностью свидетельствует о том, что лицо не имело возможности ознакомиться с материалами дела и представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 232^3 ГПК РФ, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (ч. 4 ст. 232^2 ГПК РФ).

Однако в нарушение указанных норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд не перешел к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Определением о принятии искового заявления и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства суд установил, что имеющими значение для дела и подлежащими доказыванию являются, в частности, наличие права на земельный участок, на котором осуществлено строительство; соблюдение целевого назначения и разрешенного использования земельного участка; наличие либо отсутствие разрешения на строительство, наличие отказа в выдаче разрешения на строительство, причины отказа в выдаче разрешения на строительство, соблюдение прав и законных интересов собственников, землевладельцев, землепользователей

и арендаторов сопредельных земельных участков и иных объектов недвижимости; отсутствие угрозы жизни и здоровью граждан строительством гаража.

В то же время в нарушение ст. 56 ГПК РФ суд не определил, какой стороне – истцу или ответчику – надлежит их доказывать.

Тем самым были нарушены положения ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, согласно которой суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Ссылка суда апелляционной инстанции на отсутствие между сторонами гражданско-правового спора, положенная в обоснование отказа в удовлетворении апелляционной жалобы ответчика, признана Судебной коллегией неправильной.

Суд апелляционной инстанции не учел, что согласие ответчика с иском само по себе не свидетельствует об отсутствии гражданско-правового спора и наличии у истца возможности реализовать принадлежащее ему право во внесудебном порядке, поскольку согласно п. 3 ст. 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку, по общему правилу, может быть признано за лицом именно в судебном порядке.

Определение № 57-КГ17-4

15. Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа, утраченного судебным приставом-исполнителем, согласно ч. 2 ст. 430 ГПК РФ может быть подано в течение месяца со дня, когда взыскателю стало известно об этом.

Вступившим в законную силу заочным решением суда от 1 июня 2007 г. с З. в пользу банка взыскана задолженность по кредитному договору.

19 июня 2007 г. судом банку выдан исполнительный лист для принудительного взыскания с ответчика указанной денежной суммы.

24 июля 2007 г. судебным приставом-исполнителем на основании данного исполнительного листа возбуждено исполнительное производство.

28 декабря 2011 г. судебным приставом-исполнителем вынесено постановление об окончании исполнительного производства и возвращении исполнительного листа взыскателю в связи с тем, что

невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в кредитных организациях.

25 января 2016 г. представитель банка обратился в суд с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа, указав на то, что постановление об окончании исполнительного производства от 28 декабря 2011 г. и исполнительный лист в адрес банка не поступали.

По утверждению заявителя, о прекращении исполнительного производства с возвращением исполнительного листа банку стало известно в 2016 году после обращения банка к судебному приставу-исполнителю с запросом по поводу неисполнения решения суда.

Согласно ответу управления федеральной службы судебных приставов от 19 января 2016 г. реестр отправки почтовой корреспонденции, подтверждающий направление исполнительного документа в адрес взыскателя, уничтожен в связи с истечением срока хранения.

Определением суда заявление о выдаче дубликата исполнительного листа удовлетворено.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления о выдаче дубликата исполнительного листа, суд апелляционной инстанции указал на то, что на момент обращения банка с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа истек трехлетний срок для предъявления исполнительного документа к исполнению.

По мнению суда апелляционной инстанции, оснований полагать, что срок пропущен по уважительной причине, не имеется, поскольку заявитель таких сведений не представил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенным апелляционным определением, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, за исключением исполнительных листов, указанных в чч. 2, 4 и 7 данной статьи, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу.

Согласно ч. 1 ст. 430 ГПК РФ в случае утраты подлинника исполнительного листа или судебного приказа (исполнительных документов) суд, принявший решение, вынесший судебный приказ, может выдать по заявлению взыскателя или судебного пристава-исполнителя дубликаты исполнительных документов.

Заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд до истечения срока, установленного для предъявления

исполнительного документа к исполнению, за исключением случаев, если исполнительный документ был утрачен судебным приставом-исполнителем или другим осуществляющим исполнение лицом и взыскателю стало об этом известно после истечения срока, установленного для предъявления исполнительного документа к исполнению. В этих случаях заявление о выдаче дубликата исполнительного документа может быть подано в суд в течение месяца со дня, когда взыскателю стало известно об утрате исполнительного документа (ч. 2 ст. 430 ГПК РФ).

Таким образом, законом установлен специальный срок для обращения за выдачей дубликата исполнительного листа в случаях его утраты судебным приставом-исполнителем.

Обращаясь в суд за дубликатом исполнительного листа, банк указал, что исполнительный лист утрачен в результате ненадлежащего возвращения его судебным приставом-исполнителем в банк, то есть в результате действий судебного пристава-исполнителя, о чем банк узнал только в 2016 году.

Суд апелляционной инстанции, применяя общий трехлетний срок предъявления исполнительного листа, данным обстоятельствам оценку не дал и не разрешил вопрос о применении специального срока для обращения за дубликатом исполнительного листа.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 432 ГПК РФ срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается предъявлением его к исполнению, если федеральным законом не установлено иное, а также частичным исполнением должником судебного постановления.

В силу ч. 1 ст. 22 Закона об исполнительном производстве срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается в том числе частичным исполнением исполнительного документа должником.

После перерыва течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению возобновляется. Время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается (ч. 2 ст. 22 Закона об исполнительном производстве).

Таким образом, при применении судом срока предъявления исполнительного листа существенное значение имеет факт наличия или отсутствия перерыва течения этого срока.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, и выносит обстоятельства на обсуждение сторон, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Поскольку судом первой инстанции срок предъявления исполнительного листа не применялся, то вопрос наличия или отсутствия перерыва его течения на обсуждение сторон не выносился.

Отменяя определение суда о выдаче дубликата исполнительного листа и отказывая в удовлетворении заявления о его выдаче на основании

пропуска срока, суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных положений ст. 56 ГПК РФ данный вопрос на обсуждение сторон также не поставил, тем самым лишил лиц, участвующих в деле, права представить доказательства по этому вопросу.

В кассационной жалобе банк ссылался на то, что должник производил частичное исполнение обязательства, в том числе в 2016 году, в связи с чем течение названного срока было прервано.

Данное обстоятельство, имеющее значение для разрешения вопроса о выдаче дубликата исполнительного листа, судом апелляционной инстанции не исследовалось и не получило никакой правовой оценки.

Определение № 16-КГ16-43

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

16. Нахождение организации – должника в стадии ликвидации и работа ликвидационной комиссии не влекут за собой утрату кредитором права на обращение в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

В ситуации, когда уполномоченным органом должника принято решение о его ликвидации, к нему в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ невозможно применить реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение) и процедуру наблюдения.

Решениями суда от 22 января 2016 г. и от 9 февраля 2016 г. по другим делам подтверждены требования общества к фирме, размер которых превысил 300 000 руб. Просрочка исполнения денежных обязательств фирмы перед обществом составила более трех месяцев.

С 10 марта 2016 г. фирма находится в процедуре добровольной ликвидации.

Общество 17 марта 2016 г. обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании фирмы банкротом по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявления общества отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, фирма признана банкротом по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника, в отношении нее открыта процедура конкурсного производства, требования общества признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов, назначен конкурсный управляющий.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Сложившаяся судебная арбитражная практика исходит из того, что нахождение организации – должника в стадии ликвидации и работа ликвидационной комиссии не влекут за собой утрату кредитором права на обращение в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

При этом согласно п. 1 ст. 53 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) решение о признании должника – юридического лица банкротом и об открытии в отношении него конкурсного производства принимается судом в случае установления признаков банкротства, предусмотренных ст. 3 названного Закона, при отсутствии оснований для оставления заявления о признании должника банкротом без рассмотрения, введения финансового оздоровления, внешнего управления, утверждения мирового соглашения или прекращения производства по делу о банкротстве.

В ситуации, когда уполномоченным органом должника принято решение о его ликвидации, состоялось назначение ликвидационной комиссии, не предполагается дальнейшее осуществление ликвидируемой организацией хозяйственной деятельности. Поскольку воля участников (учредителей) такого юридического лица направлена на прекращение существования организации, к данной организации в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ невозможно применить реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение), целью которых является сохранение юридического лица.

По этим же причинам к ликвидируемой организации не подлежала применению и процедура наблюдения. Данная процедура направлена, прежде всего, на проведение первого собрания кредиторов и выявление на этом собрании позиции гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, относительно возможности применения к должнику реабилитационной процедуры либо о необходимости введения конкурсного производства как ликвидационной процедуры (абзац тринадцатый ст. 2, ст. 73 и 74 Закона о банкротстве). Однако в отношении ликвидируемой организации точка зрения кредиторов по названному вопросу не имела правового значения. Так, независимо от мнения кредиторов, высказанного на первом собрании, недопустимо обязывать участников корпорации, учредителей унитарных организаций

осуществлять экономическую деятельность через юридическое лицо, о судьбе которого ими уже принято решение о ликвидации.

Определение № 305-ЭС17-4728

17. Иск залогодержателя к ликвидационной комиссии залогодателя по долгам третьего лица об обязании обратиться в суд с заявлением о банкротстве залогодателя является надлежащим способом защиты гражданских прав.

Участниками общества принято решение о ликвидации этого юридического лица. Соответствующее сообщение опубликовано 11 ноября 2015 г.

Решением суда от 17 декабря 2015 г. в пользу банка обращено взыскание на недвижимое имущество общества, предоставленное последним в залог банку в обеспечение исполнения обязательств третьего лица.

Согласно промежуточному балансу общества от 18 апреля 2016 г. кредитная задолженность общества превышала его оборотные активы.

Банк обратился в арбитражный суд с иском о признании незаконным бездействия ликвидационной комиссии общества, выразившегося в неисполнении обязанности по обращению в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом, обязании обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 20 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» залогодержатель не вправе возбуждать дело о банкротстве залогодателя, предоставившего обеспечение по долгу третьего лица. Предполагается, что в таком случае законный интерес залогодержателя на получение возмещения реализуется путем обращения взыскания на заложенное имущество, в частности путем продажи данного имущества с публичных торгов в рамках исполнительного производства с последующим направлением вырученных средств на погашение долга по основному обязательству (ст. 78 Федерального закона от 2 октября 2007 г.

№ 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве)).

Вместе с тем, в силу п. 6 ч. 1 ст. 47 Закона об исполнительном производстве в случае ликвидации организации-должника исполнительное производство подлежит окончанию, после чего судебный пристав-исполнитель направляет исполнительный документ ликвидационной комиссии (ликвидатору).

Наделение ликвидационной комиссии, с одной стороны, публичными функциями (п. 4 ст. 62 ГК РФ), а с другой, назначение ее членов участниками должника (п. 3 ст. 62 ГК РФ) при определенных обстоятельствах могут давать весомые основания сомневаться в добросовестности, независимости и беспристрастности членов ликвидационной комиссии при осуществлении названных функций.

Для залогового кредитора, не имеющего денежного требования, указанное означает, что судьба его требования и исполнение судебного акта находится в руках лиц, подконтрольных участникам должника, то есть по существу в воле самого должника, что не исключает со стороны последнего возможности немотивированно и произвольно бездействовать в течение длительного времени, не предпринимая мер по реализации заложенного имущества.

В рассматриваемом случае банком в качестве способа защиты его права избрано оспаривание действий (бездействия) ликвидационной комиссии с требованием обязать ее обратиться с заявлением о признании общества банкротом в целях последующей реализации заложенного имущества под контролем суда по правилам ст. 138 Закона о банкротстве, предоставляющей залоговому кредитору специальные полномочия, в том числе по определению порядка и условий реализации имущества.

В настоящем деле банком доказано, что ликвидационная комиссия общества действовала (бездействовала) незаконно, в частности нарушив стандарты добросовестного и разумного поведения в интересах кредиторов.

Определение № 310-ЭС17-8699

18. Не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника требование участника должника, основанное на притворной сделке, прикрывающей обязательства, вытекающие из факта участия заявителя в хозяйственном обществе, признанном банкротом.

Участник общества с долей в размере 50 % уставного капитала в рамках дела о банкротстве общества обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов своих требований к обществу, одно из которых основано на договоре займа, а

другое – на факте исполнения участником как поручителем обязательств общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление участника удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается.

Кроме того, тот факт, что займодавец является участником должника, сам по себе не свидетельствует о том, что требования по возврату суммы займа вытекают из факта такого участия для целей применения законодательства о банкротстве.

Вместе с тем в силу абзаца восьмого ст. 2 Закона о банкротстве к числу конкурсных кредиторов не могут быть отнесены участники, предъявляющие к должнику требования из обязательств, вытекающих из факта участия.

По смыслу названной нормы к подобного рода обязательствам относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено законодательством о юридических лицах (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (в том числе по причине того, что их возникновение и существование было бы невозможно, если бы займодавец не участвовал в капитале должника).

В этой связи при оценке допустимости включения основанного на договоре займа требования участника следует определить природу соответствующих отношений, сложившихся между должником и займодавцем.

В частности, суд в силу п. 2 ст. 170 ГК РФ может установить притворность договора займа в ситуации, когда заем используется вместо механизма увеличения уставного капитала, позволяя на случай банкротства формально нарастить подконтрольную кредиторскую задолженность с целью последующего уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов. В таком случае к требованию участника общества как вытекающему из факта участия подлежит применению абзац восьмой ст. 2 Закона о банкротстве.

При предоставлении заинтересованным лицом доказательств, указывающих на то, что требование участника вытекает из факта его участия в обществе, признанном банкротом, на такого участника

переходит бремя по опровержению соответствующего довода. В частности, судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы выбора конструкции займа, привлечения займа именно от аффилированного лица, предоставления финансирования на нерыночных условиях и т.д.

При рассмотрении настоящего обособленного спора общество отмечало, что единственным источником предоставленных в заем средств являлись денежные средства самого общества, распределенные в качестве прибыли от хозяйственной деятельности, распределение прибыли в пользу участника и последующее предоставление обществу финансирования за счет этой прибыли свидетельствуют об искусственном обороте денежных средств и позволяют сделать вывод о злоупотреблении участником своими правами во вред остальным кредиторам и мнимости договора займа.

Однако ни один из указанных доводов общества в нарушение положений ст. 71, 168 и 170 АПК РФ не получил правовой оценки со стороны судов.

Аналогичный подход применяется к суброгационным требованиям, основанным на договоре поручительства.

Определение № 308-ЭС17-1556(2)

19. Для целей квалификации требования об оплате услуг в качестве реестрового или текущего правовое значение имеет момент оказания услуг, несмотря на то, что срок исполнения обязанности по их оплате может быть перенесен по соглашению сторон на более поздний период.

Ссылаясь на то, что общество не оплатило оказанные в октябре 2015 г. услуги по договору, фирма обратилась в арбитражный суд с иском об их оплате.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично, в остальной части иск оставлен без рассмотрения. Суд исходил из того, что определением суда по другому делу от 19 октября 2015 г. принято к производству заявление о признании общества несостоятельным, следовательно, возможно удовлетворение только текущих требований, которые возникли после возбуждения дела о банкротстве.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции изменено, исковые требования удовлетворены полностью. Суды отметили, что счета-фактуры по всем оказанным услугам были получены фирмой после 19 октября 2015 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного

суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Для определения того, является ли денежное требование текущим, необходимо установить дату его возникновения и соотнести указанную дату с моментом возбуждения дела о банкротстве. Текущим является то требование, которое возникло после названного момента.

Срок исполнения денежного обязательства не всегда совпадает с датой возникновения самого обязательства. Требование существует независимо от того, наступил ли срок его исполнения либо нет.

Для целей определения момента возникновения обязанности по оплате услуг по смыслу п. 1 ст. 779 ГК РФ, ст. 5 Закона о банкротстве и п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» значение имеет дата оказания этих услуг, несмотря на то, что исполнение данной обязанности может по согласованию сторон быть перенесено на более поздний период (например, путем привязки к подписанию акта, выставлению счета-фактуры, посредством предоставления отсрочки либо рассрочки исполнения).

Следовательно, в рассматриваемом деле для квалификации требований в качестве текущих необходимо было определить, в какую дату общество оказало фирме услуги.

Определение № 303-ЭС17-2748

20. Если конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие признаков мнимости у сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки.

Решением суда по другому делу фирма признана банкротом, в отношении нее открыто конкурсное производство.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, удовлетворен иск общества к фирме о взыскании задолженности по оплате услуг за хранение и неустойки. Суды руководствовались ст. 309, 310, 330, 886, 890, 896, 900–902 ГК РФ. Суды исходили также из признания фирмой исковых требований.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, поскольку суды не исследовали доказательств и доводы другого конкурсного кредитора фирмы о том, что договор хранения является мнимой сделкой, направленной на создание фиктивной задолженности фирмы перед обществом.

Выводы судебных актов по существу рассмотренного спора должны основываться на анализе доказательств, представленных сторонами, и содержать, помимо прочего, мотивы, по которым отвергнуты доказательства, а также отклонены доводы лиц, участвующих в деле (п. 4 ст. 15, ст. 71, пп. 2, 4 ст. 169, п. 2 ст. 271, п. 2 ст. 289 АПК РФ).

Как правило, для установления обстоятельств, подтверждающих позицию истца или ответчика, достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора. Однако в условиях банкротства ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора (далее также – «дружественный» кредитор) в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу фиктивной сделки. Сокрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора.

Стороны мнимой сделки могут осуществить для вида ее формальное исполнение (п. 86 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Для предотвращения необоснованных требований к должнику и, как следствие, нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника – банкрота, предъявляются повышенные требования (п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», п. 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г.). Это правило применяется для требований по текущим обязательствам.

Следовательно, во избежание нарушения прав кредиторов фирмы все обстоятельства сделок с ней как с банкротом подлежали судебному исследованию, тем более что на пороки договоров (в том числе на мнимость хранения) указывал как ответчик, так и конкурирующий кредитор.

Таким образом, проверяя заявление о дефектах сделки, судам следовало установить, имелось ли у фирмы имущество, указанное в договорах хранения, и мог ли ответчик его передать истцу. Подлежат проверке доводы о наличии у общества возможности исполнять обязательства с учетом особенностей предмета хранения, а также об

аффилированности общества и фирмы.

Установление наличия внутригрупповых отношений между сторонами сделки и, как следствие, общности хозяйственных интересов участников спорных отношений, о котором заявлял конкурирующий кредитор, позволит дать надлежащую оценку добросовестности действий фирмы и общества.

Следует учесть, что конкурирующий кредитор не является стороной сделки, в силу чего объективно ограничен в возможности доказывания необоснованности требования другого кредитора. Поэтому предъявление к конкурирующему кредитору высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. В данном случае достаточно подтвердить существенность сомнений в наличии долга. Напротив, стороны сделки не лишены возможности представить в суд как прямые, так и косвенные доказательства, опровергающие сомнения в реальности ее исполнения. Таким образом, при наличии убедительных доводов и доказательств невозможности хранения бремя доказывания обратного возлагается в данном споре на истца и ответчика.

Определение № 301-ЭС17-4784

21. По смыслу п. 9 ст. 24[1] Закона о банкротстве для взыскания с арбитражного управляющего в порядке регресса суммы произведенной страховщиком выплаты необходимо установить умышленный характер действий управляющего, повлекших причинение убытков, направленность этих действий на извлечение им собственной выгоды.

Определением суда первой инстанции, вынесенным в рамках дела о банкротстве общества, внешний управляющий отстранен от исполнения своих обязанностей.

Впоследствии вступившим в законную силу решением суда первой инстанции с арбитражного управляющего в пользу общества взысканы убытки, в том числе безосновательно полученное арбитражным управляющим вознаграждение и непроизводственные потери, образовавшиеся вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей внешнего управляющего.

Страховое общество, в котором была застрахована ответственность арбитражного управляющего, констатировав наступление страхового случая, возместило убытки обществу в полном размере.

Сославшись на то, что убытки причинены обществу в результате противоправных действий (бездействия) арбитражного управляющего, страховое общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с управляющего выплаченного страхового возмещения в порядке регресса.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа в части отказа во взыскании суммы безосновательно полученного вознаграждения по следующим основаниям.

Пунктом 9 ст. 24^1 Закона о банкротстве предусмотрены случаи, при наличии которых подлежит удовлетворению регрессное требование страховщика к причинившему убытки арбитражному управляющему.

Само по себе нарушение арбитражным управляющим, являющимся профессиональным участником отношений, связанных с банкротством, обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах должника и кредиторов (п. 4 ст. 20^3 Закона о банкротстве) не свидетельствует о наличии в его действиях вины в форме умысла.

Один лишь факт нарушения управляющим положений законодательства о банкротстве не являлся достаточным основанием для удовлетворения регрессного требования страхового общества. Нарушение названного стандарта поведения может быть проявлением грубой неосторожности. При рассмотрении спора о взыскании убытков с арбитражного управляющего в пользу общества форма вины управляющего не устанавливалась как не имеющая правового значения для правильного разрешения вопроса о привлечении управляющего к ответственности в виде возмещения убытков.

Бремя доказывания умысла в действиях страхователя лежит на страховщике (ст. 65 АПК РФ).

Обстоятельства, указывающие на наличие умысла в действиях (бездействии) арбитражного управляющего, приведших к образованию на стороне должника непроизводственных потерь, страховым обществом не доказаны. Арбитражный управляющий был отстранен за нарушения, не связанные с образованием непроизводственных потерь.

Вместе с тем согласно вступившему в законную силу решению арбитражного суда по другому делу часть убытков на стороне общества образовалась вследствие выплаты данной суммы из конкурсной массы самому арбитражному управляющему в качестве вознаграждения, которое ему не причиталось ввиду ненадлежащего исполнения возложенных на управляющего обязанностей.

Незаконно полученная страхователем за счет должника денежная выгода, возмещенная должнику страховщиком, в силу прямого указания п. 9 ст. 24^1 Закона о банкротстве подлежала взысканию в порядке регресса.

Определение № 310-ЭС17-4393

22. В ситуации, когда в обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору заключен договор ипотеки права аренды земельного участка, на котором возводится недвижимость, при банкротстве залогодателя суд вправе признать требования банка обеспеченными залогом незавершенного строительством объекта.

В рамках дела о банкротстве должника требования банка включены в третью очередь реестра кредиторов как обеспеченные залогом имущества должника, в том числе права аренды земельного участка.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о признании за ним статуса залогового кредитора в отношении вновь возведенного объекта на земельном участке – объекта незавершенного строительства и внесении соответствующих изменений в реестр требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования банка удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Законодательство о залоге недвижимости различает два правовых режима распространения ипотеки на строения, находящиеся на заложенном земельном участке, в зависимости от момента возведения таких строений – до или после передачи участка в залог (ст. 64 и 65 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»; далее – Закон об ипотеке).

По смыслу п. 5 ст. 5 Закона об ипотеке соответствующие последствия предусмотрены не только для ситуаций, когда залогодателем является собственник участка, но и в случаях, когда ему принадлежит право аренды участка.

Если иное не предусмотрено договором ипотеки, такой арендатор-залогодатель вправе без согласия залогодержателя возводить на арендованном участке строения (здания, сооружения), которые также в силу законодательного предписания попадают в залог (п. 1 ст. 65 Закона об ипотеке).

Согласно п. 1 ст. 5 названного закона ипотека может быть установлена только в отношении недвижимого имущества (ст. 130 ГК РФ), права на которое зарегистрированы в установленном законом порядке.

В рассматриваемом случае на момент обращения с заявлением о признании установленных требований обеспеченными залогом объекта незавершенного строительства права на него зарегистрированы не были, то

есть формально он не был введен в оборот как объект недвижимого имущества (возведен после заключения договора ипотеки).

Вместе с тем, во избежание негативных последствий пропуска срока на предъявление кредиторами требований (абзац третий п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве) и реализации статуса залогового кредитора (п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве), суд вправе признать требования кредитора обеспеченными залогом на незарегистрированный объект, в отношении которого представлены достаточные доказательства соответствия его признакам объекта недвижимого имущества (без учета регистрации), применив предусмотренный ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» порядок, регулирующий схожие правоотношения, согласно которому застройщик обязан зарегистрировать право собственности на объект незавершенного строительства при возникновении оснований для обращения взыскания на предмет залога. При уклонении застройщика от государственной регистрации права собственности на объект незавершенного строительства государственная регистрация права собственности на такой объект осуществляется на основании решения суда, принятого по иску участника долевого строительства об обращении взыскания на предмет залога.

Определение № 306-ЭС17-3016(2)

Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

23. Отказ уполномоченного органа в предоставлении в собственность субъекту малого и среднего предпринимательства недвижимого имущества на основании ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является правомерным, если на момент принятия данного решения договор аренды прекращен и в действиях арендодателя отсутствуют признаки злоупотребления правом.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (арендодатель; далее – департамент) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилых помещений сроком до 30 июня 2015 г.

Департамент 22 июля 2015 г. провел осмотр арендуемых обществом помещений, в ходе которого установил нарушение предусмотренного

договорами аренды целевого назначения перечисленных помещений, фактически используемых для размещения караоке-клуба.

Департамент 29 июля 2015 г. направил обществу уведомление об отказе от договоров аренды.

Общество 30 сентября 2015 г. обратилось в департамент с заявлениями о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 159-ФЗ).

Уведомление об отказе от договора получено обществом 29 октября 2015 г.

Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Москве внесена запись в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним о прекращении действия перечисленных договоров аренды на основании уведомлений об отказе от договора.

Департамент 6 ноября 2015 г. сообщил обществу об отказе в предоставлении государственной услуги по выкупу арендуемого помещения в связи с прекращением действия договора аренды.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к департаменту об обязании заключить договор купли-продажи помещений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды пришли к выводу об отсутствии у общества преимущественного права выкупа, поскольку договор аренды прекратил действие в связи с отказом департамента.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что договор аренды прекращен 29 октября 2015 г., а общество обратилось с заявлением о реализации преимущественного права 30 сентября 2015 г., то есть в период, когда договор еще действовал.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Преимущественное право, предусмотренное ст. 3 Закона № 159-ФЗ, может быть реализовано при условии, что: 1) арендуемое имущество по состоянию на 1 июля 2015 г. находится во временном владении и (или) временном пользовании непрерывно в течение двух и более лет в

соответствии с договором или договорами аренды такого имущества, за исключением случая, предусмотренного ч. 2^1 ст. 9 данного закона; 2) отсутствует задолженность по арендной плате за такое имущество, неустойкам (штрафам, пеням) на день заключения договора купли-продажи арендуемого имущества в соответствии с ч. 4 ст. 4 данного закона, а в случае, предусмотренном ч. 2 или ч. 2^1 ст. 9 этого закона, – на день подачи субъектом малого или среднего предпринимательства заявления о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества; 4) арендуемое имущество не включено в утвержденный в соответствии с ч. 4 ст. 18 Закона № 159-ФЗ перечень государственного имущества или муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) в пользование субъектам малого и среднего предпринимательства, за исключением случая, предусмотренного ч. 2^1 ст. 9 указанного закона.

В абзацах шестом и седьмом п. 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2009 г. № 134 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» разъяснено следующее. При применении положений ст. 3 Закона № 159-ФЗ арбитражным судам следует иметь в виду, что субъект малого или среднего предпринимательства пользуется правом на приобретение только при условии, что он является арендатором по договору аренды недвижимого имущества (заключенному как с указанием срока аренды, так и на неопределенный срок), действующему на момент принятия соответствующим органом решения о приватизации данного имущества (в том числе и по договору аренды, действие которого возобновлено на неопределенный срок по правилам п. 2 ст. 621 ГК РФ). Если на момент принятия решения о приватизации недвижимого имущества срок договора его аренды истек, но арендатор, несмотря на возражения со стороны арендодателя, не вернул имущество арендодателю, права на приобретение у него не возникает.

По смыслу ст. 3 Закона № 159-ФЗ и в соответствии со ст. 10 ГК РФ суд вправе признать наличие у арендатора права на приобретение в случае, когда договор аренды был прекращен в одностороннем порядке арендодателем, действовавшим исключительно с целью воспрепятствования реализации арендатором права на приобретение имущества в собственность.

Поскольку общество продолжало пользоваться помещениями по истечении срока действия договора аренды, в силу п. 2 ст. 621 ГК РФ договор был возобновлен на тех же условиях на неопределенный срок.

В таком случае согласно п. 2 ст. 610 ГК РФ каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества – за три месяца.

Таким образом, на дату принятия департаментом решений об отказе в приватизации договор аренды не действовал. Следовательно, у общества не возникло право на приобретение в собственность спорных помещений, поскольку оно не являлось арендатором на дату принятия решения по заявлению на выкуп.

При рассмотрении данного дела суды вправе были признать наличие у арендатора такого права в случае признания, что договор аренды был прекращен в одностороннем порядке арендодателем, действовавшим исключительно с целью воспрепятствования реализации арендатором права на приобретение (ст. 10 ГК РФ). Между тем, оценив представленные в материалы дела доказательства по правилам ст. 71 АПК РФ, суды первой и апелляционной инстанций не усмотрели в действиях департамента по отказу от договора злоупотребления правом. Напротив, согласно представленным доказательствам арендатором допущено нарушение предусмотренного договорами аренды целевого назначения арендованных помещений. Арендодатель направил сообщение об отказе от договора за два месяца до подачи обществом заявления о выкупе. Общество, арендуя спорные помещения с 1 декабря 1999 г., ранее с заявлением о реализации преимущественного права в департамент не обращалось, поэтому на момент отказа от договоров ответчик не мог знать о намерении общества приобрести в собственность данное недвижимое имущество.

Определение № 305-ЭС17-5424

Практика применения земельного и градостроительного законодательства

24. При применении положений п. 5^1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» учитывается фактическое использование сельскохозяйственной организацией или крестьянским (фермерским) хозяйством земельного участка.

Уполномоченный орган муниципального образования (далее – администрация) и сельскохозяйственная организация (далее – общество) обратились в регистрирующий орган с заявлениями о государственной регистрации перехода права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения на основании договора купли-продажи, заключенного в соответствии с п. 5^1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля

2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон № 101-ФЗ).

Регистрирующий орган приостановил государственную регистрацию перехода права собственности, указав на отсутствие документа, подтверждающего использование земельных участков обществом.

Общество и администрация представили в регистрирующий орган дополнительные документы: структуру севооборота полей общества, опись документов бухгалтерского учета на посев и обработку полей, письмо главы муниципального образования, акт осмотра земельных участков.

Регистрирующий орган отказал в государственной регистрации перехода права собственности на основании абзаца десятого п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с непредставлением документа, подтверждающего использование земельных участков обществом.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа регистрирующего органа незаконным и об обязании регистрирующего органа произвести государственную регистрацию перехода права.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Истолковав п. 5^1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ и ст. 5 ЗК РФ, суды сочли, что представленные обществом доказательства не свидетельствуют о законном использовании обществом спорных земельных участков, под которым суды понимают владение земельным участком и его использование на праве собственности, правах постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, ограниченного пользования чужими земельными участками (сервитут), безвозмездного срочного пользования либо по договорам аренды, субаренды.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 5^1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ установлен льготный порядок приобретения прав на земельный участок, сформированный в счет невостребованных земельных долей.

Из буквального толкования названной нормы права и ст. 12^1 Закона № 101-ФЗ следует, что заявитель должен доказать факт использования истребуемого им в собственность земельного участка.

При этом закон не устанавливает основания использования, перечень доказательств, подтверждающих данный факт, так же как не определяет срок использования участка и другие обстоятельства его использования с учетом особенностей ведения сельскохозяйственной деятельности.

Поэтому при возникновении судебного спора о наличии оснований для приобретения прав на земельный участок в порядке указанной нормы данный факт подлежит установлению судом на основе исследования и оценки относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности, установленных гл. 7 АПК РФ. К таким основаниям и доказательствам использования земельного участка могут быть отнесены: договоры аренды или безвозмездного пользования, иные договоры, заключенные в отношении земельного участка, находящегося в общей долевой собственности в соответствии с действовавшим на момент их заключения законодательством; в случае если указанные субъекты использовали истребуемый участок без оформления правоотношений, то ими могут быть представлены любые относимые и допустимые доказательства, подтверждающие использование земельного участка в сельскохозяйственных целях (например, сведения о расходах по обработке земельного участка и внесении удобрений, проведении посевных работ и уборке урожая и другие).

Таким образом, в целях применения положений п. 5^1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ и установления факта использования земельного участка могут быть учтены как договорные отношения, так и фактическое использование сельскохозяйственной организацией или крестьянским (фермерским) хозяйством земельного участка, находившегося в общей долевой собственности до государственной регистрации права муниципальной собственности на такой земельный участок. При этом указанный порядок предоставления земли в порядке приведенной нормы права не должен позволять приобрести земельный участок недобросовестным лицом.

Определение № 310-КГ16-21437

25. Отказ регистрирующего органа в регистрации перехода права собственности на земельный участок на основании положений п. 5^1 ст. Закона № 101-ФЗ является правомерным при отсутствии доказательств наличия у приобретателя статуса сельскохозяйственной организации и фактического использования им земельного участка.

Решением регистрирующего органа уполномоченному органу муниципального образования (далее – администрации) и обществу отказано в государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения на основании п. 5^1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ в связи с несоответствием предоставленных на регистрацию документов действующему законодательству.

Администрация и общество обратились в арбитражный суд с заявлением о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Регистрирующий орган утверждал, что общество не является сельскохозяйственной организацией, ссылаясь при этом на сведения налогового органа, согласно которым основным видом деятельности общества является «деятельность по операциям с недвижимым имуществом», сведениями об осуществлении им сельскохозяйственной деятельности налоговый орган не располагает.

Пунктом 1 ст. 177 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дано понятие сельскохозяйственной организации, которой могут быть юридические лица, основными видами деятельности которых являются производство или производство и переработка сельскохозяйственной продукции, выручка от реализации которой, составляет не менее чем 50% общей суммы выручки.

Судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела наличие у общества статуса сельскохозяйственной организации не проверялось, соответствующих выводов в судебных актах не содержится.

Арбитражный суд округа, указывая, что общество является сельскохозяйственной организацией, этот вывод не мотивировал.

Поскольку в соответствии с п. 5^1 ст. 10 Закона № 101-ФЗ льготный порядок приобретения земельного участка возможен только для сельскохозяйственной организации или крестьянского (фермерского) хозяйства, проверка наличия у общества признаков сельскохозяйственной организации являлась необходимой при разрешении настоящего спора.

Кроме того, суды также должным образом не проверили использование обществом спорного земельного участка. В подтверждение использования земельного участка до государственной регистрации на него права муниципальной собственности, которое было зарегистрировано 28 сентября 2015 г., общество представило договор аренды от 3 сентября 2015 г., заключенный участниками общей долевой собственности и обществом. Между тем суды не проверили, каким образом общество использовало земельный участок в сельскохозяйственных целях, осуществлялось ли его фактическое использование за такой непродолжительный период действия договора аренды. Оценивая представленный обществом договор аренды, по сути являющийся его единственным доказательством использования земельного участка, суды не учли, что наличие заключенного договора само по себе не подтверждает фактическое использование земельного участка.

Определение № 310-КГ17-6693

26. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не определяет специальных оснований для установления сервитута на земельные участки, расположенные в границах полосы отвода автомобильных дорог. Такие основания закреплены гражданским законодательством.

Общество обратилось в уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (далее – департамент) с заявлением об установлении в интересах общества частного сервитута на земельный участок для размещения коммерческой парковки на основании подп. 2 п. 4 ст. 39^{26} ЗК РФ, указав что Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 257-ФЗ) допускается использование земельных участков в границах полос отвода автомобильных дорог.

Департамент отказал обществу, ссылаясь на то, что спорный земельный участок находится в зоне городского наземного транспорта ИТ-2 в границах полосы отвода автомобильной дороги, но расположен на землях общего пользования под улицей.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа департамента недействительным и об установлении частного сервитута.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены. Суды исходили из того, что в силу п. 1 ст. 274 ГК РФ, п. 10 ст. 23, ст. 39^{26} ЗК РФ, ст. 3, ст. 25 Закона № 257-ФЗ предоставление земельного участка для размещения дорожного сервиса на земельном участке в границах отвода автомобильной дороги возможно только на условиях частного сервитута.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

Ни положениями ЗК РФ, ни Закона № 257-ФЗ не установлено оснований для предоставления свободного (не предоставленного иному лицу) земельного участка, находящегося в публичной собственности, расположенного в полосе отвода автомобильной дороги, гражданину или юридическому лицу только на условиях сервитута.

В соответствии с п. 10 ст. 23 ЗК РФ в нормах специального законодательства, в том числе в п. 4^{1} ст. 25 Закона № 257-ФЗ, определяются лишь особые порядок, условия и случаи установления сервитутов в отношении земельных участков в границах полос отвода

автомобильных дорог. Основания для установления сервитута предусмотрены в ст. 274 ГК РФ.

Учитывая, что общество не является ни собственником соседнего земельного участка, ни любого другого объекта недвижимости, для использования которого на испрашиваемый участок необходимо установить сервитут, ни собственником объектов дорожного сервиса, уже размещенных в полосе отвода автомобильной дороги, для функционирования которых необходима стоянка транспортных средств, оснований для установления сервитута в данном случае не имеется. При таких обстоятельствах департамент правомерно, в соответствии с подп. 2 п. 4 ст. 39[26] ЗК РФ, отказал обществу в установлении сервитута на испрашиваемый земельный участок.

Определения № 304-ЭС17-1624,
304-ЭС17-1639

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

27. В случае установления двухкомпонентных тарифов на горячую воду количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения независимо от наличия коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного жилого дома.

Теплоснабжающей организацией и абонентом заключен договор теплоснабжения, по условиям которого теплоснабжающая организация обязуется поставить абоненту тепловую энергию и горячую воду, а абонент обязуется оплачивать принятую тепловую энергию, горячую воду, а также теплоноситель, не возвращенный в тепловую сеть теплоснабжающей организации.

Ссылаясь на ненадлежащее исполнение абонентом обязательств по оплате горячей воды, теплоснабжающая организация обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности и пени, начисленной в связи с просрочкой внесения платежей.

Разногласия сторон возникли по объему (количеству) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению, который ответчик определял расчетным способом в соответствии с Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденными

постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила № 354), а истец – по показаниям приборов учета.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу прямого указания п. 13 Правил № 354 условия договоров о приобретении коммунальных ресурсов в целях использования таких ресурсов для предоставления коммунальных услуг потребителям определяются с учетом названных Правил и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

В соответствии с п. 87 Основ ценообразования в сфере теплоснабжения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. № 1075, двухкомпонентный тариф на горячую воду в открытой системе теплоснабжения (горячего водоснабжения) устанавливается для теплоснабжающих организаций, поставляющих горячую воду с использованием открытой системы теплоснабжения (горячего водоснабжения). При этом двухкомпонентный тариф на горячую воду в открытой системе теплоснабжения (горячего водоснабжения) состоит из компонента на теплоноситель и компонента на тепловую энергию.

Разделом VII Приложения 2 к Правилам № 354 установлен порядок расчета размера платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению, предоставленную потребителю за расчетный период в жилом помещении (жилом доме, квартире) или нежилом помещении и на общедомовые нужды, в случае установления двухкомпонентных тарифов на горячую воду. В соответствии с п. 26 названного приложения размер платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению в i-м жилом или нежилом помещении определяется по формуле 23, которая содержит величину $Q_i^п$ – объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период в i-м жилом или нежилом помещении. Указанная величина рассчитывается как произведение объема потребленной за расчетный период в i-м жилом или нежилом помещении горячей воды, определенного по показаниям индивидуального или общего (квартирного) прибора учета в i-м жилом или нежилом помещении, и утвержденного норматива расхода тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению. Аналогичным образом определяется объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период на

общедомовые нужды, приходящиеся на i-е жилое помещение или нежилое помещение ($Q_i^{одн}$) в формуле 24 того же приложения.

Таким образом, в силу Правил № 354 количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения независимо от наличия коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного жилого дома.

Определение № 305-ЭС17-8232

Практика применения норм международного частного права

28. При определении того, является ли норма иностранного права материальной или процессуальной, судам следует исходить не из ее расположения в системе нормативно-правовых актов соответствующего государства, а из существа содержания нормы и регулируемых ею отношений.

Банком (кредитором) и обществом (поручителем) заключен договор поручительства и согласовано, что применимым правом к обязательствам из названного договора будет являться право Республики Кипр.

В отношении общества открыто конкурсное производство. Определением суда первой инстанции требование банка о взыскании с общества суммы основного долга включено в реестр требований кредиторов.

Ссылаясь на положения ст. 33 Закона Республики Кипр 1960 г. № 14/1960 «О судах справедливости» (далее – Закон о судах справедливости), банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов требования о взыскании суммы законных процентов, подлежащих начислению за период со дня инициирования дела о взыскании долга с поручителя по день введения наблюдения в отношении поручителя.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что проценты, предусмотренные Законом о судах справедливости, имеют процессуальную природу и названная норма не может быть применена российским судом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 33 Закона о судах справедливости в любом судебном разбирательстве перед любым судом о взыскании любого долга, по которому проценты подлежат уплате или предусмотрены договором или иначе предусмотрены договором или иначе предусмотрены законом, суд должен присуждать проценты в соответствии с процентной ставкой, которая согласована или иначе предусмотрена законом, за период с даты, в которую такие проценты стали подлежащими уплате, и до окончательного погашения.

В соответствии с п. 2 названной статьи на сумму, присужденную каждым решением, в том числе на ее часть, относящуюся к судебным издержкам, если иное не предусмотрено в судебном акте в соответствии с п. 1, начисляются, при условии соблюдения положений подраздела (4), проценты по ставке 5,5 % годовых с даты подачи иска до окончательного погашения долга.

В связи с тем, что стороны согласовали в качестве применимого право Республики Кипр, суд первой инстанции, разрешая настоящий спор о допустимости взыскания процентов, начисленных по правилам ст. 33 Закона о судах справедливости, должен был в применяемой к отношениям сторон части установить содержание норм права данного государства в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной (ч. 1 ст. 14 АПК РФ и п. 1 ст. 1191 ГК РФ).

Суд первой инстанции не отразил в решении наличие в материалах дела заключений иностранных специалистов по данному вопросу и мотивы принятия своего решения, формально констатировав, что норма, на которую ссылается банк, находится в законе, регулирующем вопросы судоустройства и процессуального права, в связи с чем имеет процессуальную природу, а поэтому в силу п. 5 ст. 1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не может быть применена в деле о банкротстве российской организации.

В то же время нахождение нормы в процессуальном законе само по себе не создает неопровержимой презумпции ее процессуального характера. Так, российскому праву известны случаи нахождения процессуальных норм в материальном законе (например, содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации положения о запрете ссылаться на свидетельские показания при несоблюдении письменной формы сделки (п. 1 ст. 162), о порядке установления судом содержания норм иностранного права (ст. 1191) и т.д.), и наоборот, нахождения материальных норм в процессуальном законе (например, положения ст. 446 ГПК РФ, устанавливающие исключение из принципа полной имущественной ответственности гражданина, предусмотренного ст. 24 ГК РФ).

Таким образом, судам при решении вопроса о применимости спорной нормы следовало исходить не из ее расположения в системе

нормативно-правовых актов соответствующего государства, а из существа содержания нормы и регулируемых ею отношений.

Определение № 305-ЭС16-13148(2)

Практика применения законодательства о защите конкуренции

29. Условие документации о закупке, осуществляемой коммерческой организацией, о недопустимости привлечения исполнителем субподрядчиков или соисполнителей само по себе не противоречит действующему законодательству.

Решением антимонопольного органа общество признано нарушившим требования Федерального закона от 18 июня 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ). Нарушения выразились в установлении в документации о закупке при проведении запроса предложений условия о недопустимости привлечения исполнителем при исполнении договора субподрядчиков или соисполнителей.

Общество обратилось в арбитражный суд о признании решения антимонопольного органа недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленными без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и признала недействительным решение антимонопольного органа по следующим основаниям.

Запрет привлечения субподрядчиков и соисполнителей не является требованием, предъявляемым к участнику закупки, а относится к способу и порядку исполнения договора и соответствует положениям ст. 706 и 780 ГК РФ, предоставляющим возможность включения в договор условия о личном выполнении подрядчиком работ (оказании услуг).

Включение в документацию о закупках спорного условия также не противоречит Закону № 223-ФЗ и Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», поскольку при проведении закупочных процедур заказчик не ограничен в вопросах формирования системы закупок, позволяющей выявить участника закупки, способного своевременно и качественно удовлетворить потребности заказчика в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности.

Условие о выполнении работ, являющихся предметом закупки, собственными силами может рассматриваться как нарушающее законодательство, если антимонопольный орган докажет, что это условие

включено в документацию о закупках специально для того, чтобы обеспечить победу конкретному хозяйствующему субъекту.

В рамках настоящего дела не установлено, что условие о недопустимости привлечения исполнителем субподрядчиков или соисполнителей было включено для того, чтобы обеспечить победу в запросе предложений конкретного хозяйствующего субъекта, либо иным способом ограничить доступ хозяйствующим субъектам к участию в запросе предложений.

Определение № 305-КГ17-3423

30. Заинтересованное лицо вправе обжаловать в антимонопольный орган действия (бездействие) заказчика при осуществлении закупок в соответствии с положениями Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» только в случаях, прямо предусмотренных ч. 10 ст. 3 указанного закона.

Решением антимонопольного органа признана обоснованной жалоба фирмы на действия общества при организации и проведении запроса предложений в электронной форме на право заключения договора на выполнение работ, общество признано нарушившим ч. 2 ст. 4, ч. 12 ст. 4, ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 18 июня 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ) и п. 2 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции). В соответствии с указанным решением антимонопольным органом обществу выдано предписание об устранении выявленных нарушений антимонопольного законодательства: отмене протоколов торгов, повторном проведении процедуры рассмотрения и оценки заявок. Антимонопольным органом также предписано принять меры по внесению изменений в Положение о закупках товаров, работ, услуг общества.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанных решения и предписания антимонопольного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

В соответствии с п. 4^2 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции антимонопольные органы наделены полномочиями по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры обязательных в соответствии с

законодательством Российской Федерации торгов. Порядок рассмотрения указанных жалоб установлен ст. 18^1 Закона о защите конкуренции. Данные нормы введены в действие Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 401-ФЗ в рамках т.н. «третьего антимонопольного пакета».

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 250-ФЗ, принятым в рамках т.н. «четвертого антимонопольного пакета», положения ч. 1 ст. 18^1 Закона о защите конкуренции изложены в новой редакции, согласно которой установленный данной статьей порядок рассмотрения жалоб применяется также при организации и проведении закупок в соответствии с Законом № 223-ФЗ.

Таким образом, ст. 18^1 Закона о защите конкуренции регламентирует лишь порядок действий антимонопольного органа (процедуру) при рассмотрении жалоб участников закупок, осуществляемых в соответствии с Законом № 223-ФЗ, но не определяет основания компетенции (полномочия) антимонопольного органа. Эти основания установлены в ч. 10 ст. 3 Закона № 223-ФЗ, согласно которой антимонопольные органы рассматривают жалобы участников закупки на действия (бездействие) заказчика в определенных случаях. Перечисленные в данной норме основания обжалования действий заказчика в административном порядке соотносятся с принципом прозрачности информации о закупках. Иные же действия заказчиков подлежат обжалованию в судебном порядке, о чем указано в ч. 9 ст. 3 Закона № 223-ФЗ.

Статья 18^1 Закона о защите конкуренции в силу своего процедурного характера не может рассматриваться как расширяющая перечень оснований, в пределах которых антимонопольный орган обладает полномочиями по рассмотрению жалоб, а лишь допускает возможность вынесения решения по итогам рассмотрения жалобы участника закупки с учетом всех нарушений, связанных с обеспечением информационной прозрачности закупок и упомянутых в ч. 10 ст. 3 Закона № 223-ФЗ.

Оспоренное обществом решение антимонопольного органа таких оснований не содержит.

Определение № 309-КГ17-7502

31. Объекты электро- и теплоснабжения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть переданы в хозяйственное ведение или оперативное управление государственным или муниципальным унитарным предприятиям без проведения конкурсных процедур.

Решением антимонопольного органа уполномоченный орган муниципального образования (далее – администрация) признан допустившим нарушение п. 7 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите

конкуренции), выразившееся в передаче объектов электро- и теплоснабжения в хозяйственное ведение муниципального унитарного предприятия без проведения конкурса. Администрации выдано предписание о принятии мер по возврату спорного имущества в казну муниципального образования.

Администрация обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании названных решения и предписания недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения постановление арбитражного суда округа по следующим основаниям.

Понятие, условия и цели предоставления преференций уполномоченными на это органами и организациями определены в ст. 4 и 19 Закона о защите конкуренции, из которых следует, что закрепление государственного или муниципального имущества за хозяйствующими субъектами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления не является государственной или муниципальной преференцией. Названные положения учитывают специфику отношений между собственником государственного или муниципального имущества и учрежденным им юридическим лицом, предусмотренную пп. 1 и 2 ст. 209, ст. 215, 216, 294, 296 ГК РФ.

С момента официального опубликования (8 мая 2013 г.) Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» передача прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, централизованными системами горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельными объектами таких систем, находящимися в государственной или муниципальной собственности, осуществляется с учетом требований, установленных ст. 41^1 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» и ст. 28^1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении).

Согласно ч. 1 ст. 28 Закона о теплоснабжении передача прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, находящимися в государственной или муниципальной собственности, осуществляется только по договорам их аренды, которые заключаются в соответствии с требованиями гражданского законодательства, антимонопольного законодательства Российской Федерации и принятых в соответствии с

ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, с учетом предусмотренных настоящим Федеральным законом особенностей, или по концессионным соглашениям, заключенным в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о концессионных соглашения.

Статьей 17^1 Закона о защите конкуренции предусмотрено, что заключение договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов на право заключения этих договоров, за исключением предоставления указанных прав на такое имущество в силу закона.

Указанные требования регулируют обязательственные отношения, связанные с передачей прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, и касаются только тех ситуаций, когда такое имущество передается на основании договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров.

Статья 28^1 Закона о теплоснабжении, устанавливая особые требования к передаче прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, не затрагивает правомочий собственника по распоряжению принадлежащим ему имуществом и не исключает возможности по передаче собственником имущества на праве хозяйственного ведения и оперативного управления в порядке, предусмотренным ГК РФ.

Определение № 303-КГ17-4054

Практика применения законодательства о налогах и сборах и законодательства о взносах в государственные внебюджетные фонды

32. Обязанность по уплате сумм налогов в бюджет считается исполненной налогоплательщиком с момента предъявления в банк поручения о перечислении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации со счета налогоплательщика при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа за исключением случаев, когда налогоплательщик действовал в обход закона.

На основании заключенного с банком договора налогоплательщик 22 октября 2015 г. направил в банк платежные поручения и дал банку распоряжение о перечислении с его расчетного счета в бюджет денежных

средств с назначением платежа об уплате налога по упрощенной системе налогообложения.

Денежные суммы списаны с банковского счета налогоплательщика 28 октября 2015 г. и 3 ноября 2015 г., но не поступили в бюджет.

Приказом Банка России от 16 ноября 2015 г. с даты его издания у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций.

Налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением к налоговому органу о признании исполненной обязанности по уплате налога.

Решением суда первой инстанции заявление удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

При исполнении конституционной обязанности по уплате налогов, установленной ст. 57 Конституции Российской Федерации, налогоплательщик не несет ответственность за действия всех организаций, участвующих в многостадийном процессе уплаты и перечисления налогов в бюджет: на налогоплательщика возложена публично-правовая обязанность уплатить законно установленные налоги и сборы, а на кредитные учреждения возлагается публично-правовая обязанность обеспечить перечисление соответствующих платежей в бюджет.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 12 октября 1998 г. № 24-П, конституционная обязанность каждого налогоплательщика по уплате налогов должна считаться исполненной в тот момент, когда изъятие части его имущества, предназначенной для уплаты в бюджет в качестве налога, фактически произошло. Такое изъятие происходит в момент списания банком с расчетного счета налогоплательщика соответствующих средств в уплату налога. Иное приводило бы к повторному взысканию с добросовестного налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов, что нарушает конституционные гарантии частной собственности и принцип равенства всех перед законом (ст. 19 и 35 Конституции Российской Федерации).

Положениями подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ установлено, что обязанность по уплате налога считается исполненной налогоплательщиком с момента предъявления в банк поручения на перечисление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации со счета налогоплательщика в банке при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа.

Вместе с тем в силу вытекающего из ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации запрета злоупотребления правом никто не вправе извлекать преимущество (выгоду) из своего недобросовестного поведения.

Таким образом, выдача распоряжения банку о списании денежных средств со счета клиента для уплаты налогов не создает правовых последствий, предусмотренных подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ, если к моменту предъявления соответствующего платежного поручения плательщик знал (не мог не знать) о неспособности кредитного учреждения обеспечить перечисление налогов в бюджетную систему Российской Федерации.

Об известности этого факта налогоплательщику – владельцу банковского счета должны свидетельствовать прямые доказательства осведомленности владельца счета о невозможности осуществления платежа (например, наличие ранее неисполненных банком платежных поручений клиента), либо достаточная совокупность косвенных доказательств, прежде всего, не получившее разумного объяснения несоответствие поведения налогоплательщика при направлении платежных поручений о перечислении налогов в бюджет его собственному предшествующему поведению при исполнении налоговой обязанности и поведению любого иного плательщика, ожидаемому в сравнимой ситуации (формирование остатка денежных средств на счете путем совершения внутрибанковских операций, не являвшихся обычными для налогоплательщика; направление имевшихся на счете клиента денежных средств только на уплату налогов при одновременном осуществлении расчетов с иными кредиторами за счет средств, имевшихся на счете, открытом налогоплательщиком в другом банке и т.п).

Само по себе высказывание в узкоспециализированных средствах массовой информации, не направленных на массового потребителя, предположений о техническом сбое в работе банка, тем более при наличии комментариев сотрудника банка о его устранении в короткое время, при отсутствии ограничений на проведение платежей в банке со стороны органа банковского надзора и при отсутствии иной информации о проведении контрольных мероприятий в банке, не может служить основанием для вывода о недобросовестности налогоплательщика, направившего платежное поручение об уплате налогов через соответствующий банк, поскольку клиенты кредитной организации, не являющиеся профессиональными участниками банковского сектора, как правило, не имеют сведений о возникновении проблем в банковском учреждении до того, как проблема приобрела общеизвестный характер.

На момент предъявления спорных платежных поручений у налогоплательщика был открыт единственный счет в банке и, соответственно, отсутствовала возможность использовать счет в ином банке для осуществления платежей. По данному счету совершалось большое число операций, связанных с хозяйственной деятельностью налогоплательщика, а также операций по перечислению налоговых

платежей в бюджет и страховых взносов во внебюджетные фонды. Оставшиеся на счете денежные средства были размещены налогоплтельщиком на депозите в том же банке.

Приведенные обстоятельства не позволяют утверждать, что исполнение обязанности по уплате налога за счет средств, находящихся на счете налогоплательщика, открытом в банке, в рассматриваемый период было сопряжено с созданием искусственных условий для применения подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ (совершением действия в обход закона).

Определение № 305-КГ17-6981

33. Научно-производственный центр, не обладающий статусом государственного научного центра, не вправе применять льготу по налогу на имущество организаций в виде освобождения принадлежащих ему основных средств от налогообложения.

Государственное унитарное предприятие (далее – предприятие) оспорило в арбитражном суде решение налоговой инспекции, которым ему доначислен налог на имущество организаций.

Основанием для доначислений послужил вывод налогового органа об отсутствии у предприятия оснований для применения льготы по налогу на имущество организаций в соответствии с п. 15 ст. 381 НК РФ, поскольку предприятие не является организацией, которой в проверяемом периоде присвоен статус государственного научного центра в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 1993 г. № 939.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, признал решение налогового органа недействительным, сочтя, что льгота, предусмотренная п. 15 ст. 381 НК РФ, распространяется на федеральные научно-производственные центры, к числу которых относится предприятие.

Суды учли, что такое разъяснение в отношении круга лиц, имеющих право на использование рассматриваемой льготы, дано в п. 5 Обзора практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений гл. 30 НК РФ, № 148, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по жалобе налоговой инспекции, признала выводы судов ошибочными.

Новая редакция п. 15 ст. 381 НК РФ, действующая с 1 января 2015 г., предполагает, что освобождается от налогообложения имущество организаций, которым присвоен статус государственных научных центров.

Соответственно, действующее положение исключает применение ранее данных разъяснений, по причине чего предприятие с указанной даты не может использовать соответствующую льготу.

Сведений о том, что предприятию присвоен статус государственного научного центра в деле не имеется. Таким образом, предприятие не имеет права на использование льготы, предусмотренной п. 15 ст. 381 НК РФ, вследствие чего доначисления произведены налоговым органом законно.

Определение № 310-КГ17-5116

34. Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих включать в базу для начисления страховых взносов не принятые Фондом социального страхования к зачету суммы выплаченного работникам страхового обеспечения.

Региональным отделением Фонда социального страхования Российской Федерации (далее – фонд) приняты решения, которыми хозяйственное общество (далее – страхователь) привлечено к ответственности за совершение нарушения законодательства Российской Федерации о страховых взносах и к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Фонд включил в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, денежные средства в сумме выплаченных обществом своим сотрудникам – внешним совместителям – пособий по беременности и родам и по временной нетрудоспособности, не принятых к зачету по результатам выездной проверки.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества о признании недействительным указанного решения фонда отказано.

Суды сочли, что указанные суммы пособий, не принятые к зачету, уже не могут признаваться страховым обеспечением, не подлежащим обложению страховыми взносами в силу положений п. 1 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный Фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ) и п. 1 ч. 1 ст. 20^2 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном

страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – Закон № 125-ФЗ).

В связи с этим, по мнению судов, фонд пришел к правомерному выводу, что данные средства подлежат включению в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и в базу, облагаемую страховыми взносами от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты и удовлетворила требования страхователя по следующим основаниям.

Положениями ч. 1 ст. 7 Закона № 212-ФЗ и ч. 1 ст. 20^1 Закона № 125-ФЗ определены объекты обложения соответствующими страховыми взносами.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ и п. 1 ч. 1 ст. 20^2 Закона № 125-ФЗ не подлежат обложению соответствующими страховыми взносами пособия и иные виды обязательного страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию.

Как следует из материалов дела и установлено судами, общество выплатило своим сотрудникам - внешним совместителям пособия по беременности и родам и по временной нетрудоспособности. Названные расходы общества не были приняты фондом к зачету, поскольку указанные сотрудники работали в обществе менее двух лет до наступления страхового случая и у общества отсутствуют справки с основного места работы этих лиц о том, что им не выплачивалось такое пособие по основному месту работы.

Однако отказ фонда в принятии к зачету расходов по выплате спорных пособий не может изменить статус выплаченных средств как страховое обеспечение, то есть страховые выплаты, обусловленные наступлением страхового случая. Указанные суммы сохраняют свою социальную направленность и не являются вознаграждением за выполнение работником трудовых функций. Сам факт наступления страхового случая фондом не оспаривается.

Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих включать в базу для начисления страховых взносов не принятые фондом к зачету суммы выплаченного страхового обеспечения.

Таким образом, выплаченные обществом в связи с наступлением страхового случая своим сотрудникам спорные суммы признаются страховым обеспечением по обязательному социальному страхованию и не могут квалифицироваться как объекты обложения соответствующими страховыми взносами на основании положений ч. 1 ст. 7 Закона № 212-ФЗ и ч. 1 ст. 20^1 Закона № 125-ФЗ.

Определение № 308-КГ17-680

Споры, связанные с применением таможенного законодательства

35. При рассмотрении споров о классификации ввозимых товаров для таможенных целей могут учитываться рекомендации по классификации, данные Всемирной таможенной организацией, и международная практика классификации таких товаров.

Предварительными решениями таможенного органа товар общества – персональные беспроводные приемо-передающие носимые устройства Apple Watch («Эппл Вотч», далее по тексту используется оригинальное название товара) классифицирован по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД) в товарных позициях 9102/9101 «часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой/часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой с корпусом, изготовленным из драгоценного металла».

Общество, полагая, что устройства Apple Watch должны быть отнесены к товарной позиции 8517 («аппаратура для передачи данных»), обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений таможенного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества по следующим основаниям.

Международная Конвенция по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (совершена в Брюсселе 14 июня 1983 г., далее – Конвенция) возлагает на Российскую Федерацию как государство – участника данного международного договора обязанность обеспечивать соответствие применяемых таможенно-тарифных и статистических номенклатур Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее – Гармонизированная система).

Обязательность применения Гармонизированной системы в Российской Федерации, кроме того, вытекает из п. 2 ст. 25 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.), согласно которому Гармонизированная система является основой ТН ВЭД.

Применение Гармонизированной системы включает в себя обязательное использование ее Основных правил интерпретации ТН ВЭД, приведенных в Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза (утвержден решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54; далее – Основные правила интерпретации, ОПИ).

Статьи 6 – 7 Конвенции также предусматривают учреждение Комитета по Гармонизированной системе, одной из функций которого является разработка пояснений, классификационных решений и прочих рекомендаций, необходимых для интерпретации Гармонизированной системы. Названные рекомендации, в соответствии со ст. 8 Конвенции, имеют цель обеспечить единообразную интерпретацию и применение Гармонизированной системы, подготавливаются в ходе сессии Комитета по Гармонизированной системе, с участием уполномоченных представителей государств и после своего принятия считаются утвержденными Всемирной таможенной организацией.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» указано, что неправильная классификация товара таможенным органом является основанием для вывода о незаконности оспариваемого классификационного решения, и при проверке обоснованности классификационного решения судами могут учитываться рекомендации (разъяснения) по классификации товаров, данные Всемирной таможенной организацией в соответствии со ст. 7 Конвенции, в отношении которых Российская Федерация не заявила об отказе в их применении.

По результатам 55-й сессии Комитета по Гармонизированной системе, прошедшей в марте 2015 года, принято решение, касающееся классификации «умных часов», согласно которому данные переносные устройства с питанием от аккумулятора, способные принимать и передавать данные и предназначенные для ношения на запястье, рекомендуется классифицировать в товарной позиции 8517.62 Гармонизированной системы в соответствии с Основными правилами интерпретации 1, 3(б) и 6, то есть основное свойство «умных часов» определяется компонентом (модулем) беспроводного обмена данными.

На уровне Евразийского экономического союза не принято решение о классификации устройств вида «умные часы» по тому или иному коду ТН ВЭД.

В такой ситуации классификационные рекомендации Всемирной таможенной организации имеют значение для обеспечения правовой определенности при классификации ввозимых обществом товаров в таможенных целях.

Правильная классификация устройств Apple Watch не может быть произведена только на основании ОПИ 1 и 6. В действующей редакции ТН ВЭД отсутствует надлежащая товарная позиция (субпозиция), к которой рассматриваемые новые высокотехнологичные устройства могли быть отнесены непосредственным образом и однозначно, в том числе к товарным позициям 9102/9101 «часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой/часы наручные, карманные».

В соответствии с ОПИ 3(б) в таком случае классификация многокомпонентного товара должна осуществляться исходя из той составной части, которая придает товару основное свойство. Фактор, который определяет основное свойство многокомпонентного товара, устанавливается по природе компонента, объему, количеству, массе, стоимости или же роли, которую играет этот компонент при использовании товара, на что обращено внимание в п. VIII Пояснений к данному правилу (рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 марта 2013 г. № 4).

Исходя из классификационной рекомендации Всемирной таможенной организации, применение данного правила к «умным часам» объясняется тем, что их основное свойство определяется компонентом (модулем) беспроводного обмена данными, который позволяет Apple Watch синхронизировать данные с основным устройством (смартфоном iPhone) и выводить на экран соответствующую информацию. После синхронизации со смартфоном с включенной функцией передачи данных Apple Watch, в частности, выполняет функции приема/отклонения и инициирования телефонных звонков; визуализации полученных на материнское устройство (iPhone) сообщений; воспроизведения видео и аудиофайлов, сохраненных в памяти материнского устройства; дистанционного управления фото – видеокамерой материнского устройства; контроля времени (часы, календарь, таймер обратного отсчета, секундомер).

Доводы таможенного органа о многообразии функций, выполняемых Apple Watch, не могли служить основанием для отказа в применении Основного правила интерпретации 3(б) и использования иного подхода ккласификации товара. По существу эти доводы сводятся к констатации значительного числа потребительских нужд, удовлетворяемых при бытовом использовании «умных часов».

Таким образом, классификация многокомпонентного товара не ставится в зависимость от выполняемых им функций, а производится по составляющим его компонентам, их объективной роли и значимости в функциональности устройства.

В нарушение ч. 5 ст. 200 АПК РФ таможенный орган не опроверг относимость и обоснованность подхода к классификации товаров, рекомендованного Всемирной таможенной организацией в соответствии со ст. 6 – 7 Конвенции, к заявленным обществом устройствам Apple Watch и не доказал правильность принятых им решений по предварительной классификации товаров.

Определение № 305-КГ17-3138

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

36. Оказание услуг, отвечающих критериям образовательной деятельности, без получения необходимой лицензии является основанием для привлечения оказывающего такие услуги лица к административной ответственности, установленной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявление прокурора о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, за осуществление образовательной деятельности без лицензии, назначив обществу наказание в виде штрафа.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено и в удовлетворении заявления прокурора о привлечении общества к административной ответственности отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как следовало из материалов дела, общество на платной основе предоставляло образовательные услуги по подготовке судоводителей маломерных судов в соответствии с Типовой программой обучения судоводителей судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России (утвержденной МЧС России 28 октября 2005 г.), а также в соответствии с собственной Программой подготовки судоводителей маломерных судов.

В соответствии с пп. 1, 3 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а также совокупность приобретаемых знаний; обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни.

Как следует из положений ч. 1 ст. 12 Закона об образовании, содержание образования определяют образовательные программы. В силу ч. 5 ст. 12 Закона об образовании образовательные программы самостоятельно разрабатываются и утверждаются организацией,

осуществляющей образовательную деятельность, если данным Законом не установлено иное.

Таким образом, общество, осуществляя обучение слушателей по программе «Подготовка судоводителей маломерных судов», а также фиксируя (в протоколах заседаний экзаменационной комиссии общества по проведению внутренних экзаменов) факт овладения слушателями соответствующими знаниями, умениями, навыками и компетенцией, осуществляет именно образовательную деятельность.

В соответствии с ч. 1 ст. 91 Закона об образовании образовательная деятельность подлежит лицензированию. Лицензирование, как установлено ч. 1 ст. 2 Закона о лицензировании, осуществляется, в том числе в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан.

Эксплуатация маломерных судов связана с повышенной опасностью для жизни и здоровья граждан, что дополнительно подтверждает квалификацию деятельности общества как образовательной и подлежащей в связи с этим лицензированию.

Как следует из ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, наказуемо осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна).

Следовательно, выводы прокурора о совершении обществом правонарушения, ответственность за которое предусмотрена указанной нормой, обоснованы, а решение суда первой инстанции соответствует действующему законодательству.

Определение № 310-АД17-3729

37. Срок привлечения к ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 7.34 КоАП РФ, начинает исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения.

Общество, в нарушение требований ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», не исполнило обязанность по переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в срок до 1 июля 2012 г.

Административный орган, составив акт обследования от 4 мая 2016 г., пришел к выводу о наличии в деянии общества состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ст. 7.34 КоАП РФ, вследствие чего был составлен протокол от 9 июня 2016 г. и принято постановление от 17 июня 2016 г. о привлечении общества к административной ответственности в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного постановления незаконным и подлежащим отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что общество в связи с допущенным в рассматриваемом случае бездействием не подлежало административной ответственности на момент его выявления административным органом, поскольку после введения с 1 января 2013 г. в действие новой редакции ст. 7.34 КоАП РФ нового срока исполнения хозяйствующими субъектами обязанности по переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками не устанавливалось.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала обществу в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

В соответствии с действующей с 20 марта 2015 г. редакцией ст. 7.34 КоАП РФ наказуемо использование земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования юридическим лицом, не выполнившим в установленный федеральным законом срок обязанности по переоформлению такого права на право аренды земельного участка или по приобретению этого земельного участка в собственность.

Соответственно, данное правонарушение является длящимся, вследствие чего срок давности привлечения к ответственности начинает исчисляться с учетом положений ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ со дня обнаружения административного правонарушения.

Определение № 307-АД17-2298

38. Работник организации, не наделенный организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, не может выступать субъектом административной ответственности, установленной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ.

Арбитражный суд удовлетворил заявление прокурора о привлечении работника акционерного общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ за несвоевременное предоставление конкурсному управляющему сведений (документов), необходимых для исполнения возложенных на них обязанностей.

Как установил суд, конкурсный управляющий направил в акционерное общество запрос о предоставлении информации, обосновывающей перечисление денежных средств должника по делу о банкротстве на расчетный счет указанной организации и о поступлении на расчетный счет этой организации денежных средств должника. Упомянутый запрос был исполнен сотрудником организации с

нарушением установленного п. 1 ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) срока.

В связи с этим суд первой инстанции, с которым согласились арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанций, пришел к выводу о наличии в действиях работника акционерного общества состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и назначил наказание в виде штрафа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Согласно ст. 2.4 КоАП РФ административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

Как следует из представленных в материалы дела доказательств, в том числе приказа по организации и соответствующей должностной инструкции организации, привлеченный к административной ответственности работник являлся ведущим юрисконсультом отдела претензионно-исковой работы корпоративно-правового департамента акционерного общества и не был наделен организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, в отсутствие которых он не может быть признан должностным лицом, подлежащим привлечению к административной ответственности за совершение административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

То обстоятельство, что согласно должностной инструкции в обязанности привлеченного к ответственности гражданина входит представление интересов организации в делах о банкротстве, в том числе ведение переписки с арбитражными управляющими, представителями временной администрации, не свидетельствует о том, что данный гражданин наделен какими-либо организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями.

Таким образом, будучи рядовым сотрудником организации, гражданин не является должностным лицом, к которому по смыслу положений ст. 2.4 КоАП РФ может быть применена административная ответственность.

Определение № 305-АД17-1484

39. Рассмотрение дела об оспаривании постановления антимонопольного органа, которым к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ привлечено должностное лицо, не относится к компетенции арбитражного суда.

Постановлением антимонопольного органа гражданин привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координацию экономической деятельности.

Не согласившись с указанным постановлением, гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о его признании незаконным и отмене.

При рассмотрении дела антимонопольным органом заявлено ходатайство о прекращении производства, поскольку оспариваемое постановление вынесено в отношении должностного лица.

Арбитражный суд, руководствуясь положениями ст. 27, 29 АПК РФ, ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ, вынес определение о прекращении производства по делу в связи с отсутствием у арбитражного суда компетенции рассматривать данный спор.

Постановлением суда апелляционной инстанции данное определение отменено и дело направлено для рассмотрения по существу в суд первой инстанции.

Суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения абзаца пятого ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, согласно которым судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных, в частности, ст. 14.32 КоАП РФ, указал, что арбитражный суд обладает компетенцией по рассмотрению настоящего спора об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ, независимо от субъектного состава – должностное лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе определение суда первой инстанции о прекращении производства по делу, отметив следующее.

Положения абзаца пятого ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, на которые сослался суд апелляционной инстанции, подлежат применению с учетом положений чч. 1 и 2 указанной статьи.

Соответственно, рассмотрение дел о привлечении должностных лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности за совершение правонарушений, которые предусмотрены статьями (частями статей), перечисленными одновременно в ч. 2 и абзаце пятом ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, осуществляется административными органами, если они не передали такие дела на рассмотрение в арбитражный суд, или арбитражным судом, если ему соответствующие дела переданы административными органами на рассмотрение.

Правонарушения, административная ответственность за совершение которых предусмотрена ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ, перечислены одновременно в ч. 2 и абзаце пятом ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ.

При этом в силу ч. 1 ст. 23.48 КоАП РФ федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных в частности ст. 14.32 КоАП РФ.

Поскольку в рассматриваемой ситуации антимонопольный орган не воспользовался своими полномочиями на передачу дела об административном правонарушении на рассмотрение в арбитражный суд, то упомянутое постановление о привлечении к административной ответственности могло быть обжаловано в арбитражный суд только по правилам гл. 30 КоАП РФ и параграфа 2 гл. 25 АПК РФ, положения которых не предполагают возможность рассмотрения арбитражным судом дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

Определение № 305-АД17-6208

40. Субъектом ответственности, установленной ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, является лицо, обязанное соблюдать требования технических регламентов применительно к осуществляемой им деятельности.

Постановлением уполномоченного органа о привлечении к административной ответственности общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, и подвергнуто наказанию в виде взыскания штрафа.

Основанием для привлечения общества к ответственности послужили выводы уполномоченного органа о том, что общество при организации питания детей использовало сливочное масло, состав которого не соответствовал требованиям ТР ТС 021/2011, ТР ТС 033/2013, ГОСТ- 32261-2013 «Масло сливочное. Технические условия» (далее – технические регламенты).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным указанного постановления и об его отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила названные судебные акты без изменения по следующим основаниям.

Согласно примечанию к ст. 14.43 КоАП РФ под подлежащими применению до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательными требованиями для целей применения данной статьи понимаются обязательные требования к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, установленные нормативными правовыми актами, принятыми Комиссией Таможенного союза в соответствии с Соглашением Таможенного союза по санитарным мерам от 11 декабря 2009 г., а также не противоречащие им требования нормативных правовых актов Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, подлежащих обязательному исполнению в соответствии с пп. 1, 1.1, 6.2 ст. 46 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

Таким образом, объективная сторона правонарушения, описанного в ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, заключается в совершении действий (бездействия), нарушающих установленные требования технических регламентов или обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам реализации, либо в выпуске в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям.

Субъектом правонарушения является лицо, ответственное за соблюдение установленных правил и норм, а именно изготовитель, исполнитель (лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя), продавец соответствующей продукции.

То обстоятельство, что общество при организации питания использовало масло, не соответствующее требованиям технических регламентов Таможенного союза по микробиологическим показателям, является недостаточным для квалификации его действий по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ.

Несоответствие использованной в процессе организации общественного питания продукции требованиям технических регламентов заключается в микробиологических показателях, то есть фактически допущено на стадии технологического процесса при изготовлении масла, ответственность за соблюдение которого несет изготовитель указанной продукции.

Определение № 304-АД17-7163

41. Неисполнение в установленный срок жилищно-строительным кооперативом предписания органа, осуществляющего контроль (надзор) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, может

являться основанием для привлечения к административной ответственности, установленной ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ.

Жилищно-строительный кооператив (далее – кооператив) обратился в арбитражный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным и отменить постановление о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ за невыполнение в установленный срок законного предписания органа, осуществляющего контроль и надзор в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

При рассмотрении дела суд первой инстанции установил, что в ходе проведенной на основании обращения граждан внеплановой проверки кооператива по вопросам соблюдения законодательства о долевом строительстве, в частности привлечения денежных средств членов кооператива для строительства многоквартирного жилого дома, уполномоченный орган истребовал у кооператива ряд документов, необходимых для проведения указанной проверки. В связи с непредставлением кооперативом истребуемых документов уполномоченный орган составил акт проверки и выдал кооперативу предписание о представлении соответствующих документов в указанный в нем срок.

Неисполнение кооперативом в установленный срок названного предписания послужило основанием для составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ, и вынесения постановления о привлечении кооператива к указанной административной ответственности с назначением наказания в виде административного штрафа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных кооперативом требований отказано.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты, удовлетворив заявление кооператива, исходя из следующего.

Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (далее – участники долевого строительства) и возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты долевого строительства и права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, а также устанавливает гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства. Положениями

ч. 2 ст. 1 Закона № 214-ФЗ предусмотрено, что привлечение денежных средств граждан, связанное с возникающим у граждан правом собственности на жилые помещения в многоквартирных домах, которые на момент привлечения таких денежных средств граждан не введены в эксплуатацию в порядке, установленном законодательством о градостроительной деятельности (далее – привлечение денежных средств граждан для строительства), допускается жилищно-строительными и жилищными накопительными кооперативами в соответствии с федеральными законами, регулирующими деятельность таких кооперативов. Ссылаясь на п. 11 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 декабря 2013 г., арбитражный суд округа указал на отсутствие у административного органа полномочий по проверке соблюдения требований Закона № 214-ФЗ и истребования документов, в связи с чем у кооператива не возникло обязанности по исполнению полученного предписания и, соответственно, в действиях кооператива отсутствует состав вмененного административного правонарушения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 123^2 ЖК РФ, введенной в действие с 25 июля 2015 г. Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», уполномоченному органу, осуществляющему на основании Закона № 214-ФЗ контроль (надзор) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, предоставлены полномочия по осуществлению контроля (надзора) за деятельностью жилищно-строительных кооперативов по привлечению денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости.

Таким образом, после введения в действие ст. 123^2 ЖК РФ уполномоченный орган обладал соответствующими полномочиями для проверки деятельности кооператива, связанной с привлечением денежных средств граждан для строительства многоквартирного дома, в связи с чем арбитражный суд округа необоснованно применил к рассматриваемым правоотношениям положения п. 11 указанного Обзора.

При этом следует иметь в виду, что в п. 11 указанного Обзора сделан вывод о том, что Закон № 214-ФЗ не регулирует отношения, возникающие в связи с долевым строительством между гражданами и жилищно-строительными либо жилищными накопительными кооперативами. Однако это не означает, что данный закон не регулирует отношения между

названными кооперативами и государством в лице контролирующих органов в сфере контроля за законностью привлечения денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов.

Кроме того, в настоящее время распространение предусмотренных Законом № 214-ФЗ прав и полномочий контролирующего органа на жилищно-строительные кооперативы прямо закреплено в ч. 18 ст. 23 Закона № 214-ФЗ, введенной в действие Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В то же время из этого не следует, что до введения в действие указанной правовой нормы контролирующие органы не обладали полномочиями по контролю за законностью привлечения жилищно-строительными кооперативами денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов в порядке, предусмотренном Законом № 214-ФЗ.

Определение № 304-АД17-4552

Процессуальные вопросы

42. При снижении в связи с наличием смягчающих обстоятельств в судебном порядке размера штрафа, назначенного органом, осуществляющим контроль за уплатой страховых взносов, судебные расходы в виде уплаченной при обращении в суд государственной пошлины возмещаются в полном объеме.

Территориальным управлением Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – фонд) принято решение, которым общество привлечено к ответственности в виде штрафа за несоблюдение положений Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Суды трех инстанций, признавая частично недействительным решение фонда по заявлению общества установили обстоятельства, смягчающие ответственность за совершение рассматриваемого правонарушения, в связи с чем пришли к выводу о необходимости уменьшения штрафа, наложенного на общество, и признании в связи с этим недействительным решения фонда. В связи с удовлетворением требований общества суды также взыскали в пользу общества судебные расходы по уплате государственной пошлины.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по кассационной жалобе фонда, не согласного с взысканием государственной пошлины, оставила судебные акты без изменения, указав следующее.

На основании ч. 1 ст. 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. В случае, если иск удовлетворен частично, судебные расходы относятся на лиц, участвующих в деле, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 г. № 20-П разъяснено, что возмещение судебных расходов осуществляется той стороне, в пользу которой вынесено решение суда, и на основании того судебного акта, которым спор разрешен по существу; при этом процессуальное законодательство исходит из того, что критерием присуждения судебных расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного истцом требования; данный вывод, в свою очередь, непосредственно связан с содержащимся в резолютивной части судебного решения выводом о том, подлежит ли иск удовлетворению, поскольку только удовлетворение судом требования подтверждает правомерность принудительной реализации его через суд и влечет восстановление нарушенных прав и свобод, что в силу ст. 19 (ч. 1) и ст. 46 (чч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации и приводит к необходимости возмещения судебных расходов.

Как следует из п. 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2014 г. № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах», законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах не предусмотрено освобождение надлежащего ответчика от обязанности по возмещению судебных расходов по уплате государственной пошлины в связи с тем, что он не наделен полномочиями самостоятельно (в отсутствие правового акта иного лица, органа власти, в том числе суда) совершить действия, позволяющие истцу реализовать свои права, законные интересы, о защите которых он обратился в суд.

Таким образом, в случае признания обоснованным полностью или частично заявления об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц судебные расходы подлежат возмещению соответственно этим органом в полном размере.

Определение № 302-КГ17-4293

43. Определение о взыскании судебных расходов, понесенных в том числе в рамках участия в корпоративном споре, может быть обжаловано в суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения.

Определением суда первой инстанции от 29 ноября 2016 г. с истца в пользу третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя по спору о признании недействительным решения собрания товарищества собственников жилья.

Истец 29 декабря 2016 г. обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой на указанное определение.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, апелляционная жалоба возвращена истцу на основании ч. 1 ст. 225^9 АПК РФ. Суды пришли к выводу, что срок на обжалование определения о взыскании судебных расходов истек 13 декабря 2016 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело в суд апелляционной инстанции для решения вопроса о принятии апелляционной жалобы к производству по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 225^9 АПК РФ определения арбитражного суда, выносимые при рассмотрении дел по корпоративным спорам, обжалуются по правилам, установленным ст. 188 АПК РФ. Жалобы на такие определения, за исключением определений о прекращении производства по делу и об оставлении заявления без рассмотрения, подаются в арбитражный суд апелляционной инстанции в течение десяти дней со дня их вынесения. Вместе с тем установленный названной специальной нормой порядок исчисления срока обжалования не подлежит применению к определению о судебных расходах, вопрос о распределении которых рассматривается по общим правилам гл. 9 АПК РФ вне зависимости от категории спора.

Абзац четвертый ч. 2 ст. 112 АПК РФ не содержит указания на особый порядок обжалования определения о взыскании судебных расходов, в связи с чем следует руководствоваться общими положениями об обжаловании определений арбитражного суда, установленными ст. 188 АПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 188 АПК РФ жалоба на определение арбитражного суда первой инстанции может быть подана в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения, если иные порядок и срок не установлены данным кодексом.

Определение № 306-ЭС17-690

44. При пересмотре дела по новым обстоятельствам и принятии определения о повороте исполнения вынесенного ранее судебного акта шестимесячный срок, установленный ст. 112 АПК РФ, исчисляется со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, а не со дня вступления в силу определения о повороте исполнения вынесенного ранее судебного акта.

Решением суда первой инстанции от 3 февраля 2010 г., оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 25 мая 2010 г., удовлетворен иск физического лица к обществу.

Определением суда первой инстанции от 21 октября 2010 г. с общества в пользу физического лица взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя.

Решением суда первой инстанции от 11 апреля 2014 г. удовлетворено заявление общества о пересмотре по новым обстоятельствам вступивших в законную силу решения от 3 февраля 2010 г. и постановления от 25 мая 2010 г.

Решением суда первой инстанции от 29 мая 2014 г. в удовлетворении требований физического лица к обществу отказано. Определением от 7 ноября 2014 г. произведен поворот исполнения решения от 3 февраля 2010 г. и определения от 21 октября 2010 г.

Общество 7 мая 2015 г. обратилось в арбитражный суд с заявлением к физическому лицу о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя, часть из которых состояла в судебных расходах, понесенных обществом при рассмотрении дела по существу, а часть – в связи с рассмотрением заявления о повороте исполнения судебного акта.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части взыскания с физического лица судебных расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела по существу, и в указанной части направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 112 АПК РФ заявление по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде первой, апелляционной, кассационной инстанций, рассмотрением дела в порядке надзора, не разрешенному при рассмотрении дела в соответствующем суде, может быть подано в арбитражный суд, рассматривавший дело в качестве суда первой инстанции, в течение шести месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу.

В п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – постановление № 12) разъяснено, что последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, для целей исчисления шестимесячного срока следует считать по общему правилу (ст. 15, 167, 271, 289 АПК РФ) решение суда первой инстанции или постановление суда апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты.

Таким образом, в рассматриваемом случае последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, следует считать решение суда первой инстанции от 29 мая 2014 г., вступившее в законную силу в соответствии с ч. 1 ст.180 АПК РФ 30 июня 2014 г. (с учетом выходных дней). Следовательно, шестимесячный срок на подачу заявления о взыскании судебных расходов, понесенных при рассмотрении дела по существу, истек 30 декабря 2014 г. Общество обратилось с заявлением 7 мая 2015 г. (согласно штампу канцелярии суда на заявлении), то есть за пределами установленного срока.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 32 постановления № 12, в случае пропуска шестимесячного срока, предусмотренного ч. 2 ст. 112 АПК РФ, заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд с ходатайством о восстановлении срока на подачу заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде, в соответствии с ч. 3 ст. 117 АПК РФ. Если факт пропуска срока на подачу заявления по вопросу о судебных расходах установлен после его принятия к производству, суд выясняет причины пропуска срока. Признав причины пропуска срока уважительными, суд продолжает рассмотрение заявления, а в ином случае прекращает производство по заявлению применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Определение № 310-ЭС16-6569

45. Споры, возникающие из договоров, предполагающих расходование бюджетных средств, по общему правилу являются неарбитрабильными, а третейские соглашения о передаче подобных споров в третейские суды – недействительными. Исключение составляют случаи, в которых заключение третейского соглашения обеспечивает более значимый общественный интерес.

Открытым акционерным обществом «Особые экономические зоны» (далее – общество) и открытым акционерным обществом «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы» (далее – компания) заключен договор об осуществлении технологического присоединения энергетических установок общества, находящихся на территории особой экономической зоны. Сторонами согласована третейская оговорка.

Общество обратилось в третейский суд с заявлением к фирме о признании недействительным дополнительного соглашения к указанному договору и применении последствий недействительности ничтожной сделки.

Решением третейского суда в удовлетворении заявленных требований отказано.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением об отмене решения третейского суда.

При новом рассмотрении дела определением суда первой инстанции заявление общества удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Договор между сторонами заключался в процессе деятельности государства по созданию в Российской Федерации особых экономических зон.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – Закон № 116-ФЗ) особая экономическая зона – определяемая Правительством Российской Федерации часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности.

В соответствии со ст. 7, 8 Закона № 116-ФЗ управление особыми экономическими зонами возлагается на федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять функции по управлению особыми экономическими зонами, в том числе функции государственного заказчика по подготовке документации по планировке территории в границах особой экономической зоны и созданию инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур этой зоны за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, а также получать технические условия подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения и осуществлять передачу этих условий индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, осуществляющим строительство или реконструкцию.

Органы управления особыми экономическими зонами для выполнения своих функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами вправе привлекать акционерное общество, сто процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, или управляющую компанию в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять функции по нормативно-правовому регулированию в сфере создания и функционирования особых экономических зон.

Порядок привлечения к выполнению функций федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять функции по управлению особыми экономическими зонами, утвержден Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 217 «О порядке привлечения органами управления особыми экономическими зонами акционерного общества, сто процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, или управляющей компании для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами» (далее – приказ № 217).

Согласно абзацу первому п. 2 приказа № 217 акционерным обществом, сто процентов акций которого принадлежат Российской Федерации, является созданное в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2006 г. № 211 «О преобразовании федерального государственного предприятия «Внешнеэкономическое объединение «Внешстройимпорт» в открытое акционерное общество «Особые экономические зоны» ОАО «ОЭЗ».

В соответствии с абзацем вторым п. 2 приказа № 217 для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами в качестве управляющей компании привлекается создаваемое с участием уполномоченного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации дочернее акционерное общество.

Генеральное соглашение, предусматривающее привлечение общества для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особых экономических зон и на прилегающей к ним территорий, и

управлению этими и ранее созданными объектами было заключено между Федеральным агентством по управлению особыми экономическими зонами и обществом 6 марта 2008 г.

Согласно п. 4.2 Генерального соглашения на общество возложены функции по заключению договоров на технологическое присоединение к сетям инженерно-технического обеспечения с организациями, осуществляющими эксплуатацию сетей инженерно-технологического обеспечения.

Таким образом, общество является лицом, наделенным обязанностями по осуществлению части функций федерального органа исполнительной власти, то есть выполняет публичные функции, свойственные органу государственной власти.

Реализуя свои функции и заключая договор с компанией, общество стремилось к удовлетворению государственных и муниципальных потребностей в создании объектов недвижимости и инженерной инфраструктуры на территории особых экономических зон, при этом финансирование этих потребностей осуществлялось за счет бюджетных средств.

Указанные признаки, а именно – расходование бюджетных средств в целях удовлетворения публичного интереса (в данном случае по созданию в государстве особых экономических зон) – характеризуют такие отношения как отношения с публичным элементом и влекут повышенный публичный (общественный) контроль за такими отношениями.

Следовательно, контракты, предполагающие удовлетворение публичных интересов за счет бюджетных средств, если законом не установлено иное, в целях обеспечения иного публично-значимого интереса, должны не только заключаться, но и исполняться с соблюдением принципов открытости и прозрачности, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков и исполнителей, предотвращения и противодействия коррупции, ответственности за результативность и эффективность реализации вложенных бюджетных средств. Поэтому все этапы указанных правоотношений, включая заключение, исполнение, расторжение договоров и применение ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, должны быть полностью прозрачны и доступны для проверочных мероприятий вплоть до их завершения, в том числе посредством разрешения споров системой государственного правосудия.

Принципы третейского разбирательства (конфиденциальность, закрытость процесса, неформальный характер разбирательства, упрощенный порядок сбора и представления доказательств, отсутствие информации о принятых решениях, а также невозможность их проверки и пересмотра по существу) не позволяют обеспечить цели публичного

(общественного) контроля за такими отношениями, а значит – интересы публичного порядка.

Определение № 305-ЭС15-20073

46. При рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений в государственный суд представляется арбитражное соглашение либо его надлежащим образом заверенная копия.

Иностранная компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решений арбитража ad hoc в составе трех арбитров, состоявшегося в Лондоне (Великобритания), по искам компании к российскому обществу.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу подп. «b» п. 2 ст. V Конвенции Организации Объединенных Наций признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ компетентный суд справе отказать в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если такое признание и приведение в исполнение противоречит публичному порядку страны суда.

Под публичным порядком в целях применения названных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц (п. 1 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26 февраля 2013 г., № 156.

Элементом публичного порядка является, в том числе, право каждого на суд и возможность ограничить это право по собственной воле

путем обращения к альтернативным способам разрешения споров, в том числе в международный коммерческий арбитраж.

В связи с этим при признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных решений, выдаче исполнительных листов на решения внутренних третейских судов государственный суд проверяет среди прочего, не нарушит ли исполнение решения арбитража (третейского суда) публичный порядок в части одного из фундаментальных прав участников спора – права на суд. С этой целью государственный суд оценивает, имело ли место волеизъявление сторон на отказ от реализации права на суд в государственном суде и было ли такое волеизъявление свободным (отсутствие пороков воли). В целях проверки указанного основания в государственный суд представляется подлинное соглашение о третейском разбирательстве (арбитражное соглашение) или его надлежащим образом заверенная копия (п. 2 ч. 4 ст. 242 АПК РФ).

Кроме того, при принудительном исполнении арбитражного (третейского) решения по инициативе стороны разбирательства государственный суд может отказать в принудительном исполнении арбитражного (третейского) решения, если решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением либо не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного (третейского) соглашения (ч. 3 ст. 244 АПК РФ, подп. 1 п. 1 ст. 36 Закона Российской Федерации от 7 июня 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже»).

В целях проверки указанного основания представление в государственный суд подлинного арбитражного (третейского) соглашения или его надлежащим образом заверенной копии также является обязательным.

Общество указывало, что не заключало арбитражных соглашений с компанией, следовательно, разрешение споров в арбитраже не предусмотрено соглашением сторон. Соответственно, указанное основание отказа в признании и принудительном исполнении иностранного арбитражного (третейского) решения также подлежало проверке.

Таким образом, в целях проверки вышеуказанных оснований отказа в признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных (третейских) решений арбитражный суд Российской Федерации должен был оценить соответствующие арбитражные соглашения, однако не проверил данные основания. Подлинные арбитражные соглашения или их надлежащим образом заверенные копии, на основании которых государственный суд мог бы сделать обоснованные выводы по указанным основаниям принудительного исполнения арбитражных (третейских) решений, в материалах дела отсутствуют, на обозрение суду не представлялись.

Определение № 305-ЭС17-993

47. Судебный пристав-исполнитель не вправе в рамках исполнительного производства выносить постановления, касающиеся собственности третьих лиц в смысле ст. 1 Протокола № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свободах (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) и ст. 35 Конституции Российской Федерации.

В рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем вынесено постановление, в котором в том числе было указано, что общество как кредитор фирмы (должника) может исполнять требования фирмы только путем перечисления денежных средств на счет управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации.

В материалах исполнительного производства содержались документы, указывающие на то, что платежными поручениями общество в счет исполнения обязательств по контракту осуществило перечисление на счета фирмы денежных средств.

Посчитав, что указанные действия совершены обществом в нарушение требований постановления, судебным приставом-исполнителем вынесено постановление, в котором в частности определено: 1) обратить взыскание на принадлежащее должнику право требования надлежащего исполнения обязательств по оплате за фактически поставленные товары (дебиторскую задолженность) по контракту в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству; 2) объявить запрет должнику, обществу, на осуществление действий, приводящих к изменению, уменьшению размера имущественного права (дебиторской задолженности), совершение любых действий по передаче соответствующих прав третьим лицам, отчуждению имущественного права, подвергнутого аресту, проведение зачета встречных однородных требований, уменьшение имущественного права, подвергнутого аресту, при исполнении условий контракта, в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству; 3) обязать общество до момента реализации права требования осуществлять перечисление денежных средств в счет исполнения обязательств по контракту в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству на депозитный счет управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании данного постановления незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требование общества по следующим основаниям.

Согласно ст. 83 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) арест дебиторской задолженности состоит в объявлении запрета на совершение должником и дебитором любых действий, приводящих к изменению либо прекращению правоотношений, на основании которых возникла дебиторская задолженность, а также на уступку права требования третьим лицам. О наложении ареста на дебиторскую задолженность судебный пристав-исполнитель выносит постановление и составляет акт, в котором указывает перечень документов, подтверждающих наличие дебиторской задолженности. В случае необходимости производятся изъятие указанных документов и передача их на хранение.

Указанная норма направлена на защиту прав и интересов взыскателя в рамках исполнительного производства.

Однако, реализуя свои полномочия судебный пристав-исполнитель не должен осуществлять действия, нарушающие основные принципы законодательства Российской Федерации и способные нанести имущественный вред третьим лицам.

Меры, принятые приставом-исполнителем в соответствии с оспариваемым постановлением, направлены на обеспечение имущественной задолженности фирмы (должника) перед компанией. Следовательно, такие требования могут быть обеспечены исключительно за счет имущества должника. К имуществу должника может быть отнесено среди прочего и имущество, которое еще не поступило в фактическое владение должника, но причитается ему на каком-либо правовом основании. В частности, к имуществу должника могут быть отнесены права требования должника в отношении третьих лиц, однако если исполненное по данному требованию не будет составлять неосновательное обогащение должника.

В настоящем случае должник и общество (третье лицо) связаны встречными обязательствами по договору купли-продажи. В соответствии с данным договором право требования у кредитора оплаты поставленной продукции возникает исключительно после встречного предоставления со стороны контрагента.

Согласно п. 1 ст. 408 ГК РФ обязательство прекращается в результате надлежащего исполнения. Пункт 1 ст. 328 ГК РФ устанавливает, что встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств. В соответствии с п. 1 ст. 486 ГК РФ покупатель обязан оплатить товар непосредственно до или после передачи ему продавцом товара, если иное не предусмотрено ГК РФ, другим законом, иными

правовыми актами или договором купли-продажи и не вытекает из существа обязательства.

Таким образом, исполнение фирмой обязанности по поставке товара явилось бы встречным исполнением к исполнению обществом обязательств по оплате товара. Платеж со стороны общества согласно условиям договора носил характер авансового платежа, встречное предоставление от фирмы ко времени вынесения приставом оспариваемого постановления общество не получило.

Следовательно, в данном случае оспариваемое постановление пристава касалось имущества, принадлежащего третьему лицу и не поступившему в собственность должника в смысле ст. 1 Протокола № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свободах (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) и ст. 35 Конституции Российской Федерации.

При таких обстоятельствах у судебного пристава отсутствовали правовые основания для вынесения оспариваемого постановления. Принятие постановления привело к нарушению права собственности третьих лиц, следовательно, постановление является незаконным.

Определение № 305-КГ17-5770

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

48. Действия лица, совершившего посягательство на жизнь сотрудника дорожно-постовой службы, который находился при исполнении обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, следует квалифицировать по ст. 317 УК РФ.

В соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей З. признан виновным в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности лица по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, З. осужден по ст. 317 УК РФ.

В апелляционной жалобе адвокат в защиту осужденного просил переквалифицировать действия З. на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По мнению автора жалобы, потерпевший – сотрудник дорожно-постовой службы – не находился при исполнении обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а

занимался обеспечением безопасности дорожного движения, что исключает квалификацию действий осужденного по ст. 317 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а жалобу без удовлетворения по следующим основаниям.

По смыслу закона система общественной безопасности включает в себя безопасность дорожного движения.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. При этом к числу основных направлений деятельности полиции согласно пп.6,7 ст. 2 данного закона относятся обеспечение правопорядка в общественных местах и обеспечение безопасности дорожного движения.

Таким образом, сотрудник дорожно-постовой службы – потерпевший В., находящийся при исполнении обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, тем самым одновременно выполнял обязанности по обеспечению общественной безопасности на указанном направлении деятельности полиции.

Определение № 48-АПУ17-19СП

Процессуальные вопросы

49. В случае если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист, постановленный по уголовному делу на основании вердикта коллегии присяжных заседателей приговор, в том числе оправдательный, подлежит отмене.

По приговору суда, постановленного с участием присяжных заседателей, Г. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По этому же приговору Г. оправдан по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163, ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ, на основании пп. 2, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду его непричастности к совершению этих преступлений с признанием за ним в указанной части права на реабилитацию.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил приговор отменить, а уголовное дело передать на новое судебное рассмотрение со стадии предварительного слушания. Автор представления полагал, что коллегия присяжных заседателей, отвечая на различные

вопросы, одни и те же обстоятельства признала как доказанными, так и недоказанными; председательствующий же при этом не воспользовался положениями ч. 2 ст. 345 УПК РФ и не предложил присяжным заседателям внести уточнения в вердикт. Государственный обвинитель полагал необходимым квалифицировать действия Г. в отношении Р. и З. по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в отношении Я. − по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор в полном объеме, а уголовное дело направила на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином его составе со стадии судебного разбирательства по следующим основаниям.

При рассмотрении уголовного дела в отношении Г. присяжные заседатели, единодушно признав в ответе на вопрос № 5 доказанным факт производства 15 октября 2013 г. из не установленного следствием пистолета «ТТ» двух выстрелов в Я. и по одному выстрелу в Р. и З., результатом чего явилось причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью Я. и смерти Р. и З., столь же единодушно, отвечая на вопрос № 6, признали недоказанным, что Г. в ходе конфликта на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произвел из заранее приготовленного им пистолета с близкого расстояния два прицельных выстрела в Я. и по одному прицельному выстрелу в Р. и З.; пользуясь тем, что Я. вследствие полученных ранений не мог передвигаться, направил в его сторону пистолет и дважды нажал на спусковой крючок, однако по не установленным следствием техническим причинам выстрелы произведены не были.

Ознакомившись в соответствии со ст. 345 УПК РФ с вынесенным коллегией присяжных заседателей вердиктом, председательствующий по делу судья признал его неясным и возвратил присяжных заседателей в совещательную комнату, разъяснив им, что «поскольку спор между сторонами по факту производства выстрелов Г. отсутствует, с учетом позиций сторон председательствующим судьей были сформулированы вопросы, вопрос № 6 по позиции обвинения, вопрос № 7 по позиции защиты, в связи с этим присяжным заседателям необходимо дать оценку позициям сторон, установить, какой из этих позиций Вы доверяете. Иначе получается, что Вы установили какие-то иные обстоятельства, которые не исследовались в судебном заседании и не указаны в вопросном листе, что Вы не имеете права устанавливать, Вы отвечаете лишь на поставленные вопросы».

Давая такого рода разъяснения, ограничивающие выбор возможного решения присяжными заседателями определенными рамками, председательствующий полагал, что на один из двух вопросов − № 6 или № 7 − присяжные заседатели непременно должны были дать положительный ответ, тогда как в силу закона при ответе на любой из этих

вопросов у них сохранялась возможность ответить как «Да, доказано», так и «Нет, не доказано».

Само по себе то, что факт производства выстрелов из пистолета, в результате которых наступили смерть Р. и З. и причинение телесных повреждений Я., был признан присяжными заседателями доказанным и что между сторонами в ходе судебного заседания отсутствовал спор относительно производства Г. выстрелов, не давало оснований считать отрицательные ответы, данные присяжными заседателями на вопросы № 6 и 7, неясными или противоречивыми и ставить их перед необходимостью на один из этих вопросов дать именно утвердительный ответ.

При этом из содержания приведенных ответов присяжных заседателей на вопросный лист не следовало, что ими были установлены какие-либо иные, помимо исследовавшихся в судебном заседании и отраженных в вопросном листе, фактические обстоятельства.

Что же касается того, насколько, с учетом хода и результатов судебного разбирательства, принятое присяжными заседателями решение о недоказанности совершения подсудимым конкретных действий было обоснованным, то в силу закона в обсуждение этого вопроса ни суд апелляционной инстанции, ни судья, председательствующий в судебном заседании суда первой инстанции, входить не вправе.

При таких обстоятельствах действия председательствующего судьи, не принявшего решение коллегии присяжных заседателей по вопросному листу и возвратившего коллегию в совещательную комнату, нельзя признать законными и обоснованными.

Вместе с тем вердикт коллегии присяжных заседателей, постановленный после ее возвращения председательствующим в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист, не отвечает требованиям закона ввиду его противоречивости.

Указав при ответе на вопрос № 6 вопросного листа на недоказанность таких инкриминируемых Г. обстоятельств, как то, что он «...достал из своей одежды заранее им приготовленный пистолет...», «два прицельных выстрела в Я...», «...направил в сторону Я. пистолет и дважды нажал на спусковой крючок», присяжные заседатели в то же время признали доказанными обстоятельства, указанные во втором абзаце вопроса № 6, а именно то, что «смерть Я. не наступила в связи с невозможностью производства Г. повторных выстрелов из указанного пистолета ввиду не установленных следствием причин, а также в результате своевременного доставления Я. в медицинское лечебное учреждение и оказания ему квалифицированной медицинской помощи».

При таком положении отсутствует определенность в том, к каким именно выводам пришли присяжные заседатели относительно того, производил ли Г. выстрелы в Я., повлекшие его ранение, и пытался ли он произвести в него (в Я.) повторные выстрелы из пистолета, но не сумел этого сделать вследствие неустановленных причин.

Данная неопределенность усугубляется тем, что при ответе на вопрос № 8 вопросного листа присяжные заседатели, исходя из содержания этого вопроса, единодушно признали Г. виновным в действиях, указанных в вопросе № 6, без каких-либо исключений, поскольку редакция вопроса № 8 не предоставляла им подобную возможность.

Несмотря на это, председательствующий не принял необходимых мер к тому, чтобы устранить указанный недостаток вердикта, обратив внимание присяжных заседателей на имеющиеся в нем противоречия и предложив им, вернувшись в совещательную комнату, внести в вопросный лист соответствующие уточнения.

Определение № 4-АПУ17-36СП

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

50. При осуществлении государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании нотариально удостоверенной сделки, совершенной управомоченным лицом в отсутствие запрета распоряжаться соответствующим имуществом, проверка законности нотариально удостоверенного договора государственным регистратором прав не осуществляется.

Между Б. и К. был заключен договор купли-продажи ½ доли в праве собственности на встроенное нежилое помещение, принадлежащее Б.

Указанный договор удостоверен нотариусом.

Стороны сделки обратились в уполномоченный орган с заявлением о государственной регистрации перехода права собственности, однако эта регистрация названным органом была приостановлена со ссылкой на то обстоятельство, что отчуждение определенной доли собственником целого (неделимого) объекта не основано на нормах действующего законодательства. Кроме того, предложено представить дополнительные доказательства наличия оснований для осуществления государственной регистрации.

Б. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании решения уполномоченного органа, ссылаясь на то, что произвел отчуждение доли в праве собственности на принадлежащее ему недвижимое имущество в установленном законом порядке, нежилое помещение сохранилось как единый объект, его раздел не производился, в связи с чем истребование у него дополнительных документов не основано на законе.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Суд апелляционной инстанции отменил это решение суда и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления. При этом указал, что представленный договор купли-продажи свидетельствует о неделимости объекта недвижимости, принадлежащего Б., в связи с чем у административного истца отсутствовали правовые основания для отчуждения доли в праве собственности на это имущество.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Основания приобретения права собственности закреплены в ст. 218 ГК РФ и являются общими для любого объекта, в том числе для доли в праве на недвижимое имущество.

В силу п. 2 названной статьи право собственности на имущество, принадлежащее собственнику, может быть приобретено другим лицом по договору купли-продажи.

Судом установлено и подтверждается материалами дела, что договор купли-продажи, заключенный между Б. и К., удостоверен нотариусом.

Вместе с тем на момент принятия оспариваемого решения уполномоченного органа действовали положения абзаца одиннадцатого ст. 17 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», согласно которым органом, осуществляющим государственную регистрацию прав, проводится правовая экспертиза представленных на государственную регистрацию правоустанавливающих документов, в том числе проверка законности сделки (за исключением нотариально удостоверенной сделки).

При таких обстоятельствах уполномоченный орган при рассмотрении заявления Б. и К. о государственной регистрации перехода права собственности был не вправе давать правовую оценку договору купли-продажи, удостоверенному нотариусом.

Кроме того, в ч. 2 ст. 59 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» также закреплено, что при осуществлении государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании нотариально удостоверенной сделки проверка законности нотариально удостоверенного документа государственным регистратором прав не осуществляется.

При таких обстоятельствах правовых оснований для отказа в удовлетворении административного искового заявления не имелось.

Определение № 36-КГ17-8

51. Размещение в акватории водного объекта, находящегося в федеральной собственности и расположенного на территориях двух и

более субъектов Российской Федерации, линейных объектов, в том числе мостов, переходов, равно как и осуществление действий, связанных с их обслуживанием и демонтажем, является использованием водного объекта, которое не может быть осуществлено при отсутствии соответствующего волеизъявления его собственника.

Такое волеизъявление не требуется в случае использования водного объекта для предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий.

В акватории реки Л. расположен объект незавершенного строительства – мостовое сооружение.

Прокурор обратился в суд с административным исковым заявлением в интересах неопределенного круга лиц к уполномоченному органу субъекта Российской Федерации в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, территориальному органу Федерального агентства водных ресурсов, органу местного самоуправления с требованиями признать незаконным бездействие, выразившееся в непринятии мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, и возложить обязанность демонтировать бетонные остатки мостового сооружения.

В обоснование требований указано, что нахождение названного объекта в акватории реки не обеспечивает прохождение повышенных расходов (паводков), имеется угроза обрушения конструкций пролетных строений, перекрытия русла реки и затопления жилых домовладений.

Решением суда первой инстанции признано незаконным бездействие указанных прокурором лиц, выразившееся в непринятии мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

На уполномоченный орган субъекта Российской Федерации в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, территориальный орган Федерального агентства водных ресурсов возложена обязанность демонтировать мостовое сооружение.

На орган местного самоуправления возложена обязанность по оказанию правовой, методической и консультативной помощи при исполнении решения суда.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение, которым признал незаконным бездействие органа местного самоуправления и возложил на него обязанность демонтировать названное сооружение.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и направила административное дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Река Л., расположенная на территориях двух субъектов Российской Федерации, является водным объектом, находящимся в федеральной собственности.

В силу п. 16 ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВоднК РФ) негативное воздействие вод – затопление, подтопление, разрушение берегов водных объектов, заболачивание и другое негативное воздействие на определенные территории и объекты.

Частью 5 ст. 67^1 ВоднК РФ установлено, что собственник водного объекта обязан осуществлять меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий. Меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий в отношении водных объектов, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, осуществляются исполнительными органами государственной власти или органами местного самоуправления в пределах их полномочий в соответствии со ст. 24–27 названного кодекса.

Согласно пп. 1 и 17 ст. 24 ВоднК РФ к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в области водных отношений относятся владение, пользование, распоряжение водными объектами, находящимися в федеральной собственности, а также осуществление мер по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий в отношении водных объектов, находящихся в федеральной собственности и расположенных на территориях двух и более субъектов Российской Федерации.

Органы местного самоуправления осуществляют полномочия по владению, пользованию, распоряжению, а также осуществляют меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий в отношении водных объектов, находящихся в собственности муниципальных образований (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 ВоднК РФ).

Обязанность своевременно осуществлять мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на водных объектах при их использовании возложена на собственников таких объектов, водопользователей (п. 4 ч. 2 ст. 39 ВоднК РФ).

Использование водных объектов (водопользование) – использование различными способами водных объектов для удовлетворения потребностей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических лиц, юридических лиц (п. 14 ст. 1 названного кодекса).

Пункт 2 ч. 1 ст. 11 ВоднК РФ предусматривает, что использование акватории водных объектов, находящихся в федеральной собственности, осуществляется на основании договора водопользования, если иное не предусмотрено чч. 2 и 3 названной статьи.

При этом для осуществления строительства гидротехнических сооружений, мостов, а также подводных и подземных переходов,

трубопроводов, подводных линий связи, других линейных объектов, если такое строительство связано с изменением дна и берегов водных объектов, находящихся в федеральной собственности, требуется решение о предоставлении водных объектов в пользование (п. 5 ч. 2 ст. 11 ВоднК РФ).

Предоставление водных объектов, находящихся в федеральной собственности, или частей таких водных объектов в пользование на основании решения о предоставлении водных объектов в пользование осуществляется исполнительными органами государственной власти в пределах их полномочий (ч. 4 ст. 11 названного кодекса).

В силу п. 4 ч. 3 ст. 11 ВоднК РФ принятие решения о предоставлении водного объекта в пользование не требуется в случае, если водный объект используется для предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий.

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что орган местного самоуправления вправе осуществлять полномочия по владению, пользованию и распоряжению, а также принимать меры по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий только в отношении водных объектов, находящихся в собственности муниципальных образований.

Кроме того, размещение в акватории водного объекта, находящегося в федеральной собственности и расположенного на территориях двух и более субъектов Российской Федерации, линейных объектов, в том числе мостов, переходов, равно как и осуществление действий, связанных с их обслуживанием и демонтажем, является использованием водного объекта, которое не может быть осуществлено при отсутствии соответствующего волеизъявления его собственника.

Такое волеизъявление не требуется в случае использования водного объекта для предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий.

Вместе с тем при отсутствии чрезвычайной ситуации демонтаж мостового сооружения, связанный с изменением дна и берегов водного объекта, требует наличия воли собственника этого объекта на проведение указанных работ.

Изложенное судом апелляционной инстанции учтено не было.

Определение № 18-КГ16-190

52. Не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) суммы выплат на приобретение жилого помещения, предоставленные за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Г. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании решения налогового органа, ссылаясь на то, что в период работы в Пенсионном фонде Российской Федерации ему была предоставлена единовременная субсидия на приобретение жилого помещения. За счет этих и собственных денежных средств он приобрел квартиру, после чего подал в налоговый орган декларацию по налогу на доходы физических лиц, в которой заявил право на имущественный налоговый вычет в связи с приобретением указанного жилого помещения.

Должностным лицом налогового органа ему было разъяснено, что сумма предоставленной субсидии не подлежит налогообложению, поскольку не является доходом физического лица, в связи с чем отсутствует право на получение имущественного налогового вычета.

Впоследствии налоговым органом в адрес Г. направлено уведомление о необходимости уплаты налога на доходы физических лиц, поскольку сумма полученной субсидии отражена в качестве дохода в справке формы 2-НДФЛ.

В связи с этим Г. в налоговый орган подана уточненная декларация, в которой был заявлен имущественный налоговый вычет в сумме фактически произведенных расходов на приобретение квартиры.

Однако налоговым органом принято решение, которым Г. привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения, начислены пени, на него также возложена обязанность по уплате недоимки по налогу на доходы физических лиц, штрафа.

Не согласившись с таким решением, Г. оспорил его в суде.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части, принял новое решение о признании незаконным решения налогового органа о привлечении Г. к ответственности за совершение налогового правонарушения и начислении пеней. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, а также судебный акт суда апелляционной инстанции в той части, в какой названное решение суда оставлено без изменения, и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В силу положений ст. 209 НК РФ объектом налогообложения по налогу на доходы физических лиц признается доход, полученный налогоплательщиком.

Согласно ст. 13 БК РФ бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации предназначены для исполнения расходных обязательств Российской Федерации.

В силу ст. 16 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»

средства бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации являются федеральной собственностью, не входят в состав других бюджетов и изъятию не подлежат.

Согласно ст. 10 БК РФ к бюджетам бюджетной системы Российской Федерации относятся в том числе федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов.

Федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации разрабатываются и утверждаются в форме федеральных законов (ст. 11 названного кодекса).

Федеральным законом от 2 декабря 2013 г. № 320-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» Фонду предоставлено право в 2014 году и в плановый период 2015 и 2016 годов осуществлять направление средств на предоставление в порядке и на условиях, устанавливаемых фондом, работникам фонда и его территориальных органов единовременной субсидии на приобретение жилого помещения в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных приложениями 4 и 5 к данному федеральному закону (ч. 4 ст. 6).

Согласно п. 36 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) суммы выплат на приобретение жилого помещения, предоставленные за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Согласно п. 5 ст. 220 НК РФ имущественные налоговые вычеты, предусмотренные подп. 3 и 4 п. 1 данной статьи, не предоставляются в части расходов налогоплательщика на приобретение на территории Российской Федерации квартиры, покрываемых за счет средств работодателей или иных лиц, а также за счет выплат, предоставленных из средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Вместе с тем суд при рассмотрении административного дела не принял во внимание приведенные выше положения закона и не исследовал вопрос о том, являются ли предоставленные административному истцу денежные средства средствами федерального бюджета или иными средствами бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

При таких обстоятельствах принятые по данному административному делу судебные акты нельзя признать законными и обоснованными.

Определение № 8-КГ17-7

Применение положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации

53. Судебные расходы по делу, возникшему из административных и иных публичных правоотношений, но рассмотренному судом до вступления в силу КАС РФ, подлежат взысканию в соответствии с нормами названного кодекса.

Вступившим в законную силу решением суда, принятым до вступления в силу КАС РФ и вынесенным в соответствии с нормами ГПК РФ, удовлетворены требования Е. об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя.

Е. обратился в суд с заявлением о взыскании с УФССП России по Московской области судебных расходов, связанных с рассмотрением этого дела.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии указанного заявления было отказано на основании ст. 134 ГПК РФ, поскольку взыскание названных расходов возможно в порядке искового производства в соответствии с положениями ГПК РФ.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты, указав, что спор, разрешенный судом в рамках указанного дела, возник из административных и иных публичных правоотношений, в связи с чем после вступления в силу КАС РФ вопросы, связанные в том числе со взысканием судебных расходов по этому делу, подлежат рассмотрению по правилам названного кодекса.

При таких обстоятельствах правовых оснований для отказа в принятии заявления Е. о взыскании судебных расходов не имелось.

Определение № 4-КГ17-54

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

54. Закон не содержит указаний на необходимость продления срока нахождения военнослужащих, уволенных с военной службы и находящихся в основном отпуске, в списках личного состава воинской части на период их амбулаторного лечения.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 22 июня 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением

Уральского окружного военного суда от 27 сентября 2016 г., удовлетворено заявление К., в котором он просил признать незаконным отказ командира воинской части 2106 продлить нахождение его в основном отпуске за 2016 г. на время нахождения на амбулаторном лечении.

Рассмотрев материалы административного дела о кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что приказом ФСБ России от 17 июля 2014 г. К. уволен с военной службы в связи с несоответствием требованиям, неисполнением обязанностей, нарушением запретов, несоблюдением ограничений, установленных законодательством Российской Федерации и связанных с прохождением военной службы в органах федеральной службы безопасности.

Приказом командира воинской части от 20 января 2016 г. административному истцу предоставлен основной отпуск за 2016 г. с 3 по 21 февраля 2016 г. с последующим исключением из списков личного состава воинской части с 21 февраля 2016 г.

В период нахождения в отпуске К. обратился на имя командира воинской части с рапортом о переносе отпуска в связи с заболеванием, представив соответствующие справки об освобождении от работы (исполнения служебных обязанностей), однако получил отказ.

Удовлетворяя заявление, гарнизонный военный суд исходил из того, что нахождение административного истца в период отпуска на амбулаторном лечении свидетельствует о неиспользовании им отпуска, что в соответствии с предписаниями п. 18 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее – Положение о порядке прохождения военной службы), является основанием для продления времени нахождения К. на военной службе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами гарнизонного военного суда.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что нахождение К. на амбулаторном лечении имело место в период отпуска за 2016 г., предоставленного в год увольнения с военной службы с последующим исключением из списков личного состава воинской части.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков

личного состава воинской части; военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, за исключением случаев, когда: военнослужащий находится на стационарном лечении; военнослужащий женского пола находится в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком; военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, по его желанию остается в воинской части до дня отправки транспортного средства, осуществляющего индивидуальную или организованную перевозку военнослужащих, увольняемых в запас; военнослужащий участвует в походах кораблей; военнослужащий находится в плену, в положении заложника или интернированного; военнослужащий безвестно отсутствует – до признания его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; в отношении военнослужащего, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, избраны меры пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части; а также в иных случаях, установленных Положением о порядке прохождения военной службы.

Содержание названной законодательной нормы указывает на то, что она регламентирует вопросы, связанные с порядком определения срока военной службы и времени его истечения, и допускает оставление военнослужащего в списках личного состава воинской части после истечения срока его военной службы лишь в случаях, прямо установленных в Федеральном законе и в Положении о порядке прохождения военной службы.

К числу таких случаев отнесено нахождение военнослужащего на стационарном лечении, что направлено на защиту интересов лиц, проходящих военную службу и находящихся на стационарном лечении, предоставляя им гарантии сохранения статуса военнослужащего в указанный период.

Указания на необходимость продления срока нахождения военнослужащих в списках личного состава воинской части на период их амбулаторного лечения Федеральный закон не содержит.

Вопреки выводу суда Положение о порядке прохождения военной службы также не содержит такого указания.

Согласно п. 4 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы (уволенный досрочно – не позднее окончания срока военной службы), кроме случаев, установленных Федеральным законом и Положением о порядке прохождения военной службы.

К числу таких случаев, установленных Положением о порядке прохождения военной службы, в частности, отнесена невозможность предоставления основного и дополнительных отпусков до дня истечения

срока военной службы, в связи с чем в п. 16 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы установлено, что такие отпуска могут быть предоставлены военнослужащему при его увольнении последовательно, без разрыва между отпусками, а исключение военнослужащего из списков личного состава воинской части производится по окончании последнего из отпусков и после сдачи военнослужащим дел и должности.

Что касается п. 18 ст. 29 Положения о порядке прохождения военной службы, в соответствии с которым военнослужащим, заболевшим во время основного или дополнительного отпуска, кроме отпуска по личным обстоятельствам, основной или дополнительный отпуск продлевается на соответствующее количество дней болезни, то он, устанавливая правила продления отпусков указанным военнослужащим, обеспечивает им возможность полноценной реализации права на отдых и гарантирует достижение целей предоставления основного и дополнительного отпуска, обусловленных необходимостью последующего надлежащего исполнения обязанностей военной службы.

Таким образом, указанная норма вопросы, связанные с порядком определения срока военной службы и времени его истечения, в том числе вопросы, связанные с порядком исключения военнослужащих из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы, не регламентирует.

Из изложенного следует, что командир воинской части правомерно отказал К. в переносе отпуска в связи с нахождением последнего на амбулаторном лечении, а выводы судов об обратном основаны на неправильном толковании закона.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований К.

Определение № 204-КГ17-8

55. После предоставления военнослужащему в связи с увольнением с военной службы за счет Министерства обороны Российской Федерации квартиры в собственность он подлежит снятию с жилищного учета.

Решением Новосибирского гарнизонного военного суда от 25 апреля 2016 г. Т. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными решение начальника 2 отдела (г. Новосибирск) федерального государственного казенного учреждения «Центральное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – 2 отдел ФГКУ «Центррегионжилье») от 4 февраля 2016 г. об отказе во включении его в список на предоставление служебных жилых помещений, отказ

начальника Новосибирского высшего военного командного училища (далее – военное училище) в выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения и просил обязать начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» включить его в список на предоставление служебных жилых помещений.

Апелляционным определением Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 августа 2016 г. решение отменено и по делу принято новое решение о частичном удовлетворении заявления.

Судом апелляционной инстанции признаны неправомерными отказ 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» включить истца в список на предоставление служебных жилых помещений и отказ начальника военного училища в выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения. Требование Т. о включении его в списки на получение служебного жилого помещения оставлено без удовлетворения.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье», Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Т., заключивший первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., с октября 2008 года проходил военную службу в должности преподавателя в Новосибирском высшем военном командном училище. Решением жилищной комиссии военного училища от 17 ноября 2008 г. истец признан нуждающимся в служебном жилом помещении, а решением этой же комиссии от 4 сентября 2010 г. он переведен из категории нуждающихся в служебном жилом помещении в категорию «бесквартирные».

На основании рапорта от 4 августа 2008 г. и в связи с невозможностью обеспечения жилым помещением по месту военной службы Т. с 1 августа 2011 г. выплачивалась денежная компенсация за наем жилого помещения.

В связи с сокращением занимаемой должности истец 8 августа 2011 г. обратился по команде с рапортом об увольнении в связи с организационно-штатными мероприятиями и просил зачислить его в распоряжение начальника военного училища до обеспечения жилым помещением в избранном месте жительства в г. Санкт-Петербурге. Впоследствии он изменил избранное им место жительство после увольнения с военной службы на г. Москву.

Приказом начальника военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» от 27 сентября 2011 г. Т. зачислен в распоряжение начальника филиала названного центра в связи с проведением организационно-штатных мероприятий.

Решением начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» от 27 сентября 2015 г. Т. предоставлена в собственность по установленным нормам квартира в г. Москве, которую он принял по акту приема-передачи жилого помещения 30 ноября 2015 г.

В связи с получением жилого помещения по избранному месту жительства этим же решением начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» истец был снят с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых для постоянного проживания, после чего с 1 декабря 2015 г. ему прекращена выплата денежной компенсации за наем жилого помещения.

21 января 2016 г. Т. обратился в ФГКУ «Центррегионжилье» с заявлением, в котором просил признать его нуждающимся в служебном жилом помещении, в чем ему было отказано решением начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» от 4 февраля ввиду обеспеченности жилым помещением для постоянного проживания по избранному месту жительства, нахождения в распоряжении и истечения срока контракта.

Приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил Российской Федерации от 2 марта 2016 г. Т. досрочно уволен с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями и приказом начальника военного училища от 18 марта 2016 г. исключен из списков училища.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции исходил из того, что государство выполнило свою обязанность по жилищному обеспечению истца в избранной им форме, а повторное обеспечение его жильем для постоянного проживания с предварительным обеспечением служебным жилым помещением законом не предусмотрено. Поскольку истец не был включен начальником 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» в списки на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда, то отсутствовали основания и для выплаты ему денежной компенсации за наем жилого помещения.

Отменяя решение и принимая новое о частичном удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что отказ уполномоченного жилищного органа поставить Т. на учет нуждающихся в служебном жилом помещении в связи с наличием у него жилья в другом населенном пункте противоречит закону, как и отказ начальника военного училища в выплате истцу денежной компенсации за наем жилого помещения, основанный на неправомерном отказе уполномоченного жилищного органа.

Однако такие выводы суда апелляционной инстанции не соответствуют материалам дела и основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что Т., заключивший контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и проходивший военную службу в

военном училище, дислоцированном в г. Новосибирске, ввиду увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и избрания местом жительства г. Москву был обеспечен в указанном населенном пункте жилым помещением в собственность.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются субсидия для приобретения или строительства жилого помещения либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более – по избранному месту жительства.

В соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жилым помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов; право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз; документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти или федеральному государственному органу, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Содержание названных норм закона указывает на то, что реализация права на жилище военнослужащих, заключивших контракт о прохождении

военной службы до 1 января 1998 г., осуществляется путем предоставления за счет федерального органа власти, в котором предусмотрена военная служба, жилых помещений в период военной службы с оставлением им этого жилья при увольнении с военной службы или с условием его сдачи для последующего обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Таким образом, предоставляя военнослужащим указанной категории, к которой относится Т., гарантии обеспечения жилым помещением для постоянного проживания (в собственность бесплатно или по договору социального найма), Федеральный закон «О статусе военнослужащих» возлагает на федеральный орган власти, в котором предусмотрена военная служба, обязанность по предоставлению им такого жилья только один раз за все время военной службы.

Исключений из данного правила для военнослужащих, обеспечиваемых жильем для постоянного проживания в период прохождения военной службы, закон не предусматривает.

При таких данных законных оснований для нахождения истца на жилищном учете после предоставления ему за счет Министерства обороны Российской Федерации квартиры в собственность не имелось.

Поскольку Т. подлежал увольнению с военной службы и в силу закона был обязан представить документы о сдаче жилых помещений (в случае обеспечения ими по месту военной службы) при получении жилого помещения по избранному месту жительства, каких-либо оснований для признания его нуждающимся в служебном жилом помещении и продолжения выплаты денежной компенсации за наем жилого помещения также не имелось.

К тому же ненахождение административного истца на учете в качестве нуждающегося в служебном жилом помещении само по себе препятствует выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения, поскольку в соответствии с абзацем вторым п. 2 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, денежная компенсация выплачивается со дня заключения договора найма (поднайма) жилого помещения, но не ранее дня включения федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, военнослужащих в списки на предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда.

Таким образом, вывод гарнизонного военного суда о правомерности действий начальника 2 отдела ФГКУ «Центррегионжилье» и начальника военного училища, связанных с отказом в признании Т. нуждающимся в

служебном жилом помещении и в выплате денежной компенсации за наем жилого помещения, основан на законе, а утверждение окружного военного суда об обратном является ошибочным.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 августа 2016 г. по административному исковому заявлению Т. в части удовлетворенных требований и оставила в указанной части в силе решение Новосибирского гарнизонного военного суда от 25 апреля 2016 г. по данному делу.

Определение № 206-КГ17-5

По уголовным делам

56. Сроки давности при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину.

По приговору Московского окружного военного суда от 27 июня 2017 г. О., родившийся 9 ноября 1995 г., осужден в том числе за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205^2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), к лишению свободы на срок 2 года за каждое и в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет в исправительной колонии общего режима.

Проверив материалы уголовного дела по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла приговор в части осуждения О. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205^2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), за размещение 23 октября 2013 г., т.е. в несовершеннолетнем возрасте, видеоматериала, обосновывающего и оправдывающего необходимость осуществления террористической деятельности, подлежащим отмене в связи с неправильным применением уголовного закона.

Согласно ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205^2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), отнесено законом к преступлению средней тяжести.

В соответствии со ст. 78 и 94 УК РФ лицо, не достигшее совершеннолетия, освобождается от уголовной ответственности за преступление средней тяжести, если со дня его совершения до вступления приговора в законную силу истекло три года.

Поскольку срок давности по указанному преступлению, совершенному 23 октября 2013 г., истек до назначения дела к слушанию судом первой инстанции, суд был обязан применить положения ст. 78 и 94 УК РФ, однако не сделал этого.

В соответствии со статьями 389^{15}, 389^{18} УПК РФ нарушение требований Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации признается неправильным применением уголовного закона и является основанием отмены судебного решения в апелляционном порядке.

В связи с изложенным и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в отношении О. в указанной части отменила, производство по делу в этой части прекратила в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание назначила О. в виде лишения свободы на срок 4 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Апелляционное определение № 201-АПУ17-32

57. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

По приговору Приволжского окружного военного суда от 24 марта 2017 г. К., судимый 24 декабря 2013 г. Приволжским районным судом г. Казани по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год, осужден по ч. 2 ст. 205^{5} УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) к лишению свободы на срок 2 года 6 месяцев. В соответствии с ч. 1 ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров суд к наказанию, назначенному по последнему приговору, частично присоединил неотбытое К. наказание, назначенное по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г., и окончательно назначил ему 3 года лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело, в том числе по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в отношении К. изменила в связи с неправильным применением судом норм материального права при назначении наказания по совокупности приговоров.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства суды обязаны строго выполнять требования ст. 307 и 308 УПК РФ о необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера. Во всех случаях резолютивная часть обвинительного приговора должна быть изложена таким образом, чтобы не возникало сомнений и неясностей при его исполнении.

Как следует из материалов дела, К. осужден по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

В описательно-мотивировочной части приговора суд, мотивируя свое решение о назначении наказания по данному приговору, указал на то, что К. совершил новое преступление в период испытательного срока, в связи с чем суд полагал необходимым отменить условное осуждение, назначенное ему по предыдущему приговору суда.

Однако в резолютивной части приговора какого-либо решения об отмене условного осуждения К. по приговору от 24 декабря 2013 г. судом не принято, а сразу применены положения ст. 70 УК РФ, что недопустимо.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих определила: исключить из приговора указание на назначение К. окончательного наказания по совокупности приговоров по правилам ст. 70 УК РФ с частичным присоединением неотбытого наказания по приговору Приволжского районного суда г. Казани от 24 декабря 2013 г. Считать К. осужденным по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) к лишению свободы на срок 2 года 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Апелляционное определение № 203-АПУ17-16

58. При назначении осужденному, содержавшемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

По приговору Московского окружного военного суда от 19 апреля 2017 г. Н. осужден по ч. 1 ст. 205^2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) к штрафу в размере 200 000 руб.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, приговор изменила, в соответствии с ч. 5 ст. 72 УК РФ учла срок содержания Н. под

стражей в течение 6 месяцев до судебного разбирательства и смягчила наказание в виде штрафа до 100 000 руб.

Принимая такое решение, Судебная коллегия исходила из того, что судом при назначении Н. наказания в виде штрафа оставлены без внимания положения ч. 5 ст. 72 УК РФ, согласно которой при назначении осужденному, содержавшемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

Апелляционное определение № 201-АПУ17-25

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

59. Неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

Дисциплинарная коллегия удовлетворила жалобу Иванова на решение квалификационной коллегии судей Самарской области от 24 марта 2017 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области за совершение дисциплинарного проступка.

В решении Коллегия указала следующее.

По мнению председателя областного суда, обратившейся в квалификационную коллегию судей с представлением о привлечении судьи Иванова к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка и о наложении на него дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, дисциплинарный проступок выразился в ненадлежащем и недобросовестном отношении судьи Иванова к исполнению профессиональных обязанностей. Из представления следует, что судья рассматривал дела с нарушением процессуальных сроков, с низким качеством, что повлекло отмену и изменение решений и подрывает авторитет судебной власти и доверие общества к судебной системе, причиняет ущерб престижу профессии судьи.

Председатель областного суда сослалась на гражданское дело по иску К. к мэрии г.о.Тольятти, по которому 31 августа 2016 г. судья Иванов вынес решение об удовлетворении иска и о признании за К. права собственности на реконструируемый объект завершенного строительства – комплекс по хранению нефтепродуктов, расположенный в г.Тольятти, состоящий из ряда объектов недвижимости.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 24 ноября 2016 г. указанное решение было отменено и по делу постановлено новое решение, в соответствии с которым К. отказано в удовлетворении исковых требований, а по делу вынесено частное определение, в котором указано на грубые нарушения закона, допущенные судьей Ивановым.

Дисциплинарная коллегия в решении отметила, что при наложении дисциплинарного взыскания следует учитывать характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, личность судьи, совершившего дисциплинарный проступок, и степень нарушения действиями (бездействием) судьи прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Наложение дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи предусматривается в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» и (или) кодекса судейской этики.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи должно быть не любое отступление от требований закона и этических норм, а лишь такое, которое по своему характеру с очевидностью несовместимо с высоким званием судьи, явно противоречит социальному предназначению судебной власти, носителем которой является судья. Поэтому, в частности, судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за судебную ошибку, если только неправосудность судебного акта не явилась результатом такого поведения судьи, которое по своему характеру несовместимо с занимаемой им должностью. Судья в процессе судопроизводства, оценив доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, осуществляет выбор подлежащих применению в конкретном деле норм, дает собственное их толкование в системе действующего правового регулирования и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения. Применение к судье такого дисциплинарного взыскания, как досрочное прекращение полномочий судьи, должно осуществляться на основе принципа соразмерности, то есть баланса независимости судьи и его неприкосновенности, с одной стороны, и ответственности судебной власти перед обществом – с другой. Иное не соответствовало бы принципам независимости, несменяемости и неприкосновенности судей и означало бы, что судью можно привлечь к ответственности за любую ошибку, а

следовательно, фактически делало бы невозможным самостоятельное, непредвзятое принятие им решений при осуществлении правосудия.

Устанавливая в качестве общего правила запрет на привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и вынесенные судебные акты, федеральный законодатель исходил из того, что при осуществлении судебной деятельности возможны ошибки, не дискредитирующие априори лиц, их допустивших, которые возникают в ходе разрешения конкретного дела при толковании и применении норм материального или процессуального права и подлежат исправлению вышестоящими судебными инстанциями. Такие неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

Исходя из конституционно-правового статуса судьи и природы осуществляемой им деятельности по отправлению правосудия пп. 1 и 2 ст. 3 и п. 1 ст. 12^1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в их системной взаимосвязи не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за судебную ошибку, если судья действовал в рамках судейского усмотрения и не допустил грубого нарушения при применении норм материального или процессуального права.

Изложенные выше положения не в полной мере были учтены квалификационной коллегией судей при принятии оспариваемого Ивановым решения.

Так, в апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда указано, что судом первой инстанции при рассмотрении гражданского дела по иску К. к мэрии города Тольятти о признании за К. права собственности на реконструируемый объект завершенного строительства неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, неправильно применены нормы материального права, не доказаны установленные судом первой инстанции обстоятельства, имеющие значение для дела, что повлекло вынесение незаконного и необоснованного решения.

Тем самым суд апелляционной инстанции признал, что судья Иванов допустил судебную ошибку, которая квалификационной коллегией судей без достаточных оснований была расценена как дисциплинарный проступок, влекущий применение наиболее строгого вида дисциплинарного взыскания.

Дисциплинарная коллегия также отметила, что в связи с тем, что судебная ошибка была своевременно исправлена вышестоящей судебной инстанцией, негативных последствий не наступило.

Неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

В решении квалификационная коллегия судей не мотивировала, почему рассматриваемый по представлению председателя областного суда случай является исключительным. В решении также отсутствует надлежащее обоснование наличия существенного, виновного, несовместимого с высоким званием судьи нарушения закона, допущенного судьей Ивановым при осуществлении им правосудия, не приведено сведений об умышленном характере действий судьи.

С учетом изложенных обстоятельств Дисциплинарная коллегия признала решение квалификационной коллегии судей необоснованным и несправедливым.

Решение по делу № ДК17-30

60. Недобросовестное отношение судьи к исполнению профессиональных обязанностей, грубое нарушение уголовного и уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дела привели к искажению фундаментальных принципов судопроизводства, нарушению прав и законных интересов граждан, умалению авторитета судебной власти.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области от 16 декабря 2016 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи заместителя председателя Центрального районного суда г. Волгограда за совершение дисциплинарного проступка.

В судебном заседании установлено, что Глухов, специализирующийся на рассмотрении уголовных дел и иных материалов, вытекающих из уголовного судопроизводства, достоверно знал, что Корчак осужден за тяжкие преступления. На момент обращения в суд адвоката П. с ходатайством об условно-досрочном освобождении Корчак не отбыл половину назначенного ему срока наказания в виде лишения свободы. Вопреки действующему законодательству судья принял заявление адвоката к своему производству и 18 февраля 2016 г. в нарушение п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ принял решение об условно-досрочном освобождении осужденного из мест лишения свободы.

Принимая к рассмотрению ходатайство адвоката П. об условно-досрочном освобождении Корчака, Глухов достоверно знал о том, что дело неподсудно Центральному районному суду, поскольку ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области местом отбытия наказания Корчака не являлось.

Осужденный Корчак был этапирован в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области в порядке ст. 77^1 УИК РФ на основании постановления судьи Глухова, вынесенного им в рамках находившегося в его производстве уголовного дела в отношении К.

При этом этапирование Корчака в судебное заседание по уголовному делу в отношении К. необходимостью не вызывалось, поскольку он в ходе предварительного следствия в качестве свидетеля по данному уголовному делу никогда не допрашивался, в списке лиц, подлежащих вызову в суд, не указан, в суде по делу К. Корчак не допрашивался, что свидетельствует о том, что его доставка в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Волгоградской области обусловлена желанием Глухова создать видимость законности рассмотрения дела об условно-досрочном освобождении Корчака именно в Центральном районном суде г. Волгограда.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 11 мая 2016 г. постановление в отношении Корчака отменено, в адрес судьи вынесено частное постановление, в котором обращено внимание как на грубое нарушение положений ст. 79 УК РФ, так и на нарушение основополагающих принципов уголовного судопроизводства – принятие и рассмотрение дела, неподсудного Центральному районному суду г. Волгограда.

Таким образом, установлено, что судья, заместитель председателя Центрального районного суда г. Волгограда Глухов совершил умышленные действия, связанные с грубым нарушением действующего законодательства, повлекшие принятие незаконного решения об условно-досрочном освобождении Корчака, осужденного за тяжкие преступления, его этапирование в учреждение, расположенное на территории, на которую распространяется юрисдикция Центрального районного суда г. Волгограда, с целью создания видимости законности рассмотрения дела в отношении Корчака указанным судом, нарушение правил подсудности при рассмотрении данного дела.

Дисциплинарный проступок Глухова выразился в недобросовестном отношении к исполнению профессиональных обязанностей, грубом нарушении уголовного и уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении Корчака, приведшего к искажению фундаментальных принципов судопроизводства, нарушению прав и законных интересов граждан, умалению авторитета судебной власти, поэтому на основании ст. 12^1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» к нему правомерно применено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

Решение по делу № ДК17-8

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Вправе ли приобретатель установленного в деле о банкротстве требования к лицу, осуществляющему функции органа управления номинально (номинальному директору), о возмещении им убытков в порядке субсидиарной ответственности предъявить названное требование к выявленному впоследствии лицу, фактически контролирующему должника (фактическому директору)?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

По смыслу названной нормы и п. 1 ст. 308 ГК РФ, если цедент обладает требованием к нескольким солидарным должникам, уступая требование к одному из них, он также уступает требование к другим известным ему солидарным должникам, если иное не предусмотрено договором, на основании которого производится уступка.

В силу ч. 1 ст. 1080 ГК РФ, п. 8 ст. 61^{11} и абзаца второго п. 1 ст. 61^{12} Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» номинальный и фактический директора несут субсидиарную ответственность, установленную данными нормами, а также указанную в ст. 61^{20} названного закона, солидарно.

Следовательно, уступка требования о возмещении убытков в порядке субсидиарной ответственности по долгам должника при банкротстве к номинальному директору означает одновременную уступку требования о возмещении убытков в порядке субсидиарной ответственности по долгам должника при банкротстве к фактическому директору, если договором, на основании которого производится уступка, не предусмотрено иное.

Вместе с тем положения п. 1 ст. 384 ГК РФ не могут быть применены в ситуации, когда на момент заключения договора, на основании которого производится уступка требования к номинальному директору, цедент не знал о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности другого лица, отвечающего солидарно с номинальным директором, либо о его личности. В этом случае в силу ст. 431 ГК РФ, если иное прямо не указано в договоре, на основании которого производится уступка, следует исходить из того, что цедент и цессионарий предполагали передачу требования только к номинальному, но не к фактическому директору.

Таким образом, приобретатель требования о возмещении убытков в порядке субсидиарной ответственности по долгам должника

при банкротстве к номинальному директору не вправе предъявить названное требование к фактическому директору, если основания для привлечения последнего стали известны цеденту после заключения договора, на основании которого производилась уступка. Требование к фактическому директору в этом случае принадлежит цеденту.

При этом, если цедент реализует свое требование о возмещении убытков в полном объеме к фактическому директору, в силу положений ст. 325 ГК РФ требование цессионария к номинальному директору также прекратится надлежащим исполнением. В такой ситуации в соответствии с положениями ст. 390 и 460 ГК РФ цессионарий вправе взыскать с цедента убытки в размере того, что цессионарий мог бы получить в рамках исполнительного производства от номинального директора.

ВОПРОС 2. Вправе ли лицо, заключившее договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны при проведении приватизации, или его правопреемник отказаться в одностороннем порядке от исполнения данного договора на основании ст. 699 ГК РФ?

ОТВЕТ. Согласно п. 2 Положения о порядке использования объектов и имущества гражданской обороны приватизированными предприятиями, учреждениями и организациями, утвержденного постановлением Правительства РФ от 23 апреля 1994 г. № 359 (далее – Положение), объекты и имущество гражданской обороны, приватизация которых запрещена в соответствии с п. 2.1.37 Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации, исключаются из состава имущества приватизируемого предприятия и передаются в установленном порядке его правопреемнику на ответственное хранение и в пользование.

По правилам ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Закон о приватизации) при отчуждении государственного или муниципального имущества в порядке приватизации соответствующее имущество может быть обременено ограничениями, предусмотренными данным законом или иными федеральными законами, и публичным сервитутом.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 31 Закона о приватизации ограничениями могут являться обязанность содержать имущество, не включенное в состав приватизированного имущественного комплекса унитарного предприятия и связанное по своим техническим характеристикам, месту нахождения (для объектов недвижимости), назначению с приватизированным имуществом, обязанность содержать объекты гражданской обороны,

объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, имущество мобилизационного назначения.

С правопреемниками приватизируемых предприятий заключался договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны (приложение № 2 к Положению).

Согласно ч. 4 ст. 31 Закона о приватизации решение об установлении обременения, в том числе публичного сервитута, принимается одновременно с принятием решения об условиях приватизации государственного или муниципального имущества. Обременение, в том числе публичный сервитут, в случаях, если об их установлении принято соответствующее решение, является существенным условием сделки приватизации. Сведения об установлении обременения, в том числе публичного сервитута, должны быть указаны в информационном сообщении о приватизации государственного или муниципального имущества.

Согласно ч. 7 ст. 31 Закона о приватизации обременение, в том числе публичный сервитут, может быть прекращено или их условия могут быть изменены в случае:

отсутствия или изменения государственного либо общественного интереса в обременении, в том числе в публичном сервитуте;

невозможности или существенного затруднения использования имущества по его прямому назначению.

В соответствии с п. 1 ст. 699 ГК РФ каждая из сторон вправе во всякое время отказаться от договора безвозмездного пользования, заключенного без указания срока, известив об этом другую сторону за один месяц, если договором не предусмотрен иной срок извещения.

При этом положения гл. 36 ГК РФ о договоре безвозмездного пользования (ссуды) направлены на урегулирование правоотношений, в которых по общему правилу соглашение заключается в интересах ссудополучателя, которому предоставляется возможность пользоваться чужим имуществом. Напротив, договор в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а также на выполнение мероприятий гражданской обороны заключается в публичных интересах, на реализацию которых направлено большое число обязательств стороны договора, в том числе охранять защитные сооружения, принимать меры по поддержанию их в постоянной готовности к использованию по предназначению и дальнейшему совершенствованию в соответствии с требованиями нормативных документов по эксплуатации защитных сооружений, накапливать, сохранять и по мере необходимости освежать средства индивидуальной защиты и другое имущество гражданской обороны в установленных объемах и номенклатуре и др.

В связи с изложенным лицо, заключившее договор о правах и обязанностях в отношении объектов и имущества гражданской обороны, а

также на выполнение мероприятий гражданской обороны при проведении приватизации, или его правопреемник не вправе отказаться в одностороннем порядке от исполнения указанного договора на основании ст. 699 ГК РФ. Данный договор может прекратить свое действие только в порядке, установленном ч. 7 ст. 31 Закона о приватизации для прекращения обременения.

ВОПРОС 3. В отношении каких периодов просрочки подлежит начислению неустойка, установленная ч. 9^3 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» за несвоевременную и (или) неполную оплату управляющей организацией, организацией, осуществляющей горячее водоснабжение, холодное водоснабжение и (или) водоотведение, тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя по договорам, которые заключены до дня вступления в силу указанной нормы?

ОТВЕТ. Федеральным законом от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» (далее – Закон № 307-ФЗ) ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении) дополнена чч. 9^1–9^4.

В соответствии с ч. 9^3 ст. 15 Закона о теплоснабжении в редакции Закона № 307-ФЗ управляющие организации, приобретающие тепловую энергию (мощность) и (или) теплоноситель для целей предоставления коммунальных услуг, организации, осуществляющие горячее водоснабжение, холодное водоснабжение и (или) водоотведение, в случае несвоевременной и (или) неполной оплаты тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя уплачивают единой теплоснабжающей организации (теплоснабжающей организации) пени в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки начиная со дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты, произведенной в течение шестидесяти календарных дней со дня наступления установленного срока оплаты, либо до истечения шестидесяти календарных дней после дня наступления установленного срока оплаты, если в шестидесятидневный срок оплата не произведена. Начиная с шестьдесят первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты, произведенной в течение девяноста календарных дней со дня наступления установленного срока оплаты, либо до истечения девяноста календарных дней после дня наступления установленного срока оплаты, если в

девяностодневный срок оплата не произведена, пени уплачиваются в размере одной стосемидесятой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки. Начиная с девяносто первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты пени уплачиваются в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки.

Указанная норма вступила в силу 1 января 2016 г. (ч. 2 ст. 9 Закона № 307-ФЗ). При этом согласно ч. 1 ст. 8 Закона № 307-ФЗ действие положений ч. 9^3 ст. 15 Закона о теплоснабжении распространяется на отношения, возникшие из договоров, заключенных до дня ее вступления в силу, на основании которых вносится плата за поставку коммунального ресурса – тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя, коммунальных услуг.

Исходя из положений ч. 9^3 ст. 15 Закона о теплоснабжении, ч. 2 ст. 9 Закона № 307-ФЗ в их взаимосвязи, а также принимая во внимание акцессорный характер неустойки, ее связь с основным обязательством, представляющим собой поставку коммунального ресурса (оказание коммунальных услуг) за определенный расчетный период (месяц), предусмотренная ч. 9^3 ст. 15 Закона о теплоснабжении неустойка независимо от даты заключения договора подлежит начислению за просрочку оплаты коммунального ресурса – тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя, коммунальных услуг, предоставленных после 1 января 2016 г.

К случаям просрочки оплаты тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя, коммунальных услуг, предоставленных до 1 января 2016 г., подлежит применению порядок расчета и взыскания пени, действовавший до вступления в силу ч. 9^3 ст. 15 Закона о теплоснабжении (в размере одной трехсотой соответствующей ставки Центрального банка Российской Федерации), в том числе когда такая просрочка наступила и (или) продолжает течь после 1 января 2016 г.

ВОПРОС 4. Подлежит ли применению правило ст. 413 ГК РФ о прекращении обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице в случае приобретения арендатором земельного участка сельскохозяйственного назначения права собственности на долю в праве общей собственности на этот участок?

ОТВЕТ. При передаче в аренду земельного участка сельскохозяйственного назначения, принадлежащего на праве общей долевой собственности нескольким лицам, соответствующий договор

заключается на основании решения общего собрания участников долевой собственности со множественностью лиц на стороне арендодателя (ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», п. 1 ст. 308 ГК РФ).

В соответствии со ст. 413 ГК РФ обязательство прекращается совпадением должника и кредитора в одном лице, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства.

В случае приобретения арендатором доли в праве собственности на предоставленный ему земельный участок сельскохозяйственного назначения не происходит полного совпадения объема прав и обязанностей должника и кредитора в одном лице, совпадение происходит лишь на определенную долю в праве.

Кроме того, обязательства арендатора по отношению к соарендодателям, не являющимся продавцами долей, не могут прекратиться на основании договора купли-продажи, в котором эти соарендодатели не участвуют в качестве сторон (п. 3 ст. 308 ГК РФ).

В связи с изложенным правило ст. 413 ГК РФ о прекращении обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице в данном случае применению не подлежит. До согласования иного порядка пользования общим имуществом обязательства, возникшие на основании договора аренды, подлежат исполнению с учетом того обстоятельства, что арендатору принадлежит доля в праве на земельный участок (в частности, возможно соразмерное уменьшение арендной платы).

ВОПРОС 5. Как определяется подсудность рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 и 7.27 КоАП РФ в случае, если административное расследование не осуществлялось, а производились действия в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в рамках досудебного производства по уголовному делу?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ в случаях совершения административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 «Побои» и ст. 7.27 «Мелкое хищение» данного кодекса, проводится административное расследование.

По смыслу ст. 28.7 КоАП РФ административным расследованием являются процессуальные мероприятия, совершенные с соблюдением формы и в порядке, предусмотренном законодательством об административных правонарушениях. С учетом этого не являются административным расследованием действия, совершенные в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в рамках досудебного производства по уголовному делу, в результате

которых должностным лицом определяется наличие или отсутствие признаков состава преступления.

Указанный подход соответствует подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Между тем, любые фактические данные, полученные в иных предусмотренных законом формах, на основании которых судья устанавливает наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ признаются доказательствами по делу об административном правонарушении.

Таким образом, обстоятельства дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 или 7.27 КоАП РФ, могут быть установлены как на основании результатов административного расследования, так и мероприятий, проведенных в иных предусмотренных законом формах.

Согласно ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об указанных административных правонарушениях, производство по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов.

В случае, если административное расследование не осуществлялось, а производились действия в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в рамках досудебного производства по уголовному делу, дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 и 7.27 КоАП РФ, рассматриваются мировыми судьями.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующих исполнение государствами международно-правовых

обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

Вопросы выдворения

Комитет против пыток[1]

Сообщение: *Н.К. против Нидерландов*. Сообщение № 623/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 1 мая 2017 г.

Тема сообщения: предотвращение принудительного возвращения; предупреждение пыток.

Вопрос существа: выдворение в Шри-Ланку.

Правовые позиции Комитета: наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране не является само по себе достаточным основанием для определения того, что соответствующему лицу будет угрожать применение пыток при возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что *лично* данному конкретному лицу будет угрожать подобная опасность (пункт 10.3 Решения).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, в соответствии с которым при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (пункт 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен *аргументированно* изложить, что ему лично угрожает

---

[1] Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее – Конвенция).

Российская Федерации является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

предсказуемая и реальная опасность[2]. Комитет также напоминает, что, хотя в соответствии с положениями [З]амечания общего порядка № 1 Комитет правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу, он должен в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника (пункт 9)[3] (пункт 10.4 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Шри-Ланку заявителю будет лично угрожать опасность применения пыток. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу постоянных и последовательных утверждений о широком применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения государственными субъектами, как вооруженными силами, так и полицией, во многих частях страны после завершения конфликта в мае 2009 года[4]. Однако Комитет отмечает, что цель такой оценки заключается в том, чтобы установить, угрожает ли предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению, *лично данному лицу* (пункт 10.3 Решения).

[З]аявитель утверждает, что в случае его возвращения в Шри-Ланку он будет задержан и подвергнут пыткам. Комитет принимает к сведению заявления государства-участника о том, что заявитель не представил достоверные доказательства и не смог доказать, что в случае возвращения в Шри-Ланку ему лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам со стороны властей; и что его утверждения были тщательно рассмотрены компетентными национальными органами и судами в соответствии с внутренним законодательством и с учетом нынешнего положения в области прав человека в Шри-Ланке (пункт 10.5 Решения).

Комитет ссылается на рассмотрение им пятого периодического доклада Шри-Ланки[5], в ходе которого была выражена серьезная обеспокоенность сообщениями о том, что во многих частях страны после завершения конфликта с «Тиграми освобождения Тамил-Илама»[6] (далее –

---

[2] См. также сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., пункт 7.3.

[3] См., например, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение от 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

[4] См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

[5] См. CAT/C/SR.1472 и 1475.

[6] Тамильское повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства Тамил-Илам на территории Шри-Ланки.

ТОТИ) в мае 2009 года продолжали иметь место похищения, пытки и акты жестокого обращения, совершаемые государственными силами безопасности Шри-Ланки, включая полицию[7]. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу репрессий в отношении жертв и свидетелей актов пыток и актов похищения и пыток в тайных местах содержания под стражей и запросил информацию о том, проводилось ли оперативное, беспристрастное и эффективное расследование любых таких актов[8] (пункт 10.6 Решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что он был зарегистрирован в рядах ТОТИ, прошел военную подготовку и принял участие в стычке со шри-ланкийской армией, после чего бежал и вскоре покинул страну; что он участвовал в спортивных мероприятиях, организованных ТОТИ в Нидерландах, и фотографии с этих мероприятий были размещены в сети «Фейсбук»; и что его двоюродный брат был убит в 2006 году из-за его предполагаемых связей с ТОТИ. Комитет также принимает к сведению утверждения о том, что заявитель является молодым тамилом с севера Шри-Ланки, получившим отказ [в предоставлении] убежища, имеющим хорошо заметные шрамы, который будет в принудительном порядке выслан в Шри-Ланку по чрезвычайному паспорту… Комитет отмечает, что в сообщении нет сведений, свидетельствующих о том, что заявитель или члены его семьи играли какую-либо важную роль в ТОТИ или когда-либо имели проблемы с шри-ланкийскими властями. Кроме того, заявитель бежал из рядов ТОТИ и не принимал участия в каких-либо политических протестах, организованных ТОТИ за рубежом. Он утверждает, что получил повестку от армейского командира в 2012 году и что власти пытались узнать информацию о нем; вместе с тем Комитет отмечает, что с 2012 года заявитель не сообщал о каких-либо последующих мерах армии в связи с его неявкой в лагерь или каких-либо последующих запросах о нем (пункт 10.7 Решения).

Что касается смерти двоюродного брата заявителя, то Комитет отмечает, что заявитель не представил никакой информации относительно конкретной роли его двоюродного брата в ТОТИ и никаких сведений о том, как он был убит, и, что наиболее важно, были ли у кого-либо из членов семьи его двоюродного брата или у самого заявителя до того, как он покинул страну, какие-либо проблемы в связи с деятельностью его брата в рядах ТОТИ. Что касается его участия в организованных ТОТИ спортивных мероприятиях в Нидерландах, то Комитет отмечает, что, даже если власти Шри-Ланки смогут установить его личность по немаркированным фотографиям в «Фейсбуке», эти мероприятия не носили политического характера и сами по себе не делают заявителя видным сторонником ТОТИ. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что, даже если заявителя будут проверять в аэропорту из-за

---

[7] См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

[8] См. CAT/C/SR.1472, пункты 36 и 42, и CAT/C/SR.1475, пункты 10 и 27.

его чрезвычайного паспорта или шрамов, не существует никаких доказательств того, что он имеет статус сторонника ТОТИ, в результате которого он может подвергнуться личной угрозе применения пыток со стороны властей (пункт 10.8 Решения).

С учетом вышеизложенного и в свете представленных ему материалов Комитет приходит к заключению, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его высылки в страну происхождения он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 11 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека[9] по жалобе ***№ 52722/15 «С.К. против России»*** (вынесено 14 февраля 2017 г., вступило в силу 14 мая 2017 г.), которым установлено, что административное выдворение заявителя в Сирийскую Арабскую Республику будет являться нарушением статей 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.[10].

Европейский Суд отметил, что «жалоба заявителя в Суд была подана в контексте продолжающихся военных действий в Сирии и, в частности, в его родном городе Алеппо, а также в связи с возможностью того, что он будет призван на действительную военную службу, что увеличит риск для его жизни и здоровья» (пункт 57 постановления).

Суд уточнил, что «если заявитель еще не был выдворен, моментом для оценки следует считать момент рассмотрения дела в Суде… Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств по статье 3 Конвенции в таких случаях заключается в том, что лицо подвергается реальному риску смерти или жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться в первую очередь со ссылкой на эти факты, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент выдворения. Оценка должна быть сосредоточена на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну назначения в свете общей ситуации в такой стране и на его личных обстоятельствах» (пункт 58 постановления).

Европейский Суд установил, что «стороны не представили каких-либо конкретных доводов и не представили каких-либо материалов

---

[9] Далее также – Европейский Суд, Суд.

[10] Далее также – Конвенция.

относительно развития ситуации в Сирии за период с конца 2015 года (в особенности с февраля 2015 года, когда было вынесено оспариваемое постановление об административном выдворении) до момента рассмотрения дела Судом… [В] первую очередь именно Власти государства-ответчика должны представить доказательства того, что общая ситуация в Сирии такова, что не требует защиты согласно статье 3 Конвенции» (пункт 59 постановления).

Суд отметил, что «ситуация с безопасностью и гуманитарная ситуация, а также тип и масштабы военных действий в Сирии резко ухудшились в период между прибытием заявителя в Россию в октябре 2011 года и распоряжением о его выдворении, вынесенным в феврале 2015 года, а также в период между указанным временем и отказом в удовлетворении его заявления о предоставлении временного убежища.... [Н]есмотря на соглашение о прекращении военных действий, подписанное в феврале 2016 года, различные стороны военных действий применяли методы и тактику ведения войны, которые увеличили риск жертв среди гражданского населения или были непосредственно направлены против гражданских лиц» (пункты 60-61 постановления).

Суд подчеркнул, что « [в] настоящем деле… не были предоставлены какие-либо материалы, которые подтвердили бы, что ситуация в Дамаске достаточно безопасна для заявителя, который утверждает, что он будет призван на действительную военную службу, или что заявитель может выехать из Дамаска в безопасный район Сирии» (пункт 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «…выдворение заявителя из России в Сирию на основании постановления от 26 февраля 2015 г., оставленного без изменения в результате апелляционного рассмотрения, будет составлять нарушение статей 2 и 3 Конвенции» (пункт 63 постановления).

Заявитель также утверждал, что у него отсутствовали эффективные средства правовой защиты в нарушение статьи 13 Конвенции.

Суд установил, что «источником оспариваемого вмешательства является судебное решение, назначившее наказание в виде административного выдворения… [О]бычное обжалование наказания в виде выдворения, назначенного судом первой инстанции, имело автоматическое приостанавливающее действие в соответствии со статьей 31.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)… в том смысле, что в силу закона (и без оставления вопроса на усмотрение внесудебного или судебного органа) выдворение не подлежит осуществлению до истечения установленного законом срока для обжалования или до тех пор, пока не будет вынесено апелляционное решение по делу об административном правонарушении в соответствии с КоАП. Нет оснований полагать, что указанное положение является недостаточно очевидным и точным или что оно было неправильно истолковано или применено в большинстве случаев… Таким

образом, заявитель был защищен от выдворения в силу статьи 31.2 КоАП до 4 марта 2015 г., когда Верховный [С]уд Республики Дагестан оставил в силе наказание в виде административного выдворения» (пункт 80 постановления).

Суд отметил, что «КоАП предусматривает пересмотр окончательных решений в областном суде, а затем в Верховном [С]уде РФ в соответствии со статьей 30.12 КоАП… Однако представляется, что только прокурор может ходатайствовать о приостановлении действия статьи 31.6 КоАП…и что такое приостановление не является «автоматическим». Следовательно, процедура пересмотра в областном суде и Верховном [С]уде РФ не является «эффективным средством правовой защиты» для целей статьи 13 Конвенции в контексте жалобы, возникающей по статьям 2 и 3 Конвенции» (пункт 81 постановления).

Европейский Суд установил, что «Власти государства-ответчика не ссылались на положение КоАП или какое-либо другое нормативное положение, которое потребовало бы изучения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции, в случаях, связанных с назначением наказания в виде административного выдворения…[Т]еоретически некоторые разбирательства по КоАП не исключают возможность рассмотрения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции» (пункт 82 постановления).

Суд подчеркнул, что «[н]езависимое и тщательное изучение» также подразумевает, что средство правовой защиты способно обеспечить защиту от выдворения в случаях, когда такое тщательное изучение раскрывает существенные основания полагать, что существует реальная опасность жестокого обращения, с которой ответчик столкнется в случае назначения и исполнения наказания в виде принудительного выдворения. Состояние национального законодательства и судебной практики не является очевидным в вопросах, касающихся обеспечения надлежащей защиты путем отказа или отмены постановления об административном выдворении в делах о миграции, если, как в настоящем деле, иностранному гражданину назначено обязательное наказание в виде выдворения и он подвергается риску смерти или жестокого обращения в стране его гражданства» (пункт 83 постановления).

Суд установил, что «в 2013 году в КоАП были внесены изменения, согласно которым административное выдворение стало обязательным наказанием за некоторые правонарушения, в том числе по части 1.1 статьи 18.8. Власти утверждали, что заявитель был привлечен к ответственности за правонарушение, совершенное в 2012 году. Действительно, суд первой инстанции постановил, что наказание в виде административного выдворения является необязательным. Однако апелляционный суд скорректировал это мнение, посчитав, что наказанием за правонарушение, в отношении которого заявитель был признан виновным, является штраф и административное выдворение… Как было ясно указано апелляционным

судом в деле заявителя по КоАП… заявитель был признан виновным по пункту 1.1 статьи 18.8 КоАП, который был внесен в КоАП в 2013 году, и предусматривал два обязательных наказания: штраф *с* административным выдворением. Таким образом, Суд не убежден, что суды имели возможность учитывать аргументы, касающиеся статей 2 и 3 Конвенции, при назначении наказания и, следовательно, обеспечить защиту. Другими словами, исходя из представленных материалов у Суда нет оснований полагать, что национальные суды могли отказаться от наказания в виде административного выдворения по причине убедительности аргументов, относящихся к статьям 2 и 3 Конвенции. Поэтому в то время, когда заявитель был признан виновным в совершении правонарушения, у суда не было иного выбора, кроме как назначить это наказание, независимо от действительности аргументов, связанных со статьями 2 или 3 Конвенции» (пункт 85 постановления).

Что касается приостанавливающего действия до вынесения решения по заявлению о временном убежище, Суд не был убежден доводами Властей о том, что «разделы 10, 12 и 13 закона «О беженцах», независимо от их толкования по отдельности или совместно, предусматривают, что ожидающее рассмотрения заявление о временном предоставлении убежища имеет «автоматическое приостанавливающее действие» в отношении оспариваемой меры, в частности, вступившего в силу решения об административном выдворении в настоящем деле. Статья 10 Закона касается исключительно процедуры получения статуса беженца и не относится к процедуре предоставления временного убежища… Статья 12 Закона прямо затрагивает последнее, но применяется только в тех случаях, когда лицу уже предоставлено временное убежище. В отличие от пункта 1 статьи 10, статья 12 не гласит и даже не подразумевает, что выдворение недопустимо, пока заявление находится на рассмотрении миграционного органа. Наконец…статья 13 описывает обстоятельства, при которых выдворение осуществляется после неблагоприятного исхода по заявлению о статусе беженца» (пункт 89 постановления).

Суд также отметил, что « [в] КоАП, который был правовой основой для назначения оспариваемого наказания в виде административного выдворения, не содержалось положения о приостановлении его исполнения в связи с находящимся на рассмотрении заявлением о предоставлении временного убежища. Власти не представили документ, подтверждающий довод о том, что исполнительное производство в отношении наказания в виде административного выдворения было приостановлено в связи с заявлением о предоставлении временного убежища, поданным в мае 2015 года. Например, нет никаких указаний на то, что была выполнена какая-либо соответствующая оценка и какое-либо соответствующее решение было принято службой судебных приставов или другим компетентным органом» (пункт 90 постановления).

Суд также установил, что «судебный пересмотр в этой ситуации с сентября 2015 года регулируется Кодексом административного судопроизводства (КАС) [Европейский Суд не посчитал], что КАС… обеспечивает «автоматическое приостанавливающее действие», особенно, в случаях, когда, как в настоящем деле, судебное решение о наказании в виде административного выдворения уже вступило в силу» (пункт 91 постановления).

Суд заключил, что «хотя успешное рассмотрение заявления о предоставлении временного убежища окажет приостанавливающее действие в отношении исполнения наказания в виде административное выдворения, в настоящем деле заявителю было отказано в предоставлении временного убежища и, таким образом, он не добился приостанавливающего действия в отношении вступившего в силу наказания в виде административного выдворения» (пункт 94 постановления).

Суд также отметил, что «заявление о временном убежище было отклонено со ссылкой на ряд факторов (неисполнение обязательства покинуть Россию в 2012 году; неисполнение обязательства по своевременному обращению с заявлением о предоставлении убежища; продолжение незаконного пребывания и незаконной трудовой деятельности в России; а также судебное преследование по делу об административном правонарушении), которые не имели отношения к вопросам статьи 3. Поэтому внутренняя оценка была основана на соображениях, которые не относятся к «тщательному изучению», требуемому в соответствии со статьей 3 Конвенции в таких случаях» (пункт 98 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «имело место нарушение статьи 13 Конвенции в сочетании со статьями 2 и 3 Конвенции» (пункт 99 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на то, что его непрерывное длительное содержание в специальном учреждении было произвольным и не являлось необходимым ввиду того факта, что его выдворение в Сирию было и остается неосуществимым. Он также жаловался на отсутствие процедуры пересмотра его непрерывного содержания в специальном учреждении.

Суд отметил, что «у заявителя была возможность обжаловать содержание в специальном учреждении в качестве части постановления от 26 февраля 2015 года, когда он обжаловал данное постановление по существу. Однако это было бы связано с его содержанием в специальном учреждении до 4 марта 2015 г., когда апелляционная жалоба была рассмотрена… [С]удебный пересмотр такого рода, требуемый согласно пункту 4 статьи 5, не может считаться включенным в первоначальное решение о помещении в специальное учреждение от 26 февраля 2015 г. Суть жалобы заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции

заключалась не в оспаривании первого решения о его помещении в специальное учреждение, а в отсутствии у него возможности добиться судебного пересмотра вопроса о содержании его в специальном учреждении по истечении определенного времени» (пункт 104 постановления).

Европейский Суд также установил, что « [в] силу пункта 4 статьи 5 заявитель имел право обратиться с ходатайством в компетентный «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать лишение его свободы «правомерным» в свете новых факторов, возникших уже после вынесения первого решения о помещении его в специальное учреждение» (пункт 105 постановления).

Суд подчеркнул, что «[н]и КоАП, ни какое-либо другое применимое законодательство не предусматривали процедуру, позволяющую заявителю «принять участие» в пересмотре его содержания в специальном учреждении, и добиться освобождения… КоАП не предусматривал процедуру, согласно которой содержание в специальном учреждении будет автоматически пересматриваться через определенный срок» (пункт 106 постановления).

Суд отметил, что «процедура в соответствии со статьей 30.12 КоАП для дальнейшего пересмотра судебных и апелляционных решений в деле об административном правонарушении была доступна заявителю в любое время, и в отношении нее не действовали ограничения по времени. Однако это лишь косвенно касалось вопроса о содержании в специальном учреждении, в той степени, в какой пересмотр обвинения в административном правонарушении может привести к отмене наказания в виде выдворения, тем самым устраняя основания для содержания заявителя в специальном учреждении в целях его принудительного выдворения. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что суд, осуществляющий пересмотр, будет компетентен рассматривать «новые обстоятельства», упомянутые Властями, поскольку это выходит за рамки окончательных решений, принятых судами первой инстанции и апелляционными судами» (пункт 108 постановления).

Суд заключил, что «заявитель в данном деле не имел в своем распоряжении процедуры судебного пересмотра законности его содержания под стражей. Соответственно… имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 109 постановления).

Европейский Суд также заключил, что «для государственных органов должно было быть достаточно очевидным уже в феврале и марте 2015 года, что выдворение заявителя было практически неосуществимо и оставалось бы маловероятным ввиду обострения конфликта в Сирии… В этих обстоятельствах национальные органы власти должны были рассмотреть альтернативные меры, которые могут быть приняты в отношении заявителя… Однако, как только было вынесено предписание о размещении заявителя в специальном учреждении временного содержания

для иностранных граждан 26 февраля 2015 г., вопрос о содержании под стражей не был и, как установлено выше в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, не мог быть пересмотрен, в частности, относительно того, было ли целесообразным обеспечить его выдворение в Сирию… Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункты 115 и 117 постановления).

Решение Европейского Суда по жалобе ***№ 32779/15 «М.С.С. против России»*** (решение вынесено и вступило в силу 23 марта 2017 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба *Шаюсупова М.С.*, на предполагаемую угрозу его административного выдворения с территории России в Узбекистан в нарушение статьи 3 Конвенции.

Заявитель жаловался, что в случае его выдворения в Узбекистан он подвергнется опасности жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Он также жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в этом отношении.

Заявитель просил применить правило 39 Регламента Европейского Суда, чтобы предотвратить его высылку в Узбекистан. Он утверждал, что он может быть депортирован в Узбекистан в любой момент, поскольку отказы в предоставлении статуса беженца и временного убежища вступили в силу, а апелляционная жалоба на решение о депортации не была приостановлена (пункт 22 решения).

Власти Российской Федерации отметили, что заявитель не подвергался риску немедленной принудительной высылки в Узбекистан, поскольку его экстрадиция в Узбекистан была отменена по истечении срока исковой давности для уголовного преследования, а депортационное или административное разбирательство в отношении заявителя в России не было инициировано (пункт 32 решения).

Власти также утверждали, что неспособность заявителя легализовать свое пребывание в России обычными способами (путем получения визы, разрешения на временное проживание или вида на жительство) представляет собой неисчерпание внутренних средств правовой защиты, а отсутствие финансовых средств не могло рассматриваться, как обоснованное оправдание отказа от этих средств правовой защиты (пункт 33 решения).

Европейский Суд отметил, что «стороны не оспаривают то, что заявитель был обвинен в совершении религиозных и политически мотивированных преступлений в Узбекистане, и поэтому принадлежит к уязвимой группе, которая подвергается реальной опасности обращения в нарушение статьи 3 Конвенции в случае высылки в Узбекистан» (пункт 37 постановления).

Суд также отметил, что «при текущем положении дел, экстрадиция заявителя исключается из-за запрета на его уголовное преследование в

соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, никаких других судебных разбирательств касательно высылки в отношении заявителя не проводится, а неисполненные распоряжения о высылке отсутствуют» (пункт 38 решения).

Европейский Суд установил, что «письмо ФМС[11]…, на которое ссылается заявитель, не может быть принято в качестве доказательства намерения органов власти использовать эти процедуры, поскольку это само по себе не подлежит исполнению… [Р]оссийские органы власти не предприняли никаких мер по высылке заявителя в период с 22 июня 2015 года (дата принятия окончательного решения о предоставлении временного убежища) по 6 июля 2015 года (дата принятия обеспечительной меры Судом), хотя ничто не мешало им это сделать» (пункт 39 решения).

Суд подчеркнул, что «судебное разбирательство по вопросу депортации может быть открыто лишь в случае неспособности заявителя легализовать свое пребывание в России… С 2012 по 2014 год заявитель законно проживал в России на основании его регистрации в качестве мигранта и возобновляемого разрешения на работу… ФМС… предложила заявителю продлить миграционную регистрацию в качестве первого шага к легализации его пребывания в России… Учитывая, что миграционная регистрация является необходимым условием получения разрешения на работу и вида на жительство, Суд считает, что действия, предпринятые национальными органами власти, пока не свидетельствуют о намерении выслать заявителя из России» (пункт 40 решения).

Суд установил, что «заявитель не подвержен опасности незамедлительной принудительной высылки в Узбекистан. Таким образом, жалоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции является явно необоснованной» (пункт 41 решения).

Обращаясь к жалобе заявителя согласно статье 13 Европейский Суд напомнил, что «в соответствии с постоянной прецедентной практикой статья 13 применяется только в том случае, если у лица есть «небезосновательная жалоба» на то, что он стал жертвой нарушения конвенционного права… Из этого следует, что, поскольку у заявителя нет небезосновательной жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции, его жалоба по статье 13 также неприемлема» (пункт 42 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что «жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 (а) и 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 43 решения).

---

[11] «15 октября 2014 года ФМС Ивановской области сообщила заявителю, что «лицо, исчерпавшее все инстанции для подачи апелляционной жалобы ... и которое отказывается от добровольного выезда из России в течение трех дней с момента получения [окончательного] постановления, будет выслано или депортировано в административном порядке»» (пункт 12 решения).

В Верховный Суд Российской Федерации по вопросам выдворения также поступило решение об исключении жалобы заявителя из списка подлежащих рассмотрению дел ***№ 34387/16 «М.М. против России»*** (решение вынесено 19 января 2017 г.).

Условия содержания в местах лишения свободы

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми было установлено нарушение положений статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Постановление Европейского Суда по жалобе ***№ 9536/10 «Федорин против России»*** (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г. (приведено ниже)), ***№ 41858/08 «Идалов против России (№2)»*** (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г. (приведено ниже)), ***№№ 54675/12, 76168/12, 56974/13, 10613/14, 18259/14, 36650/14, 12127/15 и 22190/15 «Музыченко и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), ***№№ 73864/10, 402/14, 5312/14, 6122/14, 8839/14, 10032/14, 14402/14, 18003/14, 19701/14, 23028/14 и 14573/15 «Мальков и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.).

См. также нижеприведенное Соображение Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу *Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла*.

В сфере семейно-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам ребенка[12]

[12] Комитет по правам человека действует на основании Конвенции по правам ребенка от 20 ноября 1989 г. (далее – Конвенция). Российская Федерация является государством-участником указанной Конвенции в качестве государства-продолжателя Союза ССР.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией № 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН.

Сообщение: *Х.А.Б.С. против Коста-Рики*. Сообщение № 5/2016. Решение принято Комитетом по правам ребенка (далее – Комитет) 17 января 2017 г. [13]

По состоянию на 20 декабря 2017 г. Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений.

[13] «2.1 Сыновья автора, А. Б. Х. и М. Б. Х., родились в Калифорнии (Соединенные Штаты) в результате экстракорпорального оплодотворения донорской яйцеклетки спермой автора. Беременность вынашивала суррогатная мать. 2 мая 2014 года Верховный суд Калифорнии объявил автора единственным законным родителем близнецов, которые должны были родиться, и предоставил ему исключительные родительские права, отказав суррогатной матери в статусе законной матери в соответствии с договором, подписанным между ней и автором.
2.2 В свидетельстве о рождении, выданном в Соединенных Штатах, обоим сыновьям автора были присвоены две фамилии: первая фамилия автора и девичья фамилия донора яйцеклетки. В указанном свидетельстве автор был записан как «отец», а графа «мать» была оставлена пустой. Автор отмечает, что соглашение о донорстве яйцеклетки содержало положение, согласно которому личность донора остается конфиденциальной. Однако она раскрыла автору свою личность и оставила детям возможность связаться с ней, когда им исполнится 18 лет, если они этого захотят.
2.3 22 июля 2014 года автор и оба его сына въехали в Коста-Рику с паспортами Соединенных Штатов. 30 июля 2014 года автор ходатайствовал о регистрации своих сыновей в Отделе записи актов гражданского состояния Верховного суда по избирательным делам Коста-Рики. В своем решении от 19 августа 2014 года Отдел записи актов гражданского состояния постановил зарегистрировать родившихся мальчиков под обеими фамилиями автора согласно Гражданскому кодексу Коста-Рики и в тот же день сообщил автору о принятом решении.
2.4 Автор подал апелляцию на решение Отдела записи актов гражданского состояния, которая была отклонена 3 октября 2014 года Верховным судом по избирательным делам, который заявил, что, хотя сыновья автора родились и были зарегистрированы в соответствии с нормами Соединенных Штатов, это не обязывает государство Коста-Рика регистрировать их аналогичным образом, поскольку существуют национальные нормы, обязательные к исполнению. Суд счел, что, поскольку личность матери не установлена, то единственным приемлемым решением с юридической точки зрения является применение по аналогии процедуры, предусмотренной в Гражданском кодексе в отношении детей, рожденных вне брака [согласно статье 52 Гражданского кодекса Коста-Рики, детям, рожденным вне брака, присваиваются обе фамилии матери], и присвоение сыновьям обеих фамилий отца.
2.5 19 декабря 2014 года Конституционная палата Верховного суда отклонила ходатайство автора, представленное в порядке ампаро, также сочтя, что нормы страны происхождения детей не являются обязательными для государства Коста-Рика, поскольку в нем действуют собственные нормы регистрации рождений, обязательные к исполнению. Кроме того, Суд заявил, что в любом случае нарушение какого-либо права отсутствует, поскольку автору не было отказано в регистрации сыновей как костариканцев» (пункты 2.1-2.5 Решения).

Тема сообщения: регистрация рождения в Отделе записи актов гражданского состояния.

Правовые позиции Комитета: согласно статье 7 Конвенции, применение государствами-участниками права на имя должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством (пункт 4.2 Решения).

Комитет указывает, что толкование или применение национального законодательства является прерогативой государственных властей, если только такое толкование или применение не носит явно произвольный характер или представляет собой отказ в правосудии. В данном случае довод автора о наличии противоречий во внутреннем законодательстве ничем не мотивирован и, следовательно, не может служить основанием для констатации произвольности или отказа в правосудии со стороны национальных властей (пункт 4.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению решение коста-риканских властей, согласно которому регистрация детей в Отделе записи актов гражданского состояния должна осуществляться в соответствии с критериями, установленными в Гражданском кодексе Коста-Рики, независимо от критериев, применяемых в стране рождения… Комитет считает, что автор не представил убедительных доказательств того, что присвоение его сыновьям обеих фамилий отца согласно коста-риканскому законодательству является препятствием к полному знанию ими своего биологического происхождения и к реализации ими своего права на индивидуальность (пункт 4.2 Решения).

Что касается заявлений автора о невозможности возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния, то Комитет отмечает, что автор мог обжаловать это решение и прибегнуть к процедуре ампаро[14] в Верховном суде. Кроме того, Комитет отмечает, что автор не обосновал, в какой степени невозможность возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния до его принятия нарушила права его сыновей, закрепленные в Конвенции (пункт 4.4 Решения).

Выводы Комитета: Комитет объявляет это сообщение [явно] необоснованным и неприемлемым согласно подпункту f) статьи 7 Факультативного протокола (пункт 4.4 Решения).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми было

[14] Средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем.

установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей, содержавшихся в соответствующий период в местах лишения свободы, в судебных заседаниях по рассмотрению их гражданских дел.

Постановления Европейского Суда по жалобам ***№№ 46892/09, 17041/10, 23559/10, 72268/10, 29897/11 «Бирюков и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), ***№№ 2421/13, 6069/13, 8299/13, 19288/13, 22285/13, 31713/13, 41291/13, 45958/13 «Михайлов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), ***№№ 36907/12, 40782/12, 42855/12, 42940/12, 43317/12, 68297/12, 72157/12 «Орлов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), ***№№ 11127/08, 4100/11, 8795/11, 25158/11, 27653/11, 12247/12, 31488/12, 32000/12 «Побережьев и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.) и ***№№ 47485/11, 51072/11, 52914/11, 53528/11, 68515/11, 5508/12, 6205/12 «Фролов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Защита права на жизнь и права не подвергаться пыткам в аспекте проведения эффективного расследования

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин[15]

Сообщение: *Рейна Трухильо и Педро Аргуэльо Моралес против Мексики*. Сообщение № 75/2014. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) 21 июля 2017 г.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с его [Комитета] [О]бщей рекомендацией № 19 содержащееся в статье 1 Конвенции определение дискриминации охватывает насилие в отношении женщин, то есть насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она —

[15] Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г., принятого 6 октября 1999 г.

Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

женщина, или насилие, которое оказывает на женщин несоразмерное воздействие. Насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. Эти права включают право на жизнь. В пункте е) статьи 2 Конвенции государствам-участникам предписывается принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия. В соответствии с общими нормами международного права и положениями конкретных пактов о правах человека на государства может быть также возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации[16] (пункт 9.4 Мнения).

В соответствии с [О]бщей рекомендацией № 28 (2010) Комитета, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, государства-участники должны проявлять должную осмотрительность для предотвращения, расследования, судебного преследования таких актов насилия по признаку пола и наказания за их совершение (пункт 19). Если же дискриминация в отношении женщин сопряжена с нарушением других прав человека, в частности права на жизнь и физическую неприкосновенность в случаях, например, бытового и других форм насилия, то государства-участники обязаны возбуждать уголовное дело, предавать виновного (виновных) суду и назначать соответствующие уголовные наказания (пункт 34). Комитет также считает, что безнаказанность в случае совершения подобных преступлений в значительной степени способствует увековечению в обществе культуры одобрения самых экстремальных форм насилия в отношении женщин, благодаря чему совершение подобных актов не прекращается (пункт 9.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет напоминает, что в его заключительных замечаниях по Мексике отмечалось следующее[17]: … [С]татья 21 Общего закона об обеспечении доступа женщин к жизни без насилия определяет феминицид как крайнюю форму насилия в отношении женщин и как продукт нарушения их прав человека как в общественной, так и в личной жизни, в основе которого лежит комплекс женоненавистнических моделей поведения и который может порождать социальную безнаказанность и безнаказанность государства и являться причиной убийства женщин или других форм насильственного лишения их жизни. Тем не менее он обеспокоен неадекватностью

---

[16] Общая рекомендация № 19 (1992) Комитета, касающаяся насилия в отношении женщин, пункты 6, 7 и 9.

[17] CEDAW/C/MEX/CO/7-8, Заключительные замечания по сводному, седьмому и восьмому, периодическому докладу Мексики, 7 августа 2012 г.

определений преступления феминицида в местных уголовных кодексах, а также различиями между этими определениями. Он выражает свою глубокую тревогу по поводу большого и все увеличивающегося числа случаев феминицида в нескольких штатах, таких как Веракрус, Гуанахуато, Кинтана-Роо, Мехико, Нуэво-Леон, Оахака, Пуэбла, Халиско и Чьяпас, а также в городах Мехико и Сьюдад-Хуарес. Он также обеспокоен неадекватностью процедур регистрации и документального оформления убийств женщин, что подрывает надлежащее проведение расследований по делам, а также не позволяет оперативно уведомлять семьи об убийствах и проводить более полную и надежную оценку феминицида.

Комитет также обеспокоен: … c) незначительным числом случаев насилия в отношении женщин, о которых информируются власти, поскольку женщины боятся возмездия и не доверяют властям; отсутствием стандартных протоколов расследования и преследования в рамках дел, связанных с насилием в отношении женщин, что негативно сказывается на правах жертв в плане доступа к правосудию и является причиной того, что в контексте большого числа дел виновные остаются безнаказанными, как было отмечено Межамериканским судом по правам человека в связи с делом «*Кампо Алгодонеро*» («*Хлопковое поле*»); d) хронической безнаказанностью, обусловленной тем, как проводятся расследования, осуществляется преследование и наказываются те, кто повинен в актах насилия в отношении женщин, во всей стране (пункт 9.2 Мнения).

Комитет отмечает, что после даты оправдания лица, изначально подозреваемого в убийстве Пилар Аргуэльо Трухильо, власти государства-участника, как представляется, не предприняли никаких действий для выяснения обстоятельств преступления и установления виновного, например не взяли в разработку новые направления расследования (пункт 9.3 Мнения).

Признавая, что обязательство государства расследовать преступления является обязательством в отношении средства, а не результата, Комитет считает, что в рассматриваемом случае государство-участник не продемонстрировало, что им сделано все возможное для выполнения своих обязательств по Конвенции в плане расследования преступления, привлечения виновного или виновных к суду и назначения надлежащего уголовного наказания. Государство не смогло доказать, что в соответствии с пунктами b) и c) статьи 2 и статьей 5 в сочетании со статьей 1 Конвенции оно приняло необходимые меры для того, чтобы действовать с должной осмотрительностью, имея целью гарантировать проведение расследования и судебного разбирательства, и это привело к тому, что преступление остается безнаказанным, а авторы стали жертвами отказа в правосудии (пункт 9.6 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты…свидетельствуют о нарушении прав *Пилар Аргуэльо Трухильо* в соответствии с пунктами b) и c) статьи 2 и статьей 5 в сочетании со статьей 1 Конвенции (пункт 9.6 Мнения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе №41858/08 ***«Идалов против России (№2)»*** (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с *Идаловым Т.С.-М.* (далее – заявитель) в отделении полиции, следственном изоляторе, исправительной колонии и необеспечением эффективного расследования по данным фактам, а также в связи с необеспечением заявителю надлежащих условий содержания под стражей и транспортировки.

Установлено также нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции — в связи с незаконным задержанием и последующим содержанием заявителя в отделении полиции, а также незаконным и необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статьи 3 и 13 Конвенции что он несколько раз подвергался жестокому обращению во время содержания под стражей, и что расследование в ответ на его жалобы не было эффективным.

Европейский Суд отметил, что «заявитель представил четкое описание событий в отношении предполагаемых случаев жестокого обращения во время содержания под стражей. Его версия событий не противоречила представленным сторонами доказательствам. Заявитель получил множественные повреждения, и его утверждения о жестоком обращении с заключенными были достаточно весомыми для начала властями официальной проверки в каждом отдельном случае» (пункт 86 постановления).

Суд подчеркнул, что «Власти… сообщили Суду лишь о том, что расследование в отношении утверждений заявителя продолжается. Никаких документов или дополнительной информации представлено не было» (пункт 88 постановления).

Европейский Суд заключил, что «[в] свете медицинских документов, находящихся в его распоряжении… травмы, нанесенные заявителю, были достаточно серьезными, чтобы представлять собой жестокое обращение по смыслу статьи 3» (пункт 89 постановления).

В отношении эффективности расследования Суд отметил, что «расследование по каждому инциденту, связанному с жестоким обращением, на которое подал жалобу заявитель, все еще находится на рассмотрении, продолжительность расследования составляет от четырех до семи лет… [В]ласти не выполнили свое обязательство по проведению

эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении, как того требует статья 3 Конвенции… Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части ее процедурного аспекта» (пункты 94-95 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 3 и 13 Конвенции, на условия его содержания под стражей и транспортировки.

В отношении условий содержания заявителя под стражей в изоляторе временного содержания и следственном изоляторе, Суд установил, что он содержался в переполненных камерах и пришел к выводу, что «заявитель подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 109 постановления).

В отношении условий транспортировки заявителя, Суд также установил нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 112 постановления).

Одновременно Суд пришел к выводу, что «заявитель не имел эффективного средства правовой защиты, позволяющего ему жаловаться на условия его содержания под стражей и транспортировки. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции» (пункт 115 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его арест и последующее содержание под стражей противоречат положениям статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «заявитель был задержан в ходе проведения специальной операции областным отделом полиции по борьбе с организованной преступностью, как установлено национальными судебными органами. Операция была направлена на заявителя, в частности, как лицо, подозреваемое в вымогательстве денег… После ареста, специализированное полицейское подразделение выдвинуло обвинения и содержало заявителя под стражей [в связи с] административн[ым] правонарушении[ем] (несоблюдение законного распоряжения полиции)» (пункт 123 постановления).

Суд подчеркнул, что «[х]отя арест и последующее содержание под стражей за несоблюдение приказа полиции обычно подпадают под действие подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции…заявитель был лишен свободы для целей его представления перед компетентным органом по подозрению в совершении преступления, а именно вымогательства. Таким образом, его лишение свободы с 16 по 17 июля 2008 г. подпадает под действие подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Даже принимая в установленном порядке тот факт, что в ходе специальной операции заявитель действительно отказался представить сотрудникам полиции свой документ, удостоверяющий личность, оказывал сопротивление при задержании и пытался скрыться, решение властей о рассмотрении поведения заявителя как административного правонарушения не могло… освободить сотрудников полиции от необходимости соблюдения

процессуальных гарантий, связанных с фактическим статусом заявителя в качестве подозреваемого в совершении преступления» (пункт 126 постановления).

Европейский Суд отметил, что «сразу после ареста заявитель был подвергнут обыску, а полиция обнаружила у него героин. Тем не менее, заявитель оставался под стражей по административным обвинениям еще на следующий день до того, как против него было возбуждено соответствующее уголовное дело. Обвинения в вымогательстве предъявлено не было» (пункт 127 постановления).

Суд подчеркнул, что «ситуация в данном случае создает сильное подозрение, что полиция использовала административное задержание для обеспечения наличия заявителя в качестве подозреваемого в совершении преступления, но сделала это без защиты его процессуальных прав, в частности, права на юридическую помощь» (пункт 128 постановления).

Европейский Суд отметил, что «такое поведение со стороны полиции помешало отправлению правосудия и было дискреционным. Тот факт, что судебные власти были осведомлены о ситуации и ничего не сделали для ее устранения, также вызывает серьезную озабоченность» (пункт 129 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «задержание заявителя 16 июля 2008 года и последующее содержание под стражей до 17 июля 2008 года не были «законными» или «в предусмотренном законом порядке». Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 130 постановления).

Что касается жалобы заявителя относительно того, что в нарушение применимого законодательства районный суд не уточнил срок его содержания под стражей с 18 июля 2008 г., Европейский Суд отметил, что «российские уголовно-процессуальные нормы требуют, чтобы при принятии решения относительно помещения подсудимого под стражу, суд должен указать срок содержания под стражей… [Н]евыполнение данного требования составило «грубое и явное несоблюдение правил», которое могло бы сделать содержание заявителя под стражей дискреционным и, следовательно, «незаконным» по смыслу пункта 1 статьи 5… Следовательно,… содержание заявителя под стражей на основании судебного постановления от 18 июля 2008 г. не «соответствовало процедуре, установленной законом» (пункты 131-132 постановления).

Заявитель также подал жалобу относительно того, что его предварительное заключение не было обосновано и подкреплено относимыми и достаточными основаниями. Он ссылался на пункт 3 статьи 5 Конвенции.

Суд установил, что «общая продолжительность заключения заявителя под стражей составила 1 год 5 месяцев и 2 дня» (пункт 135 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что, «не рассматривая конкретные факты или альтернативные меры пресечения, власти продлевали содержание заявителя под стражей на основаниях, которые, хотя и являются «существенными», не могут считаться «достаточными» для обоснования содержания заявителя под стражей в течение около полутора лет. В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли судебное производство проведено с «особой тщательностью»… Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции» (пункты 139-140 постановления).

Заявитель также подал жалобу в соответствии со статьей 6 Конвенции относительно недопущения его к судебному разбирательству.

Европейский Суд установил, что «в последний день судебного разбирательства суд решил удалить заявителя из зала суда. В результате, некоторые доказательства были рассмотрены в отсутствие заявителя, что может поставить под вопрос общую справедливость уголовного разбирательства в отношении заявителя» (пункт 147 постановления).

Суд отметил, что «в ходе судебного разбирательства заявитель неоднократно нарушал ход разбирательства. Он сжег страницы из материалов дела, оскорблял свидетелей и других участников разбирательства, а также угрожал им, игнорируя предупреждения председательствующего судьи… [В] последний день судебного разбирательства заявитель был удален из зала суда после возобновления им недисциплинированного поведения» (пункт 148 постановления).

Суд подчеркнул, что «для надлежащего осуществления правосудия важно соблюдать достоинство, порядок и правила приличия в зале суда в ходе судебного разбирательства. Вопиющее пренебрежение со стороны подсудимого элементарными нормами надлежащего поведения не может и не должно допускаться» (пункт 149 постановления).

Европейский Суд отметил, что «поведение заявителя носило такой характер, что удаление заявителя из зала суда и продолжение его судебного разбирательства в его отсутствие было оправданным…. [Д]о удаления из зала суда заявитель был полностью и явно проинформирован о том, что его поведение было ненадлежащим и неприемлемым, а также ему было сделано предупреждение о возможных последствиях нарушения дисциплины. Соответственно, у Европейского Суда не имеется никаких сомнений в том, что заявитель, сохраняя свое предосудительное поведение, отказался от своего права присутствовать на суде… [В] отношении отказа заявителя имелись минимальные гарантии. Адвокат заявителя участвовал в слушании и надлежащим образом осуществлял защиту заявителя» (пункты 150-151 постановления).

Суд заключил, что «нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствовало» (пункт 152 постановления).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека[18]

Сообщение: *Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла*. Сообщение № 2481/2014. Соображение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 17 марта 2017 г.

Тема сообщения: лишение свободы мэра за неподчинение решению суда.

Вопрос существа: произвольное задержание, условия содержания под стражей, право на справедливое судебное разбирательство, право на участие в политической жизни.

Правовые позиции Комитета: любое принудительное содержание, будь то по уголовному обвинению или в рамках какого-либо иного режима, должно осуществляться на основании закона и в соответствии с процедурами, предписанными законом[19]. Таким образом, режим лишения свободы не должен размывать границы системы уголовного правосудия, предусматривая меры, эквивалентные уголовному наказанию, при отсутствии применимых гарантий защиты[20]. В частности, назначение чрезвычайно сурового наказания в виде тюремного заключения за неуважение к суду без достаточных разъяснений и без независимых процедурных гарантий является произвольным[21]…Комитет напоминает, что понятие «произвольности» следует толковать более широко с учетом элементов неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности[22] (пункт 7.4 Соображения).

Комитет напоминает, что… право [на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным судом], признаваемое за всеми лицами в контексте рассмотрения любых предъявляемых им уголовных обвинений, также распространяется на деяния, которые являются

---

[18] Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту, принятому в эту дату.

Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признаёт компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

[19] См. Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 14.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же, пункт 12.

уголовными по своему характеру и которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учетом их цели, характера или строгости[23] (пункт 7.8 Соображения).

[В] тех случаях, когда высший суд страны действует в качестве суда первой и единственной инстанции, отсутствие права на пересмотр вышестоящим судом не компенсируется тем фактом, что лицо судимо верховным судом государства-участника; такая система скорее не совместима с Пактом, кроме как если соответствующее государство-участник сделало оговорку в этом отношении[24]. С учетом уголовного характера меры наказания, назначенной автору, Комитет считает, что в данном случае отсутствие у автора возможности добиться пересмотра приговора представляет собой нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта (пункт 7.11 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобы автора о том, что вынесенный ему приговор к тюремному заключению за неподчинение судебному решению о применении временных мер защиты конституционных прав был принят в нарушение его права на личную свободу и права не подвергаться произвольному аресту или задержанию, предусмотренных статьей 9 Пакта. Автор утверждает, что государство-участник провело судебное разбирательство в конституционном суде и назначило ему меру наказания в виде тюремного заключения, не прибегнув при этом к уголовному судопроизводству, и что тем самым Конституционная палата Верховного суда превысила свои полномочия, поскольку за проведение расследований по подозрению в совершении преступлений и, в случае необходимости, возбуждение дела в уголовном суде отвечает прокуратура… [Г]осударство-участник заявило, что приговор за неподчинение судебному приказу был вынесен автору в порядке осуществления Конституционной палатой своих полномочий назначать наказания и был продиктован невыполнением обеспечительных мер, предписанных 12 марта 2014 г., а не в порядке уголовного преследования. Несмотря на то, что в статье 31 Органического закона о защите конституционных прав и гарантий не оговаривается, какой именно орган компетентен устанавливать факт неподчинения и в рамках какой процедуры, передача дела в уголовный суд отняла бы слишком много времени и могла оказаться неэффективной с учетом того, что прокуратура могла прекратить расследование, а уголовный суд – отклонить дело (пункт 7.2 Соображения).

Автор… утверждает, что в статье 31 Органического закона о защите конституционных прав и гарантий, на основании которой ему был вынесен

---

[23] См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 15.

[24] Там же, пункт 47.

приговор, регламентируются случаи неподчинения окончательным решениям, касающимся существа ходатайств о применении процедуры ампаро[25], а не временных обеспечительных мер; что исполнительный судья, отвечавший за обеспечение его обвинительного приговора, отказал автору в запрошенных им процедурных гарантиях и привилегиях, включая рассмотрение вопроса о назначении альтернативной меры наказания, пересмотр срока наказания и проведение психосоциальной оценки, сославшись на то, что речь не шла об «обычном уголовном разбирательстве»; что упомянутое шоссе[26] не находилось в ведении муниципальных органов власти; и что выполнить временные меры не представлялось возможным, поскольку после даты вынесения соответствующего судебного постановления на дорогах общего пользования в Сан-Диего уже не оставалось баррикад, как это было подтверждено свидетелями защиты, сотрудниками прокуратуры и Канцелярии народного защитника (пункт 7.3 Соображения).

Комитет отмечает, что в данном случае обе стороны согласны признать, что в венесуэльском законодательстве предусмотрена обычная уголовная процедура, в рамках которой автор мог бы быть привлечен к ответственности за преступление, состоящее в неподчинении решению суда, хотя государство-участник и заявило, что данная процедура могла бы занять слишком много времени и оказаться неэффективным средством обеспечения временных мер защиты, и что обе стороны также указали, что в нормативном положении, на основании которого автор был осужден за неподчинение, не уточняется ни компетентный орган, ни порядок установления факта преступного деяния…Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло утверждений автора о том, что нормативное положение, на которое Конституционная палата опиралась в своем решении, регламентирует случаи неподчинения окончательным решениям о применении процедур ампаро, а не решениям о временных мерах и что исполнительный судья, отвечавший за обеспечение обвинительного приговора, отказал автору в запрошенных им процедурных гарантиях и привилегиях, поскольку речь не шла об обычном уголовном разбирательстве. Государству-участнику также не удалось убедительным образом опровергнуть утверждения автора о невозможности выполнения указанных временных мер (пункт 7.5 Соображения).

Комитет считает, что решение приговорить автора к тюремному заключению сроком на 10 месяцев и 15 дней и отстранить его от

---

[25] Средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем.

[26] Иск был подан против автора и заместителя директора муниципальной полиции в связи с предполагаемым невыполнением обязанности разобрать баррикады, возведенные жителями муниципалитета Сан-Диего, в частности на объездном шоссе Барбула-Ягуа. Ходатайство было подано в отношении муниципальных органов власти, несмотря на то, что указанное шоссе не относится к их ведению, а находится в хозяйственном ведении центрального правительства и под его контролем.

должности мэра не имеет под собой надлежащей правовой основы и что государство-участник не смогло доказать, что мера, принятая для достижения предполагаемой цели, носила разумный, необходимый и соразмерный характер… Комитет считает, что содержание автора под стражей было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9 Пакта (пункт 7.6 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобы автора по статье 10 Пакта о том, что он содержался в одиночном заключении в штрафном изоляторе военной тюрьмы без связи с внешним миром, в камере без окон, без доступа к другим зонам общего пользования, что возможности общения были строго ограничены и что он подвергался личным обыскам. Государство-участник оспорило утверждение автора о доступе к помещениям общего пользования и о действовавшем режиме общения, но никак не прокомментировало остальные утверждения, в частности в свете заявления автора о том, что условия содержания автора и других заключенных в блоке B были зафиксированы в акте, составленном директором Управления Прокуратуры по вопросам защиты основополагающих прав и директором Национального военного дисциплинарного центра, вслед за чем практика содержания заключенных без связи с внешним миром была прервана на два дня, а затем возобновлена с новой силой, а условия содержания ухудшились. …Комитет считает, что содержание автора под стражей в описанных условиях представляет собой нарушение статьи 10 Пакта (пункт 7.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобу автора о нарушении его права на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным судом (пункт 7.8 Соображения).

С учетом не оспоренных государством-участником замечаний автора по поводу того, что в соответствии с положением, на основании которого был вынесен обвинительный приговор, уголовная ответственность вводится за невыполнение окончательных решений по процедуре ампаро, а не решений о принятии временных мер, а также того, что в данном положении не оговаривается, какая судебная инстанция и в каком порядке компетентна устанавливать факт преступного деяния, Комитет приходит к выводу о том, что судебное разбирательство в отношении автора и вынесенный Конституционной палатой по его итогам обвинительный приговор за неподчинение приказу о принятии временных мер представляют собой нарушение права автора на разбирательство дела компетентным судом, закрепленного в пункте 1 статьи 14 Пакта (пункт 7.9 Соображения).

Что касается гарантий надлежащей правовой процедуры, то Комитет принимает к сведению не опровергнутые государством-участником утверждения автора о том, что он не был лично уведомлен о вынесенном 17 марта 2014 г. постановлении о назначении на 19 марта слушания в связи

с предполагаемым неподчинением судебному решению о принятии временных мер и что на подготовку защиты у него оставались всего лишь сутки. Автор также указал, что из предъявленного им 131 доказательства к делу были приобщены всего шесть, причем одно из них было лишь частично воспроизведено в зале суда. В связи с этим Комитет считает, что описанные факты свидетельствуют о нарушении права автора на минимальные процессуальные гарантии, изложенные в пункте 3 статьи 14 Пакта (пункт 7.10 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобу автора о том, что его дело рассматривалось в уголовном порядке единственной инстанцией, а именно высшим судебным органом Венесуэлы (пункт 7.11 Соображения).

[А]втор утверждает, что Конституционная палата Верховного суда произвольно отстранила его от исполнения обязанностей мэра, несмотря на то, что в соответствии со статьей 87 Органического закона об органах муниципального управления подобные решения входят в сферу компетенции муниципального совета. Государство-участник заявило, что наличие окончательного приговора служит одним из оснований полного отсутствия на посту, которое в свою очередь оправдывает смещение мэра с должности в соответствии с вышеупомянутым положением. Сделав вывод о том, что содержание автора под стражей на основании приговора, вынесенного за неподчинение судебному решению о принятии временных мер защиты, носило произвольный характер и что разбирательство по его делу было проведено с нарушением гарантий надлежащей правовой процедуры, предусмотренных в статье 14 Пакта, Комитет считает, что смещение автора с должности мэра и фактическое поражение в праве голосовать и быть избранным представляют собой нарушение пункта b) статьи 25 Пакта (пункт 7.12 Соображения).

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении статьи 9; 10; пунктов 1, 3 и 5 статьи 14; и пункта b) статьи 25 Пакта (пункт 8 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе ***№ 9536/10 «Федорин против России»*** (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих условий содержания *Федорина Д.В.* (далее – заявитель) в помещении отдела ФСКН России, пунктов 1 и 4 статьи 5, а также пункта 1 статьи 6 Конвенции - в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей в отсутствие протокола о задержании и ненадлежащим рассмотрением областным судом жалобы заявителя на постановление о продлении срока содержания его под стражей и жалобы на приговор по его уголовному делу.

Заявитель жаловался на то, что условия его содержания под стражей в помещении ФСКН нарушали статью 3 Конвенции. Заявитель утверждал, что он содержался под стражей в течение примерно 22 часов в грязной камере, в которой отсутствовали базовые удобства, необходимые для содержания под стражей. Ему также не предоставлялись еда или питье.

Европейский Суд посчитал «неприемлемым содержание лица под стражей в условиях, в которых не обеспечена возможность удовлетворения его базовых потребностей… Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (пункты 15-16 постановления).

Заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, жаловался на то, что содержание его под стражей с 14 по 15 октября 2009 г. было незаконным.

Европейский Суд отметил, что власти не отрицали, что задержание заявителя было официально оформлено только на следующий день и пришел к выводу о том, что «содержание заявителя под стражей с 14 по 15 октября 2009 г. осуществлялось не «в порядке, установленном законом», и что оно, следовательно, противоречит пункту 1 статьи 5 Конвенции. Соответственно, было допущено нарушение данного положения» (пункты 22-23 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что ему было отказано в праве на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение из-под стражи до суда в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «[з]аявитель был задержан 14 октября 2009 г. и признан виновным 12 февраля 2010 г. Таким образом, подлежащий рассмотрению период составляет чуть меньше четырёх месяцев» (пункт 28 постановления).

Суд отметил, что «задержание заявителя было обусловлено наличием разумного подозрения в том, что он торговал наркотическими веществами» (пункт 29 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «российские суды придали особое значение риску того, что заявитель может скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью. Оценка данного риска основывалась на его предыдущих судимостях, отсутствии работы и семьи. В этих обстоятельствах выводы национальных судов о том, что заявитель мог скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью, не выглядят необоснованными. Несмотря на то, что отсутствие у заявителя работы или семьи не могло само по себе послужить основанием для помещения его под стражу, данные обстоятельства могли упрочить опасения того, что он может скрыться» (пункт 31 постановления).

Суд также отметил, что «заявитель содержался под стражей менее четырёх месяцев. Ничто в представленных материалах не свидетельствует о наличии существенного периода бездействия со стороны органов прокуратуры или суда… [К]омпетентные национальные органы

продемонстрировали особую тщательность при рассмотрении дела заявителя» (пункт 32 постановления).

Европейский Суд заключил, что «нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было» (пункт 33 постановления).

Заявитель также жаловался, что ни он, ни его адвокат не присутствовали на слушании, на котором была рассмотрена его кассационная жалоба и продлено содержание под стражей.

Европейский Суд напомнил, что «отсутствие заявителя и (или) его адвоката в ходе рассмотрения кассационной жалобы влечёт за собой нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 38 постановления).

Суд заключил, что в данном случае «имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 40 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, было нарушено в связи с необеспечением национальным судом участия его и (или) его адвоката на слушании, на котором была рассмотрена кассационная жалоба.

Европейский Суд отметил, что «в российской правовой системе отсутствие заявителя и (или) адвоката при рассмотрении кассационной жалобы нарушает принцип равенства сторон» (пункт 45 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что «рассмотрение кассационной жалобы проходило в отсутствие заявителя и его адвоката, в то время как в зале суда присутствовал прокурор, который представлял свою позицию устно» (пункт 46 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «в данном отношении имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункт 47 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе ***№ 40979/04 «Трутько против России»*** (вынесено 6 декабря 2016 г., вступило в силу 6 марта 2017 г.), которым установлено нарушение п. 1. ст. 5 Конвенции в связи с незаконным заключением *Трутько М.А.* (далее – заявительница) в целях ее судебно-психиатрического обследования и незаконным содержанием ее в психиатрическом учреждении.

Заявительница жаловалась на то, что ее пребывание в психиатрическом учреждении с 9 по 13 апреля 2004 г. с целью проведения судебно-психиатрической экспертизы в стационаре было нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Власти утверждали, что пребывание заявительницы в психиатрическом учреждении с целью проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы было осуществлено в соответствии с национальным уголовно-процессуальным законодательством. Было отмечено, что заявительнице была предоставлена возможность обжалования решения городского суда и предоставления своих аргументов во время слушания в кассационной инстанции.

Европейский Суд установил, что « [в] настоящем деле стороны не оспаривали, что исполнение судебного решения о судебно-психиатрической экспертизе заявительницы было связано с лишением свободы» (пункт 32 постановления).

Суд отметил, что «[б]ольшинство дел, связанных с принудительной госпитализацией, были рассмотрены в соответствии с пунктом 1 (е) статьи 5 Конвенции, которая допускает задержание лиц «душевнобольных». Несмотря на значительную степень сходства между этими делами и настоящим делом, очевидно, что настоящее дело подлежит рассмотрению в соответствии с пунктом 1 (b) статьи 5 Конвенции, в котором предусматривается *inter alia*[27], в частности, задержание за неисполнение судебного решения, вынесенного в этот же день на основании ходатайства прокурора от 4 ноября 2003 года о необходимости прохождения экспертизы заявителем, и после серии переносов судебных заседаний, заявительница была задержана в соответствии с решением суда 9 апреля 2004 года. В отношении лица, которому судом была назначена принудительная психиатрическая экспертиза, цель содержания под стражей в соответствии с подпунктом (b) пункта 1 статьи 5 Конвенции, заключалась в обеспечении исполнения судебного решения о прохождении заявительницей психиатрической экспертизы, которая, по мнению компетентных национальных органов, была необходима в целях определения страдает ли человек каким-либо психическим расстройством. Именно в этом и состоял смысл судебного решения, вынесенного городским судом 4 ноября 2003 г.» (пункт 33 постановления).

Суд также установил, что «судебно-психиатрическая экспертиза заявительницы была назначена компетентными национальными органами во время досудебного расследования предполагаемого оскорбления судей и неуважения к суду. 4 ноября 2003 г. городской суд вынес решение о проведении экспертизы заявительницы со ссылкой на статью 165 Кодекса[28], которая требует судебного решения на определенные следственные действия и пункта 2 статьи 203 Кодекса[29], что позволяет подозреваемому быть задержанным с целью психиатрической экспертизы. Нет никаких доказательств того, что заявительница или ее представители были уведомлены о заседании, в то время как прокурор и следователь присутствовали и делали устные заявления» (пункт 37 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что он не сомневается, что «необходимые требования уголовного расследования могут оправдать *ex parte*[30] слушания по судебному разрешению определенных следственных действий в соответствии со статьей 165 Кодекса[31] (например, домашний и

---

[27] Среди прочего.

[28] Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

[29] Там же.

[30] Без уведомления *или* в отсутствие другой стороны.

[31] Там же.

личный обыск и перехват корреспонденции). В этом контексте слушание *ex parte* служит для повышения эффективности расследований и сдерживает вероятность того, что доказательства были подделаны или уничтожены. Однако помещение лица в медицинское или психиатрическое учреждение для судебно-медицинской экспертизы, по-видимому, не подпадает под категорию, к которой вышеуказанные соображения могут быть применены в равной степени» (пункт 38 постановления).

Суд отметил, что «вышеупомянутые следственные меры включают содержание в специализированном медицинском учреждении, лишение свободы, которое в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции должно быть защищено от произвола. Важность гарантий в этом контексте еще больше усиливается тем фактом, что помещение в специализированное медицинское учреждение часто приводит к вмешательству в личную жизнь и физическую неприкосновенность личности посредством медицинских вмешательств против воли человека» (пункт 39 постановления).

Европейский Суд посчитал, что «[в] настоящем деле заявительница не была уведомлена и не имела возможности участвовать или присутствовать на слушании от 4 ноября 2003 г. в городском суде по вопросу ее помещения в психиатрическое учреждение. Национальный суд удовлетворил ходатайство следователя, не сочтя необходимым вызвать заявительницу или рассмотреть вопрос отсутствия заявительницы и дать какое-либо заключение по данному вопросу, приведшему к такому явному последствию судебного решения, как лишение свободы» (пункт 41 постановления).

Суд установил, что «заявительница могла обжаловать судебное решение от 4 ноября 2003 г. Однако она была задержана властями 9 апреля 2004 г. и помещена в Центр судебной психиатрии и освобождена через пять дней после того, как ее принудительная судебно-психиатрическая экспертиза была завершена. Кассационное заседание в областном суде состоялось через две недели 27 апреля 2004 г. Довод заявительницы об ее отсутствии на слушании в городском суде был отклонен со ссылкой на статьи 165 и 203 Кодекса[32]» (пункт 42 постановления).

Европейский Суд отметил, что «Конституционный Суд Российской Федерации в определении № 206-О от 18 июня 2004 года, пришел к выводу, что суд не может выносить постановления в соответствии со статьей 203 Кодекса[33], не предоставляя подозреваемому и/или его представителю возможность быть заслушанным[34]» (пункт 43 постановления).

---

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2004 г. № 206-О *«По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на*

Суд посчитал, что «разбирательство, приведшее к пятидневному содержанию заявительницы в Судебно-психиатрическом центре, не соответствовало требованию статьи 5 Конвенции, поскольку ее задержание было произвольным… Хотя статья 165 Кодекса действительно предусматривает проведение *ex parte* слушаний по соответствующим ходатайствам, ничто в материалах сторон не указывает на то, что российским судам было бы запрещено вызывать заявительницу, если они сочли необходимым ее присутствие. Кроме того, в вышеуказанном определении Конституционного Суда Российской Федерации четко указано, что внутреннее законодательство - статья 203 Кодекса[35] - предусматривает участие подозреваемых в слушаниях» (пункт 44 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «[в] настоящем деле заявительница не только не смогла представить свои доводы против ее задержания до вынесения соответствующего решения суда, но и национальные суды предпочли пренебречь аспектом лишения свободы даже после того, как вопрос об отсутствии заявительницы на заседании был поднят в кассационной инстанции… [С]одержание заявительницы в заключении с 9 по 13 апреля 2004 г. было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции… Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункты 45-46 постановления).

См. также вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе №41858/08 ***«Идалов против России (№2)»*** (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей. Постановления по жалобе ***№№ 9070/14 и др. «Меметов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), ***№№ 68433/10, 55250/13 и 44979/14 «Соловьев и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), ***№№ 54675/12, 76168/12, 56974/13, 10613/14, 18259/14, 36650/14, 12127/15 и 22190/15 «Музыченко и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), ***№№ 73864/10, 402/14, 5312/14, 6122/14, 8839/14, 10032/14, 14402/14, 18003/14, 19701/14, 23028/14 и 14573/15 «Мальков и другие против***

нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[35] Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

России» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), ***№ 9536/10 «Федорин против России»*** (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г. (приведено выше)).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе ***№ 20758/04 «Турьев против России»*** (вынесено 11 октября 2016 г., вступило в силу 11 января 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции - в связи с нарушением принципа презумпции невиновности, выразившимся в заявлениях прокурора в СМИ о виновности Турьева С.А. до вынесения приговора по его уголовному делу.

Заявитель жаловался на нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции, а именно, что прокурор в интервью газете до вынесения решения суда предопределил что заявитель будет осужден.

Европейский Суд подчеркнул, что « [п]ункт 2 статьи 6 [Конвенции] ограничивает должностные лица в объявлении человека виновным до вынесения приговора судом. Официальные лица могут доводить до общественности информацию о проведении уголовных расследований, например, репортажи о подозреваемых, арестах и признательных показаниях, если они делают это тактично и осмотрительно» (пункт 19 постановления).

Суд установил, что «[с]лова прокурора, напечатанные в [газете], были далеки от тактичности или осмотрительности. Он определил заявителя по его имени и фамилии и обозначил его как «убийцу» одной жертвы и «соучастником в убийстве» другой жертвы. Это больше, чем… простые факты, обнаруженные в ходе расследования, это безоговорочное объявление виновным» (пункт 20 постановления)

Европейский Суд пришел к выводу, что «слова прокурора, исходящие от властей, особенно убедительны в глазах общественности. Откровенные комментарии прокурора были четким заявлением о виновности заявителя, которое, во-первых, призвало общественность поверить в его виновность и, во-вторых, предвосхитило оценку фактов компетентным судебным органом…[Р]уководство прокурора нашло интервью неэтичным… Таким образом, имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции» (пункты 21-23 постановления).

См. также вышеприведенные Соображение Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу *Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла*; постановление Европейского Суда по жалобе ***№ 41858/08 «Идалов против России (№2)»*** (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.); постановление

Европейского Суда по жалобе ***№ 9536/10 «Федорин против России»*** (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.).

Вопросы выдачи

Решение Европейского Суда по жалобе ***№ 52286/14 «Абдулажон Исаков против России»*** (решение вынесено и вступило в силу 28 июля 2016 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба представителя *А.М. Исакова* на предполагаемое похищение указанного лица.

Адвокат заявителя утверждала, что *А.М. Исакова* похитили представители государства, которые затем вывезли его в Узбекистан, где он мог быть подвергнут обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. Она также утверждала, что предполагаемое перемещение *А.М. Исакова* в Узбекистан свидетельствует о нарушении статьи 34 Конвенции, поскольку Власти не выполнили указание Европейского Суда, данное им в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Власти утверждали, что они не располагают сведениями о местонахождении *А.М. Исакова*, что установить его истинные намерения или удостовериться в надлежащем представлении его интересов Н. Ермолаевой, которая не предоставила действующей доверенности в ходе разбирательства в Европейском Суде, практически невозможно. Они также обратили внимание на то, что указанную жалобу могли подать родственники *А.М. Исакова*, как это происходит во многих делах о похищениях.

Европейский Суд подчеркнул, что «[о]бзор дел, в которых конвенционные органы в особых случаях допускали возможность для третьих лиц представлять интересы и действовать от имени уязвимого лица… свидетельствует о наличии двух основных критериев: вероятности лишения прямой жертвы эффективной защиты его или ее прав и отсутствие конфликта интересов жертвы и интересов заявителя» (пункт 36 решения).

Суд установил, что «[п]редставленная [адвокатом заявителя] доверенность была заполнена *А.М. Исаковым* в связи с ранее поданной (в 2008 году) в Европейский Суд жалобой…и не может считаться действительной применительно к настоящему делу, которое затрагивает обстоятельства, наступившие после вынесения постановления по предыдущей жалобе» (пункт 38 решения).

Европейский Суд отметил, что «в первой жалобе говорилось о политических мотивах его обвинения в Узбекистане, что в случае экстрадиции он сразу окажется заключенным под стражу и что высока вероятность жестокого обращения с ним… Таким образом… *А.М. Исаков* может считаться уязвимым лицом, которое не в состоянии самостоятельно подать жалобу в Суд» (пункт 40 решения).

Суд установил «наличие у *А.М. Исакова* в России близких родственников. Племянник *А.М. Исакова* обращался в местное отделение полиции с заявлением о его исчезновении, а члены его семьи наняли адвоката для представления его интересов во время судебного разбирательства на национальном уровне. Более того, во время указанных разбирательств были допрошены сын и брат *А.М. Исакова*» (пункт 41 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что «не усматривает в настоящем деле особых обстоятельств, которые бы давали [адвокату заявителя] право действовать от имени *А.М. Исакова*, и приходит к заключению, что [адвокат заявителя] не имеет права подавать жалобу от имени *А.М. Исакова*. Из этого следует, что данная жалоба несовместима *ratione materiae*[36] с положениями Конвенции в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35» (пункт 43 решения).

В Верховный Суд Российской Федерации по вопросам выдачи также поступили решения Европейского Суда по правам человека по жалобам ***№№ 39496/14 и 39727/14 «Н. и М. против России»*** (решение о неприемлемости, вынесено 19 мая 2016 г.), ***№ 16208/05 «Захаров против России»*** (решение об отказе в принятии жалобы, вынесено 16 февраля 2017 г.) и ***№ 76558/16 «С.Б. против России»*** (решение об исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению Судом, вынесено 27 июля 2017 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

[36] Ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения.